

ТЫ ТЯНЕШЬСЯ К СВЕТУ, НО МЫ - ТЬМА, ДЕТКА.
БОРИСЬ! СОПРОТИВЛЯЙСЯ! ПЛАЧЬ!
ОТ МЕНЯ НЕ УЙТИ.

ДОН БОТ
МАРИЯ О'ХАРА

ПЛАЧЬ

Детка

ПЛАЧЬ

Ты — потерянная девушка. Я затащил тебя в пропасть.
И не намерен когда-либо отпускать тебя, Эмилия.
Если ты сбежишь, я буду искать тебя. И обязательно найду.
Потому что ты принадлежишь мне.
Ты тянешься к свету, но мы — Тьма, детка.
Борись!
Сопrotивляйся!
Плачь!
От меня не уйти.

Дон Бот и Мария О`Хара

Плачь, детка, плачь

Перевод: Jane Doe (до 25гл), Julia Ju

Редактура: Sunshine (до 25гл), Ленчик Лисичка

Обложка: Jane Doe

Вычитка: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Оформление: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Переведено для группы: vk.com/stagedive

Книга 1

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

1. Ты не львица, ты овца, Эмилия

Мейсон

Ты стоишь напротив меня, и я тебя немного ненавижу, Эмилия.

Ты надела узкие джинсы, которые я запретил надевать. Такое ощущение, что ты хочешь поиграть с моим монстром, Эмилия. Детка, ты делаешь это специально?

У тебя получается, Эмилия. Даже те три косяка, которые я уже выкурил, не могут успокоить мое кипение. Ты стоишь в моем подвале и разговариваешь с двумя сучками, которых я уже трахал, о чем никогда тебе не расскажу. А может и расскажу, когда захочу тебя подразнить.

Твои чертовы волосы, Эмилия. Они все еще такие длинные. Ты заплела их в косу. К этим чертовым джинсам ты надела черный топ с длинными рукавами и открытыми плечами, Эмилия. Потому что тебе не нравится, когда видно ссадины на запястьях, а *мне* не нравится, когда видны твои ключицы. Ты накрасилась: красная помада и подводка на глазах. С каких пор ты начала краситься, Эмилия? Ты не спрашивала у меня разрешения краситься помадой. Каждый неудачник, находившийся поблизости, будет представлять себе, как эти губы чувствуются вокруг его члена, и ты прекрасно об этом знаешь, Эмилия.

Ты провоцируешь меня.

И получишь по заслугам.

Но не сейчас, сейчас мне нужно покурить.

Я стряхиваю пепел на пол, в то время как громкие басы музыки отдаются вибрацией в моих костях. Все под кайфом, кроме тебя. Несколько человек танцуют, некоторые просто шляют вокруг, и *все* они несут какую-то чушь, Эмилия. Зачем они вообще здесь? Я бы предпочел трахнуть тебя сейчас. Содрать эти долбаные штаны с твоего тела. Я одет в одни лишь джинсы, больше ничего. Ты ненавидишь это, потому что сучки смотрят на меня, Эмилия, и внутренне сходят с ума. Им все равно, замечаешь ли ты это. Они бесстыдно бросаются на меня, и я должен сказать, мне нравится, когда твои глаза так сверкают.

Я сижу на кровати, прислонившись спиной к изголовью, согнув одну ногу и опираясь предплечьем на колено. Между моими пальцами дымится косяк. Не знаю, почему на самом деле тусуюсь с этими американскими ублюдками. Снова и снова. Я, должно быть, гребаный мазохист, хотя, скорее всего, на самом деле это *ты* такая.

Эти паразиты распространились повсюду, Эмилия, забрались даже в мою спальню. Какая-то блондинка садится ко мне. Ее глаза затуманены типичным я-такая-пьяная-ты-можешь-сделать-со-мной-все-что-угодно-взглядом.

— Можно? — спрашивает она.

Я даю ей косяк, все еще утомлен всем этим дерьмом.

— Извиняюсь, — слышу я и улыбаюсь, когда ты стучишь по плечу блондинку, которая делает затяжку из моего косяка и трясет своими сиськами перед моим лицом. — Можно?

Мне нравится, когда ты ревнуешь, Эмилия, выпускаешь свои коготочки, что делаешь очень редко.

Она поднимает бровь, бросая тебе вызов, Эмилия. Я потихоньку начинаю веселиться. Может, в ближайшее время мне стоит поставить в моей спальне детский бассейн с грязью, где все телки смогут бороться за меня.

— А ты?.. — раздраженно спрашивает блондинка и выдыхает дым тебе в лицо, Эмилия. Мне это не нравится. — Его девушка? — язвительно смеется. — Я тебя прошу. Мейсон Раш и девушка? Его член побывал во рту или где-нибудь еще у половины из присутствующих здесь. — Это ранит тебя.

Я должен вмешаться.

Ты не львица, ты — овца.

Без единого слова я с силой сталкиваю блондинку с кровати, так что она вскрикивает, хватаю тебя за предплечье, и тяну на ее место, наклоняясь над тобой.

— Кто, собственно, позволил тебе надеть эти джинсы? — спрашиваю я, когда ты лежишь подо мной и смотришь на меня большими глазами олененка. — Или краситься этой трахни-меня-помадой, Эмилия?

Ты затаила дыхание? После всего времени, детка, что мы уже трахаемся? Мне это немного нравится. Ты поднимаешь голову и шепчешь возле моего уха, чтобы заглушить музыку:

— Я накрасилась для тебя.

— Я хочу тебя трахнуть, Эмилия, — рычу я, прижимаясь к тебе пахом. — На остальных мне насрать.

Ты тихо стонешь. И позволишь мне сделать с тобой все, что я хочу, здесь и сейчас, на глазах у всех, как маленькая шлюшка. Потому что ты такая и есть, Эмилия. Шлюха. Ты чувствуешь, какой я твердый. И я позволяю тебе это почувствовать и трусь о тебя.

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, Эмилия? Здесь и сейчас? — ты поднимаешь руки и проводишь ими по моим волосам.

— Мейсон, ты можешь делать со мной все, что угодно.

Я опускаю голову к твоей шее, где ты так чертовски хорошо пахнешь, и тихо смеюсь, когда ты начинаешь дрожать.

— Ты понимаешь, насколько опасно говорить мне подобное?

— Я тебя не боюсь. Я *хочу* тебя опасного.

Черт возьми, детка, я люблю тебя. Резко сжимаю твою шею и вдавливаю в подушки. Ты больше не можешь дышать, Эмилия, но совершенно не против, не так ли? Тебе хочется, чтобы я забрал весь твой воздух.

Твои руки скользят вдоль моей спины. Ты нежно проводишь по моей коже, как будто тебя совсем не беспокоит то, что я с тобой делаю.

— Ты немного сумасшедшая, детка, — говорю я охрипшим голосом, прижимаясь бедрами прямо к грубой ткани твоих джинсов. Твои веки трепещут, ты стонешь и поднимаешь мне навстречу свой таз. Ты заводишься, Эмилия, трешься о мой член, и я сдерживаю собственный стон.

Я больше не выдерживаю, встаю и хватаю тебя за плечо. Все такие убитые, что даже не замечают, что происходит, когда я тащу тебя за собой, выводя из своего подвала. Никто не должен видеть тебя такой, какой я тебя вижу, детка. Тащу тебя вверх, в дом моих родителей, прямо в столовую, хватаю за бедра и усаживаю на стол. Рывком стягиваю с тебя джинсы и трусики и расстегиваю собственные штаны.

Ты поднимаешь свой таз мне навстречу, Эмилия, маленькая потаскушка. Одной рукой хватаю твою задницу, другой опираюсь о стол. Ты впиваешься ногтями в мою кожу, детка, когда я погружаюсь в тебя резким толчком. И ты так громко кричишь, Эмилия. Мы разбудим моих родителей, детка.

Я трахаю тебя так жестко, что стол шатается, а ты то и дело вскрикиваешь:

— *Господи, Мейсон!*

— *Бл*дь, Мейсон!*

— *Что ты со мной делаешь, Мейсон?*

— *Я хочу жестче, Мейсон!*

Ты такая ненасытная, Эмилия. Я люблю это.

Я трахаю тебя жестче. Мне сложно отказать тебе в твоих желаниях. Зарываюсь лицом в твою шею и стону напротив твоей кожи, прежде чем впиться зубами, и ты шипишь.

Ты хочешь схватить меня за задницу, Эмилия. Но так не пойдет, потому что я решаю, где будут находиться твои руки. Толкаю тебя на стол и сжимаю горло. Снова. Тебе это нравится. Как *всегда*.

Ты стонешь и закусываешь губу, твое тело выгибается. Ты почти кончаешь, я чувствую это.

— *Ты издеваешься надо мной, Мейсон?* — это пиздец, Эмилия!

Это был не твой голос, и не мой, Эмилия. А еще какому-то голосу здесь делать нечего.

Это мой отец, который стоит возле нас! Как долго он уже здесь стоит, Эмилия? Он смотрит на нас с сухой миной. Его щека дергается.

Не самый хороший знак!

2. Ты запер маму в подвале, пап

Мейсон

— Бл*дь, пап! — кричу я и отпрыгиваю назад. Хватаю твои вещи и закрываю тебя ими.

— Бл*дь, мистер Раш! — ты тоже кричишь.

— Святое дерьмо, какого хрена, пап? — мне нельзя, Эмилия. Даже небольшой трах на его обеденном столе под запретом. А знаешь почему, Эмилия? Потому что с самого рождения я стал самой большой помехой для секса, и теперь он хочет мне отомстить. Уверен в этом.

— Спрячь свой член, когда со мной разговариваешь, Мейсон Китон Раш.

Дерьмо! Быстро застегиваю джинсы, пока ты одеваешься.

— Я думал, здесь кого-то убивают, — говорит он. — Да и выглядело похожим на это, Мейсон.

— Уйди, детка, — говорю тебе. — Но оставайся в доме. Не вздумай идти вниз без меня. Ты быстро протискиваешься мимо нас, твое лицо ярко-красного цвета, такого же, как твоя задница, после того, как я основательно тебя отшлепал, и исчезаешь в ванной.

Я в бешенстве, Эмилия. Я почти кончил.

— Пап! — я машу руками. — Ты совершенно не уважаешь личное пространство?

— Ты трахал свою подружку на моем столе, Мейсон. На моем обеденном столе, Мейсон.

— Да, но мама ведь может вытереть. Господи, вы этим занимаетесь только в постели, или что?

Он поднимает бровь вверх.

— А откуда, ты думаешь, у тебя это?

Вся кровь отливает от моего лица, когда я представляю себе эти картинки. *Мам! Фууу!*

— Я хочу умереть. Где, скажи, пожалуйста, вы этим уже занимались? А хочу ли я это знать?

Он вздыхает, Эмилия. Этот вздох он усовершенствовал, когда мне исполнилось двенадцать.

— Думаю, нет. Но не думай, что ты самый изобретательный.

Бл*дь, за что мне все это? Вечеринка внизу в самом разгаре, ты заперлась в туалете, Эмилия. Я очень сильно надеюсь, что ты не собираешься возвращаться туда без меня. В противном случае мне придется наказать тебя, но это ведь как раз то, чего ты хочешь, не так ли, детка?

Хочу пройти мимо него, чтобы пойти к тебе. Мы еще должны довести дело до конца, детка. Я ничего не делаю наполовину. Но ты и так об этом знаешь, правда?

Кажется, у папы другие планы. Он хватает меня за плечо, и если ты думаешь, Эмилия, что моя хватка слишком крепкая, ты еще не чувствовала его.

Я поворачиваю голову и смотрю через плечо прямо в его глаза. Мои глаза.

— То, что ты там делаешь, ни к чему не приведет.

— Что?

Он пристально смотрит на меня. Мне это не нравится, Эмилия. Его настойчивости никогда не означает ничего хорошего.

— Ты не можешь привязать ее к себе и вечно контролировать. Рано или поздно, она сбежит.

Эмилия, ты этого не сделаешь. Никогда. Тебе нравится быть привязанной. Тебе нравится быть в моей ловушке. Ты не хочешь быть без меня. Тебе нравится та пропасть, куда я тебя затягиваю. Ты не нуждаешься в спокойствии, тебе нужна тьма. Тебе нужно все это.

— Мама ведь не сбежала, не так ли? — бл*дь, Эмилия. По его взгляду я вижу, что он не в восторге от того, что я только что сказал. Почему мне просто не заткнуться? Я хочу тебя трахнуть, Эмилия. Ты должна мне оргазм.

— *Что, прости?* — цедит он сквозь сжатые зубы, его пальцы впиваются в мое плечо. Папа всегда контролирует себя, но только не когда речь идет о маме. Мама — его святыня. Нет ничего важнее, даже его дети. Никого.

— Я нашел твой блокнот, пап. — *Почему я до сих пор не заткнулся? Вот дерьмо!*

Его взгляд становится более серьезным, и он ослабляет хватку. Но не достаточно, чтобы я смог вырваться. Я силен, Эмилия, и ты это знаешь. Но не такой сильный, как он. Снизу доносятся гулкие басы и смех присутствующих там, но я чувствую тебя, детка. Знаю, что ты терпеливо ждешь меня наверху. И именно так и должно быть.

— Где ты его нашел? — спокойно спрашивает он.

— В твоём офисе.

— Ты был в моем офисе, сраная жаба? — дерьмо, теперь он зол.

— Почему ты до сих пор меня так называешь? — раздраженно спрашиваю я. — Папа, отпусти меня. Я не хочу бороться с тобой. — Я слишком уважаю его, серьезно. И, кстати, он единственный, кого я уважаю. Но когда папа сердится, от него никто не сбежит. Это просто факт, Эмилия. Независимо от того, насколько, бл*дь, я сильный и сколько боев выиграл.

Он сощуривает глаза, и *это* действительно нехороший знак, Эмилия. Подергивание щеки вернулось. Мне все это не нравится, *Эмилия*. Вообще не нравится.

— Ты и не *сможешь* со мной бороться, Мейсон, — сдавленно говорит он. — Что ты забыл в моем офисе? Мне казалось, что после того, как ты сломал мои камеры и компьютер, я ясно выразился.

Мне это надоело, Эмилия. Я бы лучше усадил тебя сейчас на работающую стиральную машинку и отлизал тебе.

— Да, я знаю. Но после того как ты опять забрал мою траву, у меня не было выбора. Тебе не надоело постоянно воровать мой допинг, как чертов ниндзя?

— Как много ты прочитал? — спрашивает он. Задумываюсь над тем, не паника ли это в его голосе, потому что этот тон я никогда еще не слышал.

— Все? — говорю я, будто задав неуверенный вопрос. Я все прочитал, Эмилия. Поэтому принимаю сейчас еще больше наркотиков.

— Бл*дь, — шипит он, и я вздрагиваю. Подобное он говорит редко, вообще-то никогда. Видимо, ситуация серьезная.

Тяжело вздохнув, он, наконец, отпускает меня, и потому что я не какая-то там киска, не тру свое плечо. А оно пульсирует, Эмилия.

— Ладно, слушай меня внимательно, говнюк. — Он поворачивается и пристально смотрит на меня. — Во-первых, у тебя есть час, чтобы вернуть блокнот туда, откуда взял. Во-вторых, твоя мама чертовски сильная женщина, а я чертовски контролируемый мужчина, который может держать себя в руках. Твоя маленькая подружка в туалете слаба, Мейсон. Она не твоя мама. И независимо от того, что делаешь, ты сломаешь ее. Ты безработный

придурок, который имеет ноль контроля над собой и который не может приручить монстра внутри себя. В отличие от меня.

Я сухо смеюсь.

— Ты такой драматичный, пап. Во-первых, Эмилия уже сломлена. Мне кажется, что она появилась на свет такой. А я? Во мне нет монстра, пап. Я и есть монстр. Такое нельзя приручить.

Лунный свет освещает его. Я замечаю, что он выглядит слегка уставшим, Эмилия, как он стоит передо мной здесь, в своих пижамных штанах без футболки. Я понимаю, сколько всего приходится вынести моим родителям, и, думаю, это трава, но мне становится немного жаль.

— Ты на самом деле хуже меня, — сухо говорит он и качает головой. — А я натворил достаточно дел, о которых ты уже знаешь.

— Да, пап. Ты запер маму. В подвале. Это нездорово.

— Я сделал это, потому что иначе она бы скатилась, Мейсон. Она потеряла саму себя и потеряла меня. А самое худшее? Я потерял ее. А этого допустить не мог.

— Значит, ты тоже считаешь, что нужно запирает то, что любишь. Не так ли? Потому что ты всегда хочешь сделать, как лучше, папа? — он просто смотрит на меня, Эмилия. — Я не доверяю ей, пап. И я буду крепко держать ее. И больше никогда не отпущу. Она ненормальная, и единственная, кто терпит мое больное дерьмо. Она даже нуждается в монстре. Я знаю, мама не хотела твоего монстра, пап. Ты заставил ее. Но Эмилия? В ней самой живет один, и это разрушает ее.

Его взгляд до сих пор мне не нравится. Это сложно вынести. Я хочу к тебе. Начинаю нервничать, что ты находишься в ванной, а я так далеко, в то время как не знаю, что ты делаешь, Эмилия. Возможно, ты разговариваешь по телефону с каким-то ебарем, или даже с Райли! Может тебя так завела эта ситуация с братьями, что ты больше не можешь по-другому.

— Успокойся! — рычит папа. Только сейчас замечаю, что начал напрягаться, и что мои ладони сжаты в кулаки. — Мейсон! Дыши!

Сдавленно выдыхаю через нос и смотрю на отца.

— Я должен пойти к ней, пап. Позволь мне уйти. — Он сверлит меня взглядом, но потом, кажется, до него что-то доходит, что я не могу понять, и делает шаг в сторону.

Бл*дь, Эмилия, это были тринадцать минут, когда я не знал, что ты делаешь.

3. Ты, как глоток воздуха, для зависимого от наркотиков, Эмилия

Мейсон

Тебя нет в ванной, Эмилия.

Я же ясно выразился.

Как ты посмела?

Я едва верю своим глазам, когда заглядываю в ванну и не нахожу тебя там. Сжав руки в кулаки, разворачиваюсь и направляюсь в подвал. При этом прохожу мимо отца, который даже не предпринимает попыток меня остановить. Эмилия, маленькая сучка. Ты делаешь это специально. Хочешь спровоцировать меня. Чтобы я избил твою задницу, пока не сможешь больше сидеть. Тебе хочется быть до боли оттраханой. Хочешь, чтобы я трахал твоё маленькое горло, пока не начнешь давиться. Ты такая ненасытная стерва, и тебе никогда не бывает достаточно. Всегда хочешь больше и больше...

Спустившись вниз, я отталкиваю в сторону всех ублюдков, которые стоят на моем пути. Слышу твой смех, прежде чем вижу тебя. Как думаешь, что ты там делаешь, Эмилия? Ты стоишь у кухонного окна, Эмилия, и хлопаешь рукой по его груди, при этом смеяешься, Эмилия. Сегодня ночью ты умрешь, Эмилия. Ноги сами несут меня к тебе, рука сжата в кулак. Этот сукин сын перед тобой получает такой сильный удар прямо по своему уродливому носу, что ударяется головой о шкаф. Он этого не ожидал. Потом прикрывается и пятится назад. Группа девушек вскрикивает и проливает свои напитки на мой пол, когда мудака падает на них. Ты стоишь и невинно бросаешь:

— Ой, — а твои глаза искрятся, в то время как губы растягиваются в улыбке, Эмилия.

— Пошли вон! — ору на остальных придурков. Все они не настолько глупы, чтобы не повиноваться. Некоторым из них помогаю убраться, и через десять минут моя квартира пуста. Ты все еще на кухне и выглядишь довольно спокойной, Эмилия, когда допиваешь свой напиток. Конечно, никакого алкоголя. Ты его не получишь.

Я потерял хватку или тебя так заводит, когда я борюсь за тебя, детка, когда ревную, что тебе плевать на любые последствия? Но, Эмилия, ты была с моим братом, когда начались наши отношения. Я не доверяю тебе. И, вероятно, никогда не смогу этого сделать, потому что ты никак не способствуешь тому, чтобы все изменить. Наоборот, ты любишь играть с огнем, с безумием, с моим монстром.

— Я же говорил: ты не прикасаешься ни к кому. Я говорил: ты не должна одна спускаться в подвал, Эмилия. И где ты сейчас? В этих трахни-меня-джинсах? В подвале.

И ты больше не в состоянии ответить.

На протяжении всей ночи.

***

Я забрал твой телефон, Эмилия, на всякий случай. Ты еще спишь, и это нормально. Потому что вчера вечером я чертовски вымотал тебя, до пяти утра — грубо и везде, Эмилия. Даже мне в некоторых местах немного больно, но зато сегодня утром я расслаблен. Когда ты

вырубилась почти в коматозном состоянии, я оставил тебя впокое. Сегодня ночью ты была послушной девочкой после того, как была плохой. Иногда я задаюсь вопросом, делаешь ли ты это для меня или для себя? Ты хочешь быть наказанной или хочешь избавить меня от постоянного напряжения и гнева? Если честно, таким расслабленным я никогда не был. Все изменилось после начала наших отношений. Ты, как глоток воздуха, для зависимого от наркотиков.

Я поднимаюсь вверх. Сегодня тепло, и солнечные лучи светят в дом. Везде как-то слишком чисто. У мамы, вероятно, снова была ночная уборка. Но она делает ее только тогда, когда папа дома. Когда его нет, все выглядит совсем иначе. Черт, я даже не хочу знать, чем они здесь занимаются, что после этого ей нужно так убираться. Или это происходит *во время* уборки? Судя по тому, что я о нем прочитал — что до сих пор не переварил, — допускаю, что все может быть, Эмилия.

Кстати, о дневнике, Эмилия. Как только я вижу отца, сегодня, на трезвую голову, вспоминаю вещи, которые вчера читал. Отвратительные вещи.

Мама жарит блинчики и хихикает, Эмилия, в то время как отец стоит рядом с лопаткой в руках. Как это понимать? Почему эта семья такая ненормальная?

— Стоп, не так много муки, Оливия! — говорит он. Мама издает странный звук, когда он бьет ее лопаткой по заднице. Сильно.

Бл*дь, я хочу развернуться, уйти и где-нибудь умереть, но папа говорит:

— С добрым утром, жаба, — не поворачиваясь и не глядя в мою сторону. — Рановато для тебя.

— Дерьмо, пап, положи эту хрень, пожалуйста! — папа еще раз бьет маму по заднице, она взвизгивает и густо краснеет.

— Китон, пожалуйста! Не перед детьми!

— Если бы ты знала, чем они занимаются, Оливия! — он многозначительно и с отвращением смотрит на меня.

— Я не желаю об этом знать! — она наливает в сковородку тесто, и оно шипит. — Где Эмилия?

Я самодовольно улыбаюсь.

— В коме. — Отец закатывает глаза. Я кладу телефон на стол и сажусь.

— Почему ее телефон у тебя? — спрашивает папа.

— Эмм, чтобы она никуда не звонила, пока меня нет рядом?

— Ты запер ее в подвале, забрав телефон? — с удивлением спрашивает он.

— Тебе это знакомо, пап?

Мама резко поворачивает голову и вскидывает брови.

— Китон!

Наверху звонит мамин мобильный. Хвала Богам, спасение для папы.

— Это может быть Эмбер, детка, возьми трубку, — рычит он ей, и мама выглядит суперсчастливой, имея причину покинуть кухню.

Я сижу за столом, сцепив руки за головой, и широко улыбаюсь.

— Значит, Эмбер, да? Тетя Эмбер? *Правда, пап?* — я думаю о всех вещах, которые мой отец делал с тетушкой Эмбер. Обо всем, что он написал в своем дневнике, Эмилия. Зачем я вообще дочитал все до конца, Эмилия?

Взгляд папы мрачнеет.

— Прекрати!

— Кстати, кто такая *Лейла*? — как ни в чем не бывало, продолжаю дальше.

— Если ты повторишь это имя при своей матери, я засуну тебя обратно в свои яйца, Мейсон! Даже не вздумай!

Я вскидываю руки, подняв плечи, в защитном жесте.

— Ты не думаешь, что нам стоит поговорить о том, что я прочитал, пап? Я немного растерян.

— Я тоже очень сильно растерян, Мейсон, вот уже двадцать четыре года растерян.

Мама идет с телефоном назад. Я слышу, как она говорит:

— Да, будет замечательно, если и Черри приедет, Эмбер. Ах, не волнуйся. Он? У него сейчас есть девушка, все будет в порядке. — Я прислушиваюсь и смотрю на отца. Он бросает на меня угрожающий взгляд, Эмилия: «Даже не думай, Мейсон!»

Мама кладет трубку и снова возвращается на кухню.

— Черри вернулась? — спрашиваю я, чтобы спровоцировать отца. Если он что-нибудь скажет, я просто громко скажу имя «Лейла» и выйду из комнаты. Прекрасно иметь козырь в рукаве против него, а сейчас мой рукав полон козырей, Эмилия.

— Да, она приехала из интерната в Швейцарии и Эмбер хочет взять ее в отпуск с собой. — Они оба встали передо мной, уперев руки в бока. Они как родительская мафия. Мне не нужен гангстерский босс в виде отца, когда у меня есть мать.

— Почему вы так на меня смотрите? — невинно спрашиваю я. — И когда, наконец, я получу свой кофе? Кроме того, мам, блинчики подгорают. Пожалуйста, пожарь на этот раз нормальные. — Она убегает к плите, но отец все еще сверлит меня взглядом.

— Сейчас у тебя есть Эмилия, и ты оставишь Черри в покое! После того, как ты с ней закончил, Эмбер отправила ее в *интернат для девочек*, Мейсон. Задумайся, что это значит!

— Что я очень-очень испорченный ублюдок, папа. — Я снова думаю о Черри, Эмилия. Она дочь Эмбер и воспитывалась только матерью, а это значит еще один маленький сержант Дрилль. Жесткая, дерзкая, уверенная в себе, полная противоположность тебе и на четыре года моложе меня. Мы выросли вместе, Эмилия, я лишил ее девственности, при этом полностью испортив ее. По крайней мере, так считает тетя Эмбер. Я не видел ее несколько лет, хотя раньше мы довольно часто проводили время вместе. Она та рыжая девочка, которую можно увидеть на фотографиях в коридоре, и поэтому все чертовски переживают, потому что боятся гнева Эмбер. Тетя Эмбер очень особенная. Хуже тети Пенни — и она действительно ненавидит меня. Я рад, что тетя Пенни переехала несколько лет назад. Она постоянно настраивала маму против нас с папой, в то время как Райли всегда был золотым мальчиком.

— Еще кое-что, Мейсон: Райли тоже приедет. Это семейный отпуск, и ты должен научиться с этим справляться. Мне без разницы, что было между вами. Вы братья. Насчет сделки, что он остается в Нью-Йорке, она не меняется. Несмотря на это, он может приезжать к нам в гости, что он не делает, потому что избегает тебя. Но в отпуске вы должны будете принять друг друга.

Я поднимаю бровь и сам замечаю, насколько холодный мой взгляд.

— Неужели ты думаешь, что я позволю этому ублюдку приблизиться к моей девочке? Забудьте об этом. Я убью его, как только увижу, пап. Не делай этого, иначе у тебя останется только сын.

— Ты, маленький говнюк! Теперь послушай меня, жаба! Сойди со своего долбаного пьедестала! У вас были свои проблемы, тебе досталась девушка, он остался ни с чем! Ты

примешь его там, тебе не придется жить с ним день и ночь в мире, согласии и лепить куличики. Просто держись от него подальше. Он сделает то же самое!

— Если он хоть раз на нее посмотрит, я выколю ему глаз вилкой или, на худой конец, своим собственным пальцем, пап.

— Господи, мы все поняли, великий мачо! — мама подходит сзади, ставит тарелки с блинчиками и взъерошивает мои волосы. Я ненавижу, когда кто-то портит мою прическу, Эмилия, кроме тебя во время секса. Еще она целует меня в щеку, как будто волос было недостаточно.

— Ах, я не могу дождаться нашего летнего отпуска. — Мама растаяла в своем мире из сахарной ваты, а у меня очень нехорошее предчувствие.

4. Ты пуля, а я ствол, Мейсон

Эмилия

Я просыпаюсь от того, что горячее дыхание периодически дует мне в лицо. Медленно потягиваюсь. Все мое тело болит. Спасибо, Мейсон. Но все равно я люблю заниматься с тобой сексом. Мне он необходим каждый день, как наркотик. Так же, как и чувствовать твою власть надо мной, потому что только тогда я могу все отпустить и быть *самой собой*.

Открываю глаза. Они горят, я все равно уставшая. Мисси лежит прямо возле меня. Она вытянулась под единственным солнечным лучом, который попадает в подвал. Ее голова лежит на мое руке, а черная шерсть сияет на солнце. Мы подружились, Мейсон. Сначала она видела во мне конкурентку, а теперь защищает меня, даже от тебя. Можно сказать, теперь я ее хозяйка. Зарываюсь лицом в ее густую мягкую шерсть, и она довольно рычит. Мисси возбужденно машет хвостом и щекочет меня.

Слышу твои шаги и быстро притворяюсь спящей, следя за тем, чтобы не улыбаться, как дурочка. Я уже давно не была такой счастливой, как в последние месяцы в твоём подвале.

— Я точно знаю, что ты не спишь, Эмилия! Вот твой телефон. — Он падает возле меня на кровать, и Мисси спрыгивает вниз. «*Эй, останься со мной*», — думаю я. Матрас прогибается и твое большое теплое тело прижимается к моему. Все во мне сразу же начинает трепетать. Над нами слышны шаги, и я понимаю, что нельзя больше спать, потому что начался новый день. Кстати, почему ночи такие короткие?

— Открой глаза, Эмилия. — Это уже почти рефлекс, что я делаю то, что ты говоришь. Так что открываю глаза и улыбаюсь. Ты выглядишь невероятно, Мейсон Раш. С каждым днем я влюбляюсь в тебя еще больше.

— Привет! — выдыхаю я, и ты улыбаешься. Ты не часто так делаешь, Мейсон, а когда улыбаешься — это каждый раз нечто особенное. Ты улыбаешься всегда только для меня и для Мисси. Потому что я тоже особенная для тебя.

— Привет, — говоришь ты, закатывая глаза.

Только теперь я вижу тарелку, которую ты принес. С пышными, слегка подгоревшими блинчиками и тубиком шоколадного соуса, хотя он и так уже налит на тарелку, а также сочным зеленым виноградом. Мой желудок урчит. Ты макаешь указательный палец в соус, проводишь им по моей нижней губе и целуешь меня. Страстно, интенсивно, пьяняще. Так же, как и всегда. Ты на вкус как шоколад и Мейсон. Я могла бы целовать тебя весь день. Твои поцелуи тоже редки, Мейсон. Любое проявление чувств ты даешь мне очень дозированно, но с каждым месяцем немного больше. Ты никогда не любил, и теперь, когда я узнала тебя, понимаю, что тоже не испытывала подобных чувств. И ты так и не сказал, что любишь меня, но каждый раз показываешь мне это по-разному, потому что ты человек не слова, а дела. Ты принес мне завтрак, Мейсон, и кофе. Теперь ты толкаешь меня на спину и наклоняешься надо мной. Я зарываюсь пальцами в твои волосы и уже хочу большего, хотя мне все еще больно. Но как раз когда я начинаю пылать, ты просто перестаешь целовать меня, Мейсон. Если бы ты не был Мейсоном Рашем, я бы наорала на тебя.

Ты срываешь одеяло с моего тела, и твой потемневший взгляд скользит по моим чертам. Только от этого мои соски напрягаются. Ты взял шоколадный соус, Мейсон, весь тубик. Думаю, это мое вознаграждение за прошлую ночь. Ты особо меня не жалеешь, наш секс

всегда жесткий, но мне кажется, сегодня выходной.

— Не двигайся, Эмилия, — рычишь ты и распределяешь шоколадный соус по моему телу. Он течет по моей груди, и я покрываюсь мурашками, потому что он холодный. Чувствую, как шоколад растекается по животу, образуя маленькую лужицу в пупке. Волосы на затылке встают дыбом, и я подавляю стон. Ты улыбаешься, встаешь, берешь телефон и фотографируешь меня.

Мне хочется умолять.

Ты улыбаешься шире. Потом отбрасываешь телефон в сторону и резко наклоняешься надо мной.

— Ты маленькая, грязная девочка, Эмилия. И что мне с тобой делать? — хриплым голосом спрашиваешь ты и проводишь кончиком языка от низа моего живота до груди. Потом к моему правому соску, вокруг которого смыкаешь губы и нежно посасываешь. Я стону и выгибаю спину.

Твои пальцы целенаправленно скользят между моих ног, где я уже совершенно готова для тебя. Требовательно прижимаюсь к тебе, сжимая простыни в руках. Пока ты слизываешь с моего тела шоколадный соус, твои пальцы одним отрывистым движением скользят в меня, и я кусаю нижнюю губу.

— Ты не должна кончить, Эмилия, — шепчешь ты прямо мне в губы и снова целуешь меня. Твои пальцы становятся более настойчивыми и решительными, и я внутренне расплываюсь, как соус на моем теле. Вскоре мои мышцы начинают сжиматься. В качестве наказания, ты не давал мне кончить всю ночь. Я больше не выдержу. Ты чувствуешь это и вытаскиваешь пальцы.

Я хныкаю. Ты поднимаешь бровь.

— Я сказал не кончать. Ты вообще хоть что-то можешь сделать так, как я говорю, Эмилия? — твои пальцы мягко поглаживают мою киску, но больше не входят в нее. Это настоящая пытка. Я на пределе.

— Мейсон, пожалуйста, ты дьявол! — дрожа, выдыхаю я.

Ты размещаешься между моих ног.

— Я знаю, детка.

С этим тыходишь в меня.

Простонав, впиваюсь ногтями в твою кожу, но ты поднимаешь мои руки над головой, Мейсон.

— Не кончать, Эмилия, — снова говоришь ты, трахая меня одним кончиком, и мне хочется умереть. Seriously, умереть.

Я мотаю головой слева направо и зажмуриваюсь. То, как ты возвышаешься надо мной — слишком чувственный образ. У тебя новые татуировки, Мейсон, и каждый кусочек чернил на твоём теле делает тебя еще более желанным.

— Я больше не могу, — шепчу я, когда ты медленно погружаешься в меня на всю длину. Ты делаешь это так сильно, что у меня нет никаких шансов, и ты это прекрасно знаешь. Пока ты пронзительно смотришь мне в лицо, я взрываюсь вокруг тебя. А ты во мне.

Тяжело дыша, ты опускаешься на меня и горячим дыханием опаляешь мою кожу. Ты крепко держишь мое лицо обеими руками. Мне нравится, когда я чувствую твое тело на себе, и кажется, что оно пожирает меня.

— Ты такая плохая девочка, — шепчешь ты. — И просто не умеешь слушаться, не так ли?

Я хихикаю в твои волосы, а ты целуешь мою шею.
— Ты принадлежишь мне, Эмилия. Не забывай об этом.

***

Я в твоей власти, Мейсон. Навеки.

Ты лежишь на кровати, солнце светит через маленькое окошко прямо на твой обнаженный торс. Боксеры опущены низко на бедрах, а татуировки соблазнительно мерцают. Ты такой красивый. Я знаю, что это не то слово, которым ты бы описал себя, но это так. Ты прекрасен. То, как твои темные волосы падают на лоб, а глаза каждый раз блестят другим цветом — завораживает. Так же, как и твои отличительные черты лица и грубая щетина, которая темнеет на щеках. У тебя такая сильная аура, никто не сможет перед ней устоять.

Я только что вышла из душа и оделась. Только свободная одежда, потому что большую часть времени мы все равно находимся дома. Мои мокрые волосы падают на плечи, и я вытираю их полотенцем, продолжая шагать в комнату.

Ты смотришь на меня. Ты всегда смотришь только на меня, когда я куда-нибудь вхожу, Мейсон. Твое внимание на сто процентов сосредоточено мне. И каждый раз я трепещу под твоим взглядом. Знаю, что мы двое не совсем нормальные. Эту ступень мы так и не достигли, мы ее сразу перепрыгнули. Нормальность у меня была с Райли. Но я не создана для этого, Мейсон.

Мы двое, ты и я, как цунами, которое уничтожает все, что попадает на пути. Мы двое — сила природы. Землетрясение. Разрушение. Только мы можем причинить друг другу эту боль, потому что все наши чувства предназначены друг для друга. Только мы можем любить друг друга так страстно, потому что зависим друг от друга. Мы не самое лучшее друг для друга, я это знаю, Мейсон. Как будто ты — пуля, а я — ствол. Ты — наркоман, а я — наркотик. Когда один передвигается, глаза другого следуют за ним на каждом шагу. Как два магнита. Я понимаю, почему ты не доверяешь мне, Мейсон. С чего бы? Я сама себе не доверяю. Но принимаю это. Боль, ревность, недоверие, злость. Все это только для того, чтобы быть с тобой, потому что это единственное, что имеет значение. Ты заражаешь меня, Мейсон, а я — тебя. Но в то же время ты мое противоядие. Мое лекарство. Ты злишься, всегда только злишься.носишь в себе столько ненависти, и я знаю, что ты можешь выплеснуть ее только на меня. Я знаю, что тебе нужно. А ты знаешь, что нужно мне.

— Ты пялишься на меня, Эмилия, — спокойно говоришь ты и закидываешь руку за голову. Ты такой сексуальный, когда так делаешь. Знаю, тебя убивает незнание, о чем я думаю. И знаю, что ты бесишься, когда я смотрю на тебя и ничего не говорю. Ты ревнив, Мейсон. Тебе кажется, что я думаю о других мужчинах. Но на самом деле ты единственный, кто витает в моих мыслях весь день напролет.

Сажусь на край кровати и убираю полотенце в сторону. Мы вместе с твоей матерью отремонтировали этот подвал после того, как ты его разрушил. Я знаю, что такое повторится, но это не имеет значения. Мы сделали все в том же стиле, что и раньше. Потому что это твой вкус. С твоими родителями все было не так просто. Несмотря на то, что я думала, у меня хорошие отношения с твоим отцом. На самом деле мне казалось, что он ненавидит меня, Мейсон. Возможно, в какой-то степени так и есть, по крайней мере, за то, как я поступила с Райли. Изменила ему вместе с тобой, его братом. Но той ночью, после

нашего откровенного разговора, мы как будто установили что-то вроде дружеских отношений друг с другом.

Твоя мама в какой-то степени принимает меня с тех пор, как узнала, насколько я сломлена. Она так ненавидела меня, что сначала даже не хотела, чтобы я жила с тобой в подвале, и я могу это понять. После всего, что произошло, она просто хотела быть лояльной по отношению к Райли. Кроме того, она рвалась узнать, что произошло между ним и мной в Нью-Йорке. Это ее изрядно потрепало.

Потребовалось много терпения и времени, прежде чем она начала здороваться со мной. Думаю, твой отец тоже приложил к этому руку. Но, в конце концов, она дала мне шанс, и у нас был долгий и напряженный женский разговор. Я была откровенна с ней, Мейсон. Все ей объяснила и рассказала о своих чувствах к тебе. Оливия — замечательная женщина, на которую я равняюсь, но также понимаю, что никогда не буду такой сильной и уверенной в себе, как она. Она пожалела меня, и, в конце концов, зная мою историю, мы обе сидели на диване наверху и плакали, как дети.

Недавно твой отец начал со мной разговор, Мейсон, и поэтому сейчас нам тоже придется поговорить. Это неизбежно, и я знаю, что ты не обрадуешься.

— Ты все еще пялишься на меня, Эмилия. — Сейчас ты поднимаешь бровь, и я вижу скептицизм в твоих глазах. Ты знаешь, о чем я думаю, Мейсон?

— Я просто никак не привыкну к тому, насколько ты горяч, — улыбаясь, говорю я. Я не уверена в себе, Мейсон, и ты об этом знаешь. Не могу настоять на своем и сразу же начинаю мешкаться, если в комнате находится кто-то доминантный, например, как твой отец. Но с тобой, по крайней мере, в некоторых ситуациях, что-то получается.

Ты кладешь руку на мое колено и наклоняешь голову. Я люблю, когда ты на меня так смотришь, Мейсон.

— Там еще что-то, Эмилия. Что происходит? И не ври мне, поняла? — я люблю жесткость в твоем голосе. Господи, я действительно ненормальная.

— Я только хотела спросить...

— Что? — рычишь ты.

Делаю глубокий вдох.

— Речь идет об университете. Мейсон, я очень хотела бы учиться, и тебе, возможно, стоит потихоньку продолжать учебу. Я... не знаю, но мы ведь не можем лежать весь день только в этом подвале, правда?

Черт.

Я прекрасно знаю, что ты не хотел слышать ничего подобного, Мейсон. И я ненавижу сталкивать тебя с чем-то, чего ты не хочешь. Ты можешь очень разозлиться. Я знаю, что ты на грани того, чтобы снова разбить всю мебель, но если мне повезет, я смогу избежать этого, вытрахав из тебя всю злость.

Ты прищуриваешься и некоторое время разглядываешь меня. Когда ты убираешь руку с моего колена, я чувствую себя пустой, Мейсон. Мне нравится, когда ты прикасаешься ко мне, невинно или чертовски грязно, как ты умеешь.

— Зачем тебе это, Эмилия? — спрашиваешь ты пугающе тихо. — Идти в университет и знакомиться с другими людьми. — Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Ты поднимаешься и начинаешь метаться по комнате туда-сюда, явно стараясь ничего не разбить. Твои мышцы подрагивают, а челюсть сжата. — Значит, ты хочешь выбраться отсюда, да? Тебе становится мало? Скучно? Может, тебе нужен еще один член? Бл*дь! — ты бьешь ногой по тумбочке, и она

начинает покачиваться. Мисси, которая до сих пор лежала под солнечными лучами рядом с тобой на кровати, вскакивает и убегает прочь, поджав хвост.

— Это не так! — быстро говорю я и встаю. Хочу успокоить тебя, но мне также известно, что сейчас лучше не подходить к тебе слишком близко. — Я думаю только о нас двоих, Мейсон. Мы могли бы получить образование и... это ведь важно для нашего будущего, правда? Эй! — встаю прямо перед тобой. Независимо от того, сердисься ты сейчас или нет, я кладу руки на твои пылающие щеки и ищу твой взгляд. Ты такой напряженный, Мейсон. Твои руки сжаты в кулаки, ты сдавленно дышишь через нос. — Я думаю только о нас, детка, понимаешь?

Ты испытующе смотришь мне в глаза и снова зажимаешь глаза. Я думаю, что ты успокоился, но потом вдруг отталкиваешь меня от себя.

— Этого никогда не произойдет, Эмилия. Ты знаешь, что происходит в университетах? Думаешь, я позволю тебе бегать среди всех этих ублюдков? Из-за тебя я стану убийцей и отправлюсь в тюрьму. Забудь об этом!

Бл*дь!

Я молчу о том, что твой отец зарегистрировал меня в университете, где ты учишься, точнее, учился, Мейсон. Вообще-то, я хотела договориться с тобой, а следующей осенью начать учиться.

И даже не догадываюсь, что ты со мной или с ним, сделаешь, когда обо всем узнаешь.

5. Ты сделаешь из меня убийцу, Эмилия

Мейсон

Бл*дь, Эмилия. Ты хочешь сделать из меня долбаного убийцу? Ты этого хочешь. Ты хочешь, чтобы я снова взорвался. При этом я задаюсь вопросом: зачем ты это делаешь, детка? Ты ведь знаешь меня. И должна понимать, что я не позволю тебе пойти в сраный университет. Ты хоть представляешь, какие ублюдки там бегают? Можешь себе представить, как они на тебя набросятся? Я не доверяю тебе, Эмилия. Кто знает, не найдешь ли ты себе член получше! Вдруг тебе надоест мой! Я понимаю, что сейчас лишаю тебя возможности развиваться и расцветать, но я не хочу, чтобы ты расцветала, Эмилия. Тогда мы больше не будем соответствовать друг другу, и ты увидишь, какой я больной.

Сейчас ты стоишь передо мной, с большими глазами, мокрыми волосами, в обтягивающей майке, которая приподнимает твою идеальную грудь. В твоих глазах отражается страх. Тем не менее, ты здесь и жуешь нижнюю губу, глядя на меня.

— Никакого университета, черт возьми! — шиплю я, и ты судорожно выдыхаешь.

— Хорошо, просто успокойся, Мейсон. Я просто хотела рассказать, о чем думаю. Ты только представь, мы учимся и вместе живем в вашем пентхаусе.

— Никогда! — рычу я и задумываюсь, не сошла ли ты с ума, Эмилия. Ты хочешь, чтобы я играл в Райли, или что? Этого никогда не произойдет. Ты жила с ним там, трахалась, принимала душ, ела. Я не хочу туда возвращаться, хотя мой отец делает все возможное, чтобы я переехал туда. Он отремонтировал квартиру за восемьдесят тысяч долларов, и ничто уже не напоминает о том, как она выглядела раньше. Тем более, что я и так все демонтировал. Но я все равно не хочу.

— Дерьмо, Эмилия, ты больная, — взрываюсь я, проводя рукой по волосам. — Ты хочешь, чтобы я играл пай-мальчика, ходил с тобой в университет, желательно, чтобы мы одинаково одевались, а еще жили вместе в квартире, в которой ты трахала моего брата? Серьезно? Бл*дь!

Только сейчас до тебя доходит, что ты только что сказала, и твои глаза расширяются.

— Ладно, с квартирой, возможно, не самая лучшая идея. Но просто представь, что...

— Нет! — я скоро сильно разозлюсь, Эмилия. — Прекрати, прежде чем я все здесь разорву в клочья, включая тебя! — ты делаешь шаг назад, тяжело вздыхая.

— Ладно, значит, нет, — расстроено отвечаешь ты. Твои плечи и голова опущены. Мне плевать, Эмилия. Страдай, но то, что ты себе там напридумывала, никогда не произойдет. Я никогда не брошу тебя каким-то стервятникам на растерзание. Все равно закончится тем, что я начищу их рожи. Ты этого хочешь?

— Отлично, — говорю я. — И больше никогда не спрашивай о подобном дерьме.

***

Я в бешенстве, Эмилия. Поэтому хватаю тебя за запястье и иду с тобой наверх. Знаешь, Эмилия, на самом деле сейчас я так злюсь, что не хочу, чтобы ты была рядом, а хочу побыть один. Но тогда что ты будешь делать внизу, Эмилия? Я не доверяю тебе — могу повторять это ежеминутно. Поэтому не оставляю тебя в подвале. Без меня.

Сегодня суббота, и дом выглядит соответствующе. Мама пылесосит, а на кухне работает радио. Светит солнце, и мелкие частицы пыли, которые она поднимает при уборке, танцуют в воздухе. Мисси поднялась с нами наверх после того, как оправилась от шока после моего взрыва. Она так давно знает меня, Эмилия. Тем не менее, она все еще пугается. Она такая же, как ты.

Она радуется при виде мамы, как будто не видела ее пять лет. При этом она разбросала повсюду свою длинную черную шерсть. Как и ты, Эмилия. Вы, должно быть, родственники. Она как раз линяет, потому что приближается лето, и папа бесится из-за этого. Он ненавидит собачьи слюни и шерсть. Так было и с нашей предыдущей собакой. Ее звали Роза, она была английским бульдогом, Эмилия. Но я смутно помню ее. Она умерла, когда ей было двенадцать и теперь лежит похороненная в саду. Мама очень горевала и не хотела больше заводить животных, пока папа не привез Мисси с работы для меня. Она прекрасно выдрессирована и на самом деле полицейская собака, но она всегда была слишком дружелюбной для службы. Мисси только громко рычит и лает, но никогда не укусит. Ты тоже в какой-то момент это поняла и отбросила свой страх. Я просто снова и снова вручал тебе поводок, чтобы ты гуляла с ней, хотя в твоих глазах стояла голая паника, детка. Но теперь вас уже не разлучить. Она любит тебя больше, чем меня, Эмилия. И это в порядке. С тобой она может это делать.

Но все равно я зол.

Как ты только могла подумать предложить мне такое?

Мама коротко приветствует нас, потому что стоит на четвереньках и пылесосит под диваном. Она выгоняет нас из комнаты, а Мисси — нет. Шерстяному монстру разрешено остаться.

Папа, скорее всего, наверху в офисе. Я не хочу знать, чем он там занимается, Эмилия. С тех пор, как я нашел его дневник, я многое не хочу знать. Смотрю на маму, как она со связанными в хвост волосами, вспотевшая и с покрасневшим лицом стоит на полу на коленях, и задумываюсь, что было бы с тобой, если бы я сделал с тобой то же, что папа с мамой.

Самое хорошее, детка, мне не нужно тебя ломать. А с мамой ему это так и не удалось, иначе она не была бы такой сильной женщиной, которая постоянно ему противостоит.

Я сажаю тебя за кухонный стол и говорю:

— Ни с места, Эмилия!

Мисси подходит к тебе и располагает у твоих ног. Теперь вы сидите там в ожидании меня. Обе с опущенной головой и неопределенным выражением лица. Ты ничего не говоришь, поэтому я оставляю вас и направляюсь к ступенькам. Пылесос выключается.

— Эй, мистер! — зовет мама. — Куда, по-твоему, ты идешь?

— Мне нужно поговорить с отцом, — рявкаю я.

— Он сейчас занят! — мама кладет руку на бедро. Ее футболка насквозь мокрая от пота. — Он работает, Мейсон. Это что-то, что я бы настоятельно посоветовала и тебе. — Я ненавижу, что иногда она ведет себя, как папа, Эмилия. Когда его нет рядом, она становится намного блажнее.

Я раздраженно стону.

— Мне нужно поговорить с ним!

— Мейсон! — кричит она мне вслед, но я уже ушел. Целенаправленно иду к его офису и распахиваю дверь, не постучав.

Мой отец никогда не вздрагивает. Я бы с удовольствием довел его до этого. Он лениво переводит взгляд со своего нового монитора на меня и раздраженно вздыхает.

— Здравствуй, Мейсон. Конечно же, входи. Занят ли я? Нет. Присаживайся. Я смотрю порно.

Я кривлюсь, потому что знаю, что он не серьезно. Но все равно осторожно кощусь на монитор, где видны только таблицы и диаграммы.

— Папа, не смешно. — Пытаюсь отогнать картинку, которая нарисовалась в моей голове и вздрагиваю.

— Что тебе нужно, жаба?

Закатываю глаза, Эмилия. Потихоньку начинаю привыкать, что меня называют жабой. Он делает это уже больше года.

Что я на самом деле люблю в отце — это то, что он полностью уделяет свое внимание каждому. Всегда. Если кто-то хочет с ним поговорить или что-то обсудить, он все отодвигает в сторону и ждет. И никогда не перебивает. Меня он перебивает, потому что я исключение из правил. Кроме того, я зол, и он это видит.

Его локти лежат на подлокотниках кресла, голова наклонена, лоб нахмурен.

— Чего тебе?

— Это ты надоумил Эмилию пойти учиться? — сухо спрашиваю я.

— Да, я. — Я так и знал, Эмилия. Вы как-то подружились. Мне это не нравится Эмилия. И он ни на секунду не выглядит сожалющим.

— Пап, что это за дерьмо? — почти кричу я. — Ты хочешь, чтобы мы расстались?

Одна его бровь взлетает вверх, и он скрещивает руки.

— Что, прости, Мейсон?

Я в бешенстве, Эмилия. Сердито упираюсь руками о его стол.

— Ты знаешь, сколько там бегает разных членов, пап? Я не могу позволить пойти ей в университет. Там она будет жить этой дебильной жизнью, ходить на вечеринки, гулять с *одногоруппниками*, познакомится с каким-то *педиком-Ромео* и увидит, насколько я хреновый! — рычу я.

— Ага, — сухо говорит он. — Этого я и желаю девочке. Прежде чем она загнется в твоём бункере. — Мне кажется, я ослышался. Сдавленно дышу через нос. Последний раз, когда я вышел из себя, ты говорила мне дышать. И я дышу, Эмилия. Но не могу расслабиться. Что он такое говорит?

— Пап? — рычу я. — Ты больше никогда не заговоришь с ней об этом. Мне без разницы, ты мой отец или президент Америки. Я, черт побери, не позволю, чтобы она...

— Развивалась? — спокойно спрашивает он. — Нашла себя? Жила своей жизнью? Зарабатывала хорошие деньги? Чего ты не хочешь, Мейсон? Если любят кого-то, желают ему только наилучшего. Его не закрывают под семью замками. И не начинай сейчас о матери. С ней было все по-другому. После того, как я с ней закончил, она не туалеты мыла, а обустривала здания, Мейсон. *Это* называется беззаветная любовь.

Я фыркаю.

— Эмилия не выживет в этом мире, пап. Если она посмотрит не туда... — он начинает смеяться, но я игнорирую это. — Или позволит накачать себя наркотиками... Или ее используют и выбросят. Ты знаешь, что случится, если я об этом узнаю? Я сяду за решетку, пап. Ты хочешь, чтобы я сидел в тюрьме?

Он качает головой.

— Ты параноик, Мейсон. Ты мог бы учиться с ней.

— Но. Я. Не. Хочу, — рычу я.

— Значит, живи с тем, что она пойдет учиться. Ты не можешь запретить ей, Мейсон.

Яростно отталкиваюсь от его стола.

— Могу. Делал. И буду делать.

Он невпечатленно смотрит на меня, а потом мотает головой. Затем делает размашистый жест рукой.

— Делай, что хочешь, Мейсон. Но, в итоге, ты утонешь.

— Прекрасно! — шиплю я. — Значит, я прихватчу ее с собой.

Папа оторопел.

— Видимо, это и есть любовь, не так ли?

— Мой вид любви, — говорю я и ухожу. Мы все решили.

Университет, Эмилия.

Ага, конечно.

6. Ты не должен ждать меня, Райли

Эмилия

Я знаю, что ты там наверху делаешь, Мейсон, и надеюсь, что твой отец не выдаст наш маленький секрет. Как только ты узнаешь, что я уже оформлена в университете и могу осенью приступить к учебе, всем нам нужно будет бежать. Далеко бежать. И быстро.

Твоя мама полностью поглощена домашними делами. Пока пылесосит, она прогоняет Мисси прочь, после чего ее мучает совесть, и она зовет ее обратно, чтобы приласкать. Поэтому все занимает в два раза больше времени. Я наблюдаю за ней. Смотрю, как она каждый раз гонит Мисси прочь, а потом зовет обратно. Она очень милая, Мейсон. Я просто не понимаю, как она может быть твоей матерью. Она такая светлая, яркая и сияющая, как ослепительный свет во тьме. А ты — *тьма*.

Ты забыл забрать мой телефон, Мейсон, хотя обычно всегда берешь его с собой, когда оставляешь меня ждать тебя где-нибудь. Но сейчас он лежит в кармане моих штанов и вибрирует. Не знаю, кто может мне звонить. Сразу же начинаю паниковать. Нужно не обращать на это внимания и сделать вид, что ничего не произошло. Но любопытство, в конце концов, берет верх.

Это незнакомый мне номер. Сухо сглатываю и встаю. Твоя мама не так внимательна, как ты, и также она не думает, что меня нужно контролировать. Быстро бросаю взгляд наверх и слышу, как ты ругаешься. Значит, ты еще занят. Поэтому иду в ванную и тихо закрываю за собой дверь.

— Алло? — с бьющимся сердцем и сдавленным голосом спрашиваю я. При этом закрываю рот рукой. Надеюсь, это просто кто-то ошибся номером.

Стою перед зеркалом и смотрю на себя. То, что я там вижу, похоже на испуганного оленя, Мейсон. Глаза полны ужаса. Бледная кожа. Мои щеки бледнеют еще сильнее, как только слышу голос на другом конце провода. Ты меня убьешь, если узнаешь, Мейсон.

— Наконец-то я до тебя дозвонился, Эмилия! — говорит Райли Раш. Бл*дь.

В ужасе смотрю на себя и думаю о том, чтобы просто повесить трубку. Когда слышу его голос, у меня в голове проносится все, что мы пережили, и как некрасиво это закончилось. Я простила его, Мейсон. Он не злой человек и сделал все, чтобы загладить свою вину. Каждый раз, когда он разговаривал с твоей мамой по телефону, он спрашивал обо мне, и каждый раз ты взрывался. Но на самом деле он просто хотел знать, оставил ли он шрамы в моей душе своим поведением в Нью-Йорке и тем, что он чуть не сделал. Потому что он так сильно сожалеет об этом.

На глаза наворачиваются слезы.

— Райли?

Он вздыхает.

— Я так рад слышать твой голос. Как ты?

В моих ушах шумит так, что я с трудом себя понимаю.

— Эээ... хорошо? А ты?

— Да, все в порядке. Я обустроился и работаю. Здесь все по-другому, но ты это знаешь. Я скучаю по своему дому. Но скорее ад замерзнет, чем я вернусь. Хватит уже того, что нам всем придется встретиться в отпуске. Я просто хотел позвонить и узнать, все ли у тебя в

порядке. Мама никогда не разрешает мне говорить с тобой, потому что считает, что *Мейсон* выйдет из себя. Я пробовал несколько раз позвонить тебе, но он всегда брал трубку. Что само по себе немного странно.

Хорошо, это много информации, Мейсон. Райли звонил, а ты мне не сказал. Даже не намекнул. Я знаю почему, и понимаю тебя. Но если серьезно, ты мог хотя бы сказать мне. И что он имеет в виду под отпуском? Все? Я не хочу выставлять себя перед ним душой и признаваться, что ты мне ничего не рассказывал, поэтому ничего не отвечаю.

— Да, думаю, ты догадываешься, почему он не хочет, чтобы мы общались, Райли.

— Да ладно тебе, — беззаботно говорит он. — В итоге ведь он тебя *забрал*, а не наоборот, Эмилия.

— Я сама его *выбрала!* — твердо говорю я. — Он не *забирал* меня. Я не вещь, Райли.

— Но не для него, — совершенно спокойно говорит Райли, и я вздрагиваю, потому что он прав. В зеркале вижу, как воинственный огонек мерцает в моих глазах. Потребность защитить тебя, Мейсон. Но не могу. Не прямо сейчас, потому что мешает ком в горле.

— Ты мне звонишь для того, чтобы сказать, какой он говнюк? — спрашиваю я. — В таком случае, мы можем сразу попрощаться.

— Нет, прости! — быстро говорит он. Райли звучит устало. Кроме того, непривычно, что он извиняется за то, что говорит. Ты так никогда не делаешь, Мейсон. Я уже забыла, что может быть по-другому. — Эмилия, я действительно просто хочу знать, как у тебя дела.

Несмотря на все, что произошло, это меня немного смягчает.

— У меня все хорошо, — говорю я. — Правда.

Он глубоко вздыхает.

— Почему я тебе не верю?

— Не знаю, Райли. Ты мне никогда не верил, когда я так говорила. Ты всегда пытался сделать, чтобы мне было лучше, хотя и так все было хорошо.

— Если бы это было на самом деле так, ты бы не изменила мне, Эмилия. — Кажется, Мейсон, ему нужен этот разговор, чтобы поставить точку. — Не пойми меня неправильно. Я звоню не для того, чтобы предъявлять тебе претензии, и не для того, чтобы это сделала ты. Просто я знаю, что будет непросто увидеться с тобой в ближайшее время в отпуске, поэтому мне нужен этот разговор, только между нами, а не с мамой или с *ним*, — Райли окончательно подтвердил мои подозрения. Я снова понимаю, почему он мне понравился, Мейсон. Он всегда такой рассудительный и чуткий. Качества, которые у тебя полностью отсутствуют. И я до сих пор не знаю, о каком отпуске он говорит. Но сейчас это не так важно.

Вздыхнув, опускаюсь на пол, прислонившись спиной к стиральной машинке. Та стиральная машинка, на которой ты шлепал меня по заднице и делал так много других вещей, пока Райли сидел в столовой и объявлял о нашей помолвке. Боже, он этого не заслужил. И все, что он сделал потом, как разозлился и запутался, я понимаю. Я знаю его душу. Она чиста, Мейсон. Как у твоей матери. С другой стороны, ты, наверное, больше похож на своего отца.

— Ладно, — говорю я. — Что ты хочешь от меня услышать, Райли?

— Не знаю, Эмилия. Может быть, я хочу услышать, что не сломал тебя и что ты преодолела все, что было между нами. Может быть, я хочу услышать, что это не моя вина, что ты выбрала его. Что я не несу ответственности за то, что ты губишь свою жизнь. И, может быть, я хочу услышать, что ты когда-то любила меня и что все равно никогда не

забудешь наше время. Что это не я виноват в том, что ты мне изменила, Эмилия. Все это сводит меня с ума. Честно говоря, я постоянно думаю обо всех этих вещах. Неважно, что я делаю, и неважно, сколько времени прошло.

Его слова трогают меня, Мейсон. И я чувствую, как одна слезинка скатывается из уголка моего глаза.

— Я любила тебя и никогда не забуду наше время. Это не твоя вина, что я изменила тебе. Ты был идеальным. Но слишком идеальным для меня. В Мейсоне я нашла то, чего нет у тебя, Райли. Темнота, грубость и... Но ты? Ты — свет, тепло, уверенность. Я не справляюсь с собой. Если бы я могла это сделать, мы, возможно, никогда бы не расстались. Я не знаю, Райли. Но, пожалуйста, не вини себя. Что бы ни случилось, я простила тебя. Ты причинил мне боль, и я тебе тоже. Физически, душевно... Я знаю, что ты был в отчаянии, и я знаю, что ты сожалеешь об этом. Больше мне знать не нужно. Пожалуйста, перестань себя плохо чувствовать. Хорошо?

Он судорожно выдыхает.

— Ты даже не представляешь, как мне нужно было услышать это от тебя. — Теперь я начинаю плакать, Мейсон, потому что мне становится ясно, через что он, должно быть, прошел за последние несколько месяцев. — Думаешь, у нас еще есть шанс? — спрашивает он. — Когда-нибудь, когда ты найдешь себя, и эта фаза закончится? Если тебе снова понадобится что-то, кроме темноты и боли? Что-то, от чего тебе будет хорошо, потому что ты знаешь, что я готов ради тебя на все. Я всегда делал все, чтобы сделать тебя счастливой. Здесь, в Нью-Йорке, у нас было бы чудесное будущее, Эмилия, и ты этого заслуживаешь. Даже если думаешь о себе по-другому.

Я задыхаюсь от комка в горле и думаю о нашем разговоре, Мейсон. Как сильно ты не хочешь, чтобы я развивалась, была *собой*. Ты формируешь меня и толкаешь в том направлении, которое тебе нравится, независимо от того, что мне нужно или может понадобиться. И я люблю тебя так сильно, что мне плевать на это.

— Я люблю его, Райли, — хриплым голосом говорю я. — Голова говорит, что это ты. Но сердце всегда кричит о нем, и я не думаю, что это когда-то изменится.

— Посмотрим, — отвечает он. — Я терпеливый, Эмилия, ты же знаешь. И я умек ждать.

— Только не жди долго, — бормочу я. — Пожалуйста.

— Всегда.

— Нам нужно прощаться. Если он узнает, что я с тобой разговаривала, мы оба умрем.

Он сухо смеется.

— Он может приехать, на этот раз я готов.

— Не говори так, Райли. Я кладу трубку.

— Ладно... и спасибо.

— Пока. — Убираю телефон от уха и заканчиваю звонок. Мгновение сижу неподвижно и перевариваю наш разговор.

— Дерьмо, что это было? — шепчу сама себе.

— Это была *ты*, Эмилия. В своем репертуаре. *Шлюха!* — отвечаешь ты, Мейсон.

7. Ты погибнешь вместе со мной, Эмилия

Мейсон

Ты мне изменила, Эмилия. Я знал, что это, рано или поздно, произойдет.

С ним!

С ним!

С! Ним! Эмилия!

Я отчетливо слышал каждое слово, Эмилия. Все время стоял за тобой, но ты так погрузилась в разговор с солнечным мальчиком, что не заметила меня, Эмилия. *Ты рыдала, Эмилия! Ты сказала, что любила его, Эмилия, и что вам было хорошо вместе, Эмилия!*

Что он заставлял тебя чувствовать себя хорошо, Эмилия. Ты говорила, он был бы идеальным, Эмилия!

Ты стоишь передо мной, глаза расширены от ужаса, губы вытянуты в немую «О», лицо побледнело. Ты в таком шоке, что телефон выпадает из руки.

А я вижу только, как он тебя целовал. Я вижу только, как он проводит рукой по твоему телу. Как ты стонешь для него и выдыхаешь его имя, как только что, плача, по телефону.

Беру твой телефон и со всей дури разбиваю его о стену.

— *Ты маленькая долбаная шлюха!* — ору я, направляясь к тебе, Эмилия. Мне плевать, если я сделаю тебе больно. Нет, на самом деле, я хочу сделать тебе больно. Ты в ужасе делаешь шаг назад и дрожишь всем телом так же, как и я, Эмилия. Я разнесу этот сраный дом в щепки, и ты погибнешь вместе со мной, Эмилия!

Хватаю тебя за шею и так резко прижимаю тебя к плиткам, что это выбивает весь воздух из твоих легких, и ты ударяешься затылком о стену. Твое дыхание учащается, ты очень боишься меня. О, детка, ты должна меня бояться. Потому что в данный момент я хочу, чтобы ты вообще перестала дышать. И он тоже.

Позади себя слышу истошный крик, который, вероятно, исходит от мамы.

— Мейсон! — зовет она и дергает меня за плечо. — Отпусти ее! Немедленно! — Она хочет разлучить нас, Эмилия. Никто никогда не сможет разлучить нас. Я сбрасываю ее с себя, при этом она ударяется о шкафчик в ванной рядом со мной, и все духи и косметические принадлежности со звоном падают на пол.

В тот момент, когда я вижу, как моя мать летит от меня, мой гнев уступает место ледянящему ужасу. А дальше все происходит очень быстро. Меня хватают за плечо и резко разворачивают. Папа с размаху бьет меня кулаком по лицу, вырубая меня. Я слышу крики, твой и мамы, потом тяжело приземляюсь на пол, и все становится черным.

***

Китон

Оливия, я думал, будет легче, когда Райли уедет, а он получит девочку. И, должен признать, его припадки стали реже, но он читал мой дневник, Оливия. Он шантажирует меня этим. Такое ощущение, что он перекручивается все так, чтобы найти оправдания своим собственным действиям. При этом ты так сильно отличаешься от Эмили Салливан, детка.

Ты не позволила себя сломать, а она уже сломлена. Ты просто стала немного послушнее, и то только в определенные моменты. Но эта девушка настолько искалечена, Оливия, что на самом деле ей нужен был именно такой мужчина, как Райли. Но она выбрала Мейсона. Я уже догадываюсь, чем это может закончиться...

Маленький засранец только что исчез из моего кабинета, не потрудившись закрыть за собой дверь, Оливия. Он не хочет, чтобы она училась. Так я и знал, поэтому тайно оформил ее в университете. Перед этим, конечно же, я внимательно наблюдал за ней и спросил, что она хотела бы делать. Каковы ее желания, стремления, таланты. И она сказала мне, что хотела бы быть с Мейсоном. Эта девушка явно ничего не знает о хорошей жизни. Некоторым людям иногда приходится помогать. Мы почти удочерили ее, Оливия, я чувствую за нее ответственность, хотя это никогда не входило в мои планы. Но дерьмо в какой-то момент просто случается. Теперь я беспокоюсь о ней и о том, что они с Мейсоном делают друг с другом. Они ведут себя ужасно, не работают, ничему не учатся, они даже никуда не выходят. Вместо этого они просто торчат в этом подвале и делают бог знает что. Сутками, Оливия. В какой-то степени я рад, что моих камер больше нет, потому что я вообще ничего не хочу знать.

Как только я слышу крики Мейсона снизу, моя голова взлетает вверх.

— Ты маленькая долбаная шлюха! — громко проносится по всему дому. Вскрываю со стула и спешу вниз. Оливия, когда это, наконец, закончится? Когда прекратится, что я, как минимум, раз в месяц буду удерживать на полу или возле стены этого маленького засранца, чтобы он успокоился?

— Мейсон! Отпусти ее! Сейчас же! — кричишь ты. Детка, я же говорил не приближаться к нему, когда он вне себя. Что. Ты. Там. Делаешь?

Мое сердце начинает колотиться, несмотря на то, что обычно при его припадках я полон спокойствия. Я должен таким быть, кто-то один всегда должен оставаться спокойным.

Я как раз захожу в ванную и вижу, как он держит Эмилию за шею и прижимает к стене. Ты висишь на его руке и хочешь оторвать его от нее, но он резко отталкивает тебя, и ты летишь на шкафчик, Оливия. Все содержимое сыпется на пол и разбивается вдребезги.

Теперь я знаю, как Мейсон себя чувствует, когда взрывается.

Я больше не могу себя контролировать.

В три шага преодолеваю расстояние между нами, разворачиваю и обрушиваю свой кулак на его лицо. Он падает.

Никто не трогает тебя, Оливия.

Я оставляю его лежать на полу. Никто не касается тебя против твоей воли. Неважно кто. Подхожу к тебе, ты стоишь с огромными остекленевшими глазами возле шкафчика и шокированно прижимаешь руку к щеке. Если бы у меня было сердце, оно бы сейчас разбилось. Я знаю, что, вообще-то, должен был сейчас помочь тебе и посмотреть, насколько серьезна твоя рана. Но я вышел из себя, тяжело дышу и трясусь всем телом.

Позади меня всхлипывает Эмилия. Она стоит возле него на коленях и что-то ему говорит. Я больше не могу это вынести.

Я разворачиваюсь и ухожу, потому что ему это удалось.

Мой контроль разбит вдребезги так же, как и твои духи.

8. Ты должна сопротивляться, Эмилия

Мейсон

Когда я осторожно открываю глаза, все мое лицо жутко болит.

И первое, что я вижу — это ты, Эмилия. Лживая маленькая тварь. Ты сидишь на полу возле меня, твое лицо залито слезами, моя голова лежит на твоих коленях. Гладишь меня по волосам.

Во рту я чувствую привкус крови, нос болит, и когда пытаюсь подняться, в глазах чернеет. Простонав, снова падаю на твои колени.

Прикрываю глаза рукой, потому что свет слишком яркий. Сколько раз я не был бы на ринге, еще никогда меня не вырубали одним ударом. Я всегда знал, что с отцом лучше не связываться, Эмилия. До сих пор у меня была только одна встреча с его кулаком. И тогда тоже было из-за мамы. Он взрывается только тогда, когда речь идет о ней.

— Съебись отсюда! — стону я.

— Мейсон, пожалуйста. Дай мне объяснить. Все не так, как ты думаешь...

— Съебись, Эмилия, — твердо говорю я. — Сейчас же! — видимо, ты что-то слышишь в моем голосе, что будит твой инстинкт самосохранения. Всклипнув, осторожно кладешь мою голову на плитку и встаешь, кусок дерьма.

— Больше никогда не прикасайся ко мне!

Ты уходишь. А я лежу здесь, не в состоянии пошевелиться или даже дышать. Или думать.

Когда снова слышу тихие шаги, опять стону.

— Свали отсюда, Эмилия!

— Это я, — говорит моя мать. Во мне сразу же все сжимается. Напрягаю зрение и вижу, как она садится возле меня с перевязочным материалом.

— Мам, — тихо и одновременно виновато, говорю я. Ее скула слегка посинела, и в этом ты виновата, Эмилия. Зачем ты это сделала? Зачем довела меня?

Поднимаю руку и нежно провожу по ее щеке. Она слегка вздрагивает, но знает, что я хочу высказать этим жестом. Мама всегда знает, что во мне происходит.

Она берет мою руку и целует ладонь.

— Я знаю, — говорит мне. А потом макает тряпку в воду и смывает кровь с моего лица, губы и носа. Я пытаюсь не стонать от боли.

— Что случилось? — осторожно спрашивает она и снова мочит тряпку.

— Она разговаривала с Райли по телефону, — жестко говорю я.

— О, нет, — вздыхает мама. — Я же ему говорила, чтобы не звонил тебе. Но здесь вообще хоть кто-то слушается меня?

— Я убью ее, мам.

Она сухо смеется.

— А потом, Мейсон? Что ты будешь делать потом? Так и будешь жить в своем подвале и таскать туда одну за другой, которые никогда не смогут тебе дать то, что дает она? Потому что ты знаешь, она неповторима. Как будто для тебя создана.

Пытаюсь нахмуриться, но вздрагиваю, потому что даже от этого больно.

— Папа считает иначе, — тихо говорю я. — А я думал, что у вас одинаковое мнение.

Она уже хорошо научилась перевязывать мой нос, и во время этого она объясняет.

— Твой отец знает обо всем, что она пережила, но не знает о том, как все выглядит внутри нее. Она сильнее, чем он думает. И я твердо убеждена, что у нее есть сила стоять на твоей стороне.

— Тссс. Я не хочу, чтобы она была на моей стороне. Я просто хочу, чтобы она делала то, что ей говорю. Потому что она маленькая потаскушка.

— Мейсон! — шикает на меня мама. — Какая бы она не была, не называй ее так. Никогда. Она и так неуверенна в себе, а ты делаешь не лучше. — Она щелкает меня по носу, Эмилия, и я вздрагиваю.

— Ай!

— Видишь? — говорит она. — То же самое чувствует и она.

— Я ей не доверяю.

Она нежно улыбается.

— Доверие требует времени, поверь. Я знаю, о чем говорю. — Ох, Эмилия, я снова вспоминаю о дневнике, и мне становится плохо. Я зажмуриваюсь. Никогда в жизни не буду разговаривать с ней об этой книге. О таком не разговаривают с матерью. Кроме того, если я так сделаю — сдам своего отца.

— Не знаю, смогу ли когда-нибудь доверять ей. Почему она захотела поговорить с ним, как только я вышел из комнаты на пару минут? Что ему вообще от нее нужно? Он ее до сих пор любит или что?

Она проводит по моим волосам.

— Какая разница, что он к ней чувствует? Важно только то, что чувствует она к тебе. А она любит тебя, я это знаю. Мейсон, ты думаешь такое отношение вынесет каждая девушка? Такое долго не выдерживают. Подумай об этом, когда в следующий раз почти убьешь ее.

Я ненавижу, когда мама права, Эмилия.

Но она всегда права, в этом и проблема.

***

Эмилия

Я надела джинсы, взяла Мисси и теперь бессмысленно гуляю по улицам. Уже стемнело и пахнет летом. Воздух теплый, так что рубашки было достаточно. Я скучаю по летним ночам и теплему воздуху на моей коже, Мейсон. Мы сидим только в этом подвале, и я мечтаю о том, чтобы выбраться с тобой куда-то. Но в данный момент мне не стоит думать об этом. Ты ненавидишь меня. Я созванивалась с ним. Как я могла быть такой глупой и вообще взять трубку? Незнакомый номер, нужно было просто все проигнорировать. Ты дал мне четкие указания, и я знаю, что произойдет, если не выполню их: ты сделаешь мне больно, каким бы то ни было образом. Мне нравится физическая боль, Мейсон, но я боюсь, что ты разобьешь мне сердце, потому что так на меня зол. Я могу вынести физическую боль, в какой-то степени даже наслаждаюсь ею, но от моральной не могу себя защитить. Мисси то и дело толкается своим мокрым холодным носом в мою руку, потому что замечает мою невнимательность, и я глажу ее по голове. Но не имеет значения, как далеко и долго я убегаю, все во мне тянется назад к твоему монстру, так что просто разворачиваюсь и иду назад. Ночь ясная, ярко светят звезды. Так спокойно, по крайней мере, вокруг. Но между

нами наверняка никогда не будет спокойно.

Уже издалека я слышу басы, разносящиеся по двору, и удивляюсь, что твой отец позволил этому произойти, но потом вижу, что свет в доме не горит, и обе машины отсутствуют. Я оставляю Мисси наверху, в пустой гостиной, и спускаюсь по лестнице в твой подвал. Хотя я и живу здесь уже достаточно давно, все равно не могу назвать его нашим. Как только открываю дверь, передо мной появляется густое облако дыма, и музыка отдается у меня в животе. Здесь находятся люди, которых я не знаю, Мейсон, и мне это не нравится. Мне это совсем не нравится. Посторонние мужчины обычно заставляют меня нервничать. Мне нужна уверенность, что ты позаботишься обо мне. Ищу тебя взглядом.

Ты сидишь в своем протертом кресле, Мейсон, зная наверняка, что я иду, потому что иначе ты бы не делал то, что делаешь. На твоих коленях сидит Клэр, твоя рука на ее бедре. Я с ней больше не общалась из-за тебя, Мейсон. Я выбросила ее из своей жизни, потому что не хотела больше иметь с ней ничего общего, но сейчас она здесь, в твоём подвале, на твоих коленях.

Меня переполняют эмоции.

Злость.

Ненависть.

Негодование.

Разочарование.

Печаль.

Боль.

Зачем ты это делаешь? С тех пор, как забрал меня из Нью-Йорка, ты не посмотрел ни на одну девушку, и я думала, что так и останется.

А сейчас?

Сейчас указательный палец Клэр водит по твоему — как всегда — голому торсу. Ты куришь косяк, рука свисает с подлокотника, нос заклеен пластырем, губа разбита, ты сам выглядишь разбитым.

Мои глаза горят от дыма, и я тру их, прежде чем подойти поближе. Я бы с удовольствием оттащила бы ее от тебя, наорала, как часто делают женщины в фильмах. Ими восхищаются, перед ними оправдываются... Как бы хотелось быть такой же уверенной и сильной, как они. Но реальность такова, что меня переполняют эмоции, и я хочу убежать отсюда в слезах.

Ты поднимаешь взгляд и безэмоционально смотришь на меня.

Мой желудок стягивает в узел, и мне становится дурно.

Не говоря ни слова, разворачиваюсь. Мои глаза уже не горят от дыма, когда я бегу вверх вместе с Мисси и закрываюсь в гостевой спальне. Я не хочу тебя сегодня видеть, Мейсон, и раньше такого никогда не было.

Делай с ней что хочешь.

Ложусь с Мисси на кровать и рыдаю в ее шерсть.

***

Солнце уже взошло и светит мне в лицо, когда я выныряю из отвратительного, кошмарного сна. Ты разбудил меня, потому что вошел. И теперь стоишь перед моей кроватью, твое лицо выглядит ужасно. Ты снова дрался. Однажды я попыталась отговорить

тебя от этого, но, как всегда, тебя это не заботило. Твоя бровь разбита, под глазом синяк, а на белой рубашке засохшая кровь — вероятно, другого мужчины. В последнее время ты ездил туда не часто, но каждый раз, когда возвращался, выглядел жутко и излучал что-то животное и такое жесткое, будто лишился последней искорки своей души.

Я не могу дышать, когда ты на меня так смотришь, Мейсон.

Так едко. В этот момент я вспоминаю Клэр, сидящую у тебя на коленях, и хочу вскочить. Я должна убраться отсюда, как можно дальше от тебя, но твоя рука уже летит вперед. Ты хватаешь и тянешь меня к себе, пока мы не стоим рука об руку, в то время как ты пронзительно смотришь на меня со стороны.

— Я уже говорил тебе, что ты больше никогда не сможешь убежать, Эмилия, — безэмоционально говоришь ты и резко толкаешь меня обратно на кровать. Мисси снова в режиме побега. Сразу после этого ты нависаешь надо мной и плавным движением стягиваешь рубашку через голову.

— Мейсон, уйди! — не знаю, откуда это, но оно здесь.

Ты замираешь, и твои мышцы напрягаются.

— Что ты сказала? — спрашиваешь ты, наклонив голову. Я снова теряю уверенность и не издаю ни звука. В моем горле пересохло. От тебя пахнет кровью и потом, Мейсон. Поэтому пытаюсь сделать это своим телом: поднимаю руки и робко кладу на твою грудь, чтобы оттолкнуть тебя от себя.

Ты поднимаешь бровь, и в твоих глазах сверкает что-то новое, опасное.

— Что это, Эмилия? — тихо спрашиваешь ты, расстегивая ремень. — Неужели ты хочешь, чтобы я исчез?

Одним движением срываешь с меня футболку. Теперь я топless, потому что вчера забыла надеть бюстгальтер. Ты зажимаешь мой сосок между пальцами и высматриваешь боль в моих глазах, как орел свою добычу.

— Давай, Эмилия, сопротивляйся, если не хочешь этого. Сражайся! — ты медленно прокручиваешь мой сосок, и я вскрикиваю. Твои глаза пылают сильнее.

— Накричи на меня, ударь, скажи, чтобы я остановился, иначе я сделаю с тобой все, что захочу! — ты, наконец, отпускаешь мой сосок, и медленно и демонстративно расстегиваешь свою молнию. Я буквально плавлюсь, и в то же время хочу ударить тебя в лицо. В очередной раз. Как будто сегодня другие люди недостаточно это делали.

— Клэр! — не знаю почему, вырывается у меня.

Ты улыбаешься.

— Ты меня утомляешь, Эмилия! — ты пожимаешь плечом, и я бью тебя в грудь. На секунду ты выглядишь удивленным, таким же, как и я. Испуганно смотрю на тебя.

— Что еще? — провоцируешь меня.

— Пощечина! — ору я. Это сбивает тебя с толку, но потом твои глаза темнеют. Не знала, что это так сильно заведет меня, Мейсон, но ты сам сказал, что я должна выплеснуть все. Ты сжимаешь зубы, на щечину тебе нечем ответить.

Я еще раз бью тебя по груди. Наверняка мне гораздо больнее, чем тебе, потому что ты даже глазом не моргнул.

— Дальше! — напряженно рычишь ты, будто под гипнозом.

— Ты связал меня в гостиной твоих родителей! — снова бью тебя.

— Дальше!

— Ты так часто душил меня, и я думала, что умру! — не могу перестать бить тебя. Ты

тоже больше ничего не говоришь, а просто молчишь. — Ты занимался сексом с женщинами, снова и снова! Прямо на моих глазах! Только для того, чтобы меня ранить! Ты меня шантажировал! Почему именно Клэр? — толкаю тебя в грудь. Ты позволяешь мне развернуть тебя, так что ты приземляешься на спину, я на тебя. Обхватив твоё лицо руками, целую тебя. Специально кусаю твою раненную губу, и ощущаю кровь на языке. Ты шипишь, но не сбрасываешь меня с себя, а крепко хватаешь за задницу и прижимаешь к себе. Твои пальцы впиваются в мою обнажённую плоть, потому что на мне только трусики.

— И что теперь, Эмилия? — ты лежишь подо мной, самодовольный, такой красивый и опасный, и ты принадлежишь мне.

— Я ненавижу тебя, Мейсон Раш! — с этим я отодвигаю свои трусики в сторону, достаю твой твердый член и до упора насаживаюсь на тебя.

— Ты трахал меня достаточно долго, теперь я трахну тебя! — не знаю, что ты высвободил во мне, но это так хорошо ощущается, и, кажется, тебе это тоже более чем нравится. Ты сжимаешь зубы, когда чувствуешь меня. Хватаюсь руками за твою грудь, чтобы удержаться, отбрасываю волосы назад, когда прогибаю спину и предаюсь похоти, гневу, ненависти и любви.

Ты выпрямляешься так, что наши тела прижимаются друг к другу, и одной рукой обхватываешь мою шею.

— Я не трахал её, детка, я трахаю только тебя! — рычишь ты. С этим ты целуешь меня. Мои губы покрыты твоей кровью, а твои грязные руки впиваются в мои бедра, в мою задницу. Я царапаю твою спину, нанося ещё больше ран, так же, как ты мне, цепляюсь руками за твои волосы и тяну их, кусаю шею. Ты откидываешь голову назад, закрыв глаза, опираешься сзади руками, пока я провожу пальцами по твоим мокрым от пота, напряженным бицепсам.

— Детка, я скоро кончу. Если ты хочешь кончить со мной, трахай меня жестче.

Я поднимаюсь вверх, так, что чувствую только твой кончик во мне.

— Ты кончишь тогда, когда кончу я, Мейсон Раш, а во мне ещё слишком много злости!

— Ты, маленькая сучка! — шепчешь ты прямо у моих губ, обнимаешь крепче и снова рывком тянешь меня на себя. Мы оба стонем, и я откидываю голову назад. Руками скольжу по моему блестящему от пота телу, закрываю веки и самозабвенно двигаюсь на тебе. Именно так, чтобы мне было хорошо. Ты становишься ещё тверже во мне.

— Ох, бл*дь! — хрипло стонешь ты, и мне нравится отчаяние в твоём грубом голосе.

До сих пор никому не было позволено так тебя контролировать, и это так дурманит.

Когда чувствую, как ты снова дергаешься, на этот раз специально не предупредив, я опять приподнимаюсь вверх, и ты громко ругаешься.

— Ты издеваешься, Эмилия?

Я улыбаюсь.

— Не знаю, что это, но не хочу заканчивать. Наверное, тебя тоже нужно наказывать, Мейсон. Во мне много чего накопилось.

Час спустя мы снова на грани, и я позволяю тебе кончить, Мейсон, вместе со мной. Наш оргазм такой сильный и такой громкий, что я рада, что твоих родителей нет дома. Мы заканчиваем, прижавшись лбами друг к другу. Это был самый интенсивный оргазм в нашей жизни. Мы одновременно открываем глаза и смотрим друг на друга. Ты протягиваешь руку и большим пальцем стираешь свою кровь с моей губы, так же, как и дождевую каплю на похоронах своей бабушки.

Думаю, это был момент, когда я действительно пропала.

Ты улыбаешься, и в твоих глазах полное умиротворение. Хвала Господу.

— Ты можешь почаще со мной такое делать, Эмилия.

Я смущенно улыбаюсь и зарываюсь лицом в твою шею.

— Наверное, — шепчу я, чувствуя, как твои руки прижимают меня к себе.

9. Бл*дь, Эмилия, она мне до сих пор нравится

Мейсон

У нас в семье есть традиция, Эмилия.

Папа на ней настаивает.

Ты не можешь ничего знать об этой традиции, потому что в прошлом году мы не ездили, так как я хотел, чтобы ты была в моем подвале.

А в позапрошлом году Райли ездил один, потому что хотел тебя от меня спрятать. У него отлично это получилось, Эмилия.

Мисси дышит меня в шею. Она сидит в огромном багажнике Рэндж Ровера. Он, кстати, принадлежит маме, хоть ей и не нужно столько места, но папа очень хотел для нее безопасную машину. Я хотел поехать на своем Мустанге, но мама сказала, что это пустая трата бензина. Но, на самом деле, я знаю, что она задумала. Она хотела запереть нас с папой здесь, чтобы мы поговорили, Эмилия. Мы не разговариваем уже три недели. Из-за тебя, Эмилия.

Райли тоже там будет, этот маленький паразит. Если он хоть один раз неправильно на тебя посмотрит, до конца жизни будет хлебать суп через трубочку, потому что ему не будет чем жевать, Эмилия.

Тебя это, кстати, тоже касается.

Когда я снова погружаюсь в свои мысли, слишком сильно сжимаю твою руку. Ты вздрагиваешь.

— Мейсон, — шепчешь ты.

Папа бросает на меня предупреждающий взгляд в зеркало заднего вида. Не бойся, пап, я не взорвусь!

Тебе нельзя писать, Эмилия. Я злой из-за моих собственных мыслей. Ты беспокойно ерзаешь на сидении, потому что мы уже три часа в пути, и я ни разу не позволил тебе выйти.

Мама радостно подпевает какой-то древней кантри песне, играющей по радио, и прижимается к папиному плечу. Она пытается сделать так, чтобы он подпевал, но папа лишь закатывает глаза. Он прекрасно знает, что у нее на уме.

Ослабить напряжение.

— Ох, я не хочу! — не из-за чего громко стону я, и ты снова вздрагиваешь.

— Да ладно, будет здорово! Это всегда так весело! По вечерам сможем что-нибудь выпить, сидя на террасе, а днем будем купаться в море! А Эмбер такая забавная, когда пьет! — папа все еще предостерегающе смотрит на меня в зеркало заднего вида, потому что понимает, что я знаю, что раньше он трахал Эмбер. Я широко улыбаюсь ему. Мама тоже знает, но решать это, вероятно, было бы фатально.

— Ты тоже рад увидеться с тетей Эмбер, папа? — подмигиваю ему, и его глаза сужаются. Мне нравится невербальное общение, Эмилия. Несмотря на то, что моя мама уже давно знает об этом, я прекрасно понимаю, что происходит, когда я затрагиваю эту тему или упоминаю имя Лейла.

— Мам, — теперь я обращаюсь к ней. — Если бы у тебя родилась девочка, как бы ты ее назвала? — папа сильнее давит на газ. Не знаю, переживем ли мы эту поездку, Эмилия. Не любая реакция лучше, чем это дерьмовое молчание в течение трех недель. Я ненавижу, когда

он со мной не разговаривает.

— Мне нравятся имена, которые начинаются на букву «Л». — Ты подозрительно поглядываешь на меня, а мама поворачивает голову назад. Как будто я бы стал задумываться о долбанных детских именах.

— Ты что, беременна, Эмилия? — спрашивает мама, и ты краснееешь.

— Нет! Мейсон! — шипишь ты, и я обнимаю тебя за плечи.

— Как тебе имя *Лейла*, мам?

Папа резко тормозит, что не очень хорошо, потому что мы находимся на середине дороги. Все по инерции дергаются вперед, включая Мисси, чья голова теперь находится между нашими. Она дышит мне в ухо, а мама бледнеет.

Она сверлит отца взглядом.

— Я ненавижу это имя. А что, Мейсон?

— Ах, я просто подумал, что оно такое красивое и экзотическое. Имя для сильной женщины. — Этим взглядом мама могла бы резать бриллианты.

— Мейсон, о чем, к черту, ты говоришь? — спрашиваешь ты, со страхом глядя на отца. Он просто сидит там, сжимает обеими руками руль, наверняка представляя, что это моя шея. Потом он резко давит на газ, и я знаю, что мне это просто так с рук не сойдет.

— Ах, ничего, детка. Абсолютно ничего.

Всю оставшуюся дорогу мама не отрывает от отца свой взбешенный взгляд.

***

Мы приезжаем рано утром примерно через пятнадцать часов езды. Единственные перерывы, которые папа позволял нам делать, были для Мисси. Если, конечно, мама не хотела есть. Потом он панически искал заправочные станции, Эмилия. Если я был голоден, он проезжал мимо всех. Также он не хотел меняться местами ни с мамой, ни со мной, и всю дорогу упрямо сам сидел за рулем. Папа ненавидит потерю контроля, Эмилия, а мне он нравится. Вот в чем разница между нами.

Поэтому я больше наслаждаюсь жизнью, чем он.

Солнце стоит высоко в небе, отражаясь от океана, цвет которого такой же, как у твоих глаз. Я ненавижу твои глаза. Они везде.

Мы спускаемся по легкому склону к коттеджу, принадлежащему Эмбер. Он стоит прямо на берегу моря. Мы могли бы прилететь на самолете, но тогда мне пришлось бы куда-то отдать Мисси, или, что еще хуже, сдать в багажный отсек, но я не сделаю этого со своим ребенком. Я бы скорее поступил так с тобой, Эмилия, чтобы наказать за то, что ты снова натворила.

Дом стоит на сваях и имеет ярко-белый фасад со светло-голубыми оконными рамами. На подоконниках стоят бледно-голубые вазы с маленькими цветочками. Ненавижу цветочки, Эмилия.

Мы останавливаемся на подъездной дорожке, и папа сразу же открывает багажник, рявкая мне свои приказы.

— Высади собаку из машины, сраная жаба! — это первое, что он сказал мне за последние три недели, Эмилия. Кажется, мы делаем успехи.

Мисси сразу же плюхается в воду. Ей здесь очень нравится, потому что она может целый день бегать там, где ей хочется. В радиусе двух километров, кроме нас, никого нет.

Территория огромная и ограждена забором.

Я несу твою сумку, Эмилия. Мои ноги затекли, я устал и задолбался. Несмотря на это, прежде чем мы ляжем спать, я трахну тебя. Ты копаешься с мамой в багажнике на крыше, и она хихикает. У вас прекрасное настроение и вы демонстративно надеваете солнцезащитные очки. Закатив глаза, захожу внутрь. В доме прохладно, отчего становится легче, и я снова чувствую себя маленьким мальчиком, как только переступаю порог. Здесь я всегда играл, а затем делал и другие вещи...

Направляюсь в сторону ступенек, что ведут в комнату наверху, которую я обычно занимаю, когда мой взгляд падает на террасу.

Я замираю, и сумка выпадает из руки.

— Дерьмо, — тихо шепчу я.

Я знал, что она приедет, но не догадывался, что она стала такой женственной, Эмилия.

На ней красный с белым горошком верх от бикини, чашечка которого, как минимум, третьего размера, Эмилия. Ее талия узкая, бедра округлые, и она загорелая. Раньше она всегда была бледной, как рулон туалетной бумаги. У нее подтянутые длинные ноги, и она на голову выше тебя. Ее задница просто... *Бам!* Мне нравятся задницы, Эмилия. Твоя тоже, детка, так что не волнуйся. Ее волосы длиной до лопаток, завиты в локоны и откинута в сторону. Они ярко мерцают вишнево-красным в восходящем солнечном свете. На самом деле она похожа на Эмбер, только моложе и жарче, при том, что Эмбер еще горячая. Ее губы полные и покрашены темно-красной помадой. Она стоит возле перил, опираясь на локти, и смотрит на море перед собой. Легкий ветерок развеивает ее волосы назад.

Черри.

Она здесь.

— Мейсон? — спрашиваешь ты позади меня, и я вздрагиваю.

— А вот и Эмбер! — говорит мама и исчезает с кучей сумок на втором этаже. Папа разгружает машину, ругаясь, что мама забрала много багажа. Мисси выбегает к Черри на террасу, и она улыбается.

— Привет, детка! — вскрикивает она, когда Мисси прыгает на нее и начинает облизывать ее лицо.

— Мейсон, — зовешь ты немного громче, и я быстро поворачиваюсь к тебе.

— Что? — ты стоишь, обвешанная моими сумками.

— В какую комнату отнести это? — спрашиваешь ты. Я агрессивно срываю большую сумку с твоего плеча.

— Дай сюда! — рявкаю я. Потом поднимаюсь по ступенькам наверх, а ты неуверенно следуешь за мной.

Почему ты всегда такая неуверенная, Эмилия?

Я же знаю, что ты умеешь и по-другому.

Есть повод быть неуверенной, да?

Не глядя, бросаю вещи в комнату, и ты растерянно смотришь на меня

— Освежись, переоденься и спускайся вниз! — рявкаю я и ухожу.

— Мейсон? — зовешь мне вслед, но я продолжаю идти.

Дерьмо, Эмилия.

Я в заднице, и это не хорошо.

***

Только я хотел поприветствовать Черри на террасе, как ее мать появляется прямо в поле моего зрения и лучезарно улыбается. Но это больше похоже на ухмылку психопатки.

— Здравствуй, Мейсон! Я слышала, ты здесь со своей девушкой. Я так рада за тебя!

— Привет... тетя Эмбер. — Я выдерживаю ее поцелуи на своих щеках, после которых она шепчет мне на ухо: — Если ты хоть раз прикоснешься к Черри, я убью тебя, Мейсон Раш! — с этим она отрывается от меня и идет дальше.

Дерьмо, кажется, мои яйца только что сжались в узел, Эмилия. Но ее слова, к сожалению, только еще больше подстегнули меня, она должна была бы это знать. Засунув одну руку в карман, зажимаю сигарету между зубами и неспешным шагом прогуливаюсь по террасе.

Останавливаюсь прямо возле нее.

— Привет, Черри-бэйби!

Она не улыбается и не смотрит на меня, но румянец окрашивает ее щеки. Мне это нравится, Эмилия. У нее веснушки на курносом носу и темно-карие глаза, глубокие, как две пропасти.

— Здравствуйте, мистер Раш, — улыбаясь, говорит она, и, наконец, смотрит на меня.

Черт, Эмилия. Я совсем забыл, какая она красивая. На несколько секунд теряю дар речи. Прислоняюсь локтем к перилам и затягиваюсь сигаретой, но выдыхаю дым не в ее сторону. Она, правда, тоже курит, но ей совсем не нравится нюхать дым. Один раз это произошло — хорошо, это было сделано специально — и имело плохие последствия.

— Ну как? Твоя мать, наконец, вытащила тебя из этой тюрьмы?

— В которую ты меня засунул? Конечно, Мейсон, — вздохнула он.

— Никуда я тебя не засовывал.

— Ты засунул *ego* в меня, поэтому она засунула меня туда. — Она жесткая, Эмилия; знает ответы на все вопросы и за словом в карман не лезет.

Я начинаю смеяться, так же, как и она.

— И? Оно того стоило? — поднимаю бровь.

— О, да. Каждая секунда, мистер Раш. — Ее глаза с вызовом поблескивают.

— И? У тебя еще кто-то был?

Она улыбается.

— Нет, не было. Я ведь не шлюха, в конце концов, Мейсон.

— Что ты хочешь этим сказать? Что шлюха я?

— Да, именно это! — она хихикает, и я улыбаюсь. Дерьмо, Эмилия, она мне до сих пор нравится.

Я не думал, что какая-то женщина еще может привлечь меня, когда ты рядом со мной, когда у меня есть *ты*. До сих пор каждая женщина была пустышкой, потому что ты мое все, детка. Ты — моя. Но Черри... У нас с ней своя история, о которой я никогда не рассказывал тебе, но она увековечена в татуировках на моем теле. Она забралась мне под кожу, Эмилия, а я — ей.

Повернув голову, потому что моя шея подгорает, вижу, что ты стоишь в дверном проеме. Твой взгляд кажется таким потерянным, детка. Волосы распущены и блестят черным. На тебе воздушное белое летнее платье, которое подчеркивает загорелую кожу и идеальную грудь.

Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, даже по сравнению с ней, но

сейчас не об этом.

Вижу по твоим глазам, что ты слышала наш разговор и Черри возле меня робеет.

— Привет, детка, — громко говорю я и хватаю тебя за руку. Ты немного спотыкаешься, когда притягиваю тебя к себе, но ничего не говоришь, только смотришь на меня. Черри тут же влепила бы мне пощечину. Она уже не раз била меня, Эмилия.

— Значит, ты и есть Эмилия? — дружелюбно спрашивает она, просто потому что такая и есть. Ты ненавидишь ее, Эмилия, за то, что видела, как мы смеялись, и за то, как близко стоим друг к другу, и за то, что ты, наверняка, слышала, о чем мы говорили. Но у тебя не будет шанса возненавидеть ее. Черри просто невозможно ненавидеть.

— Да, привет, — глухо говоришь ты, и я чувствую себя как-то странно, Эмилия. Как будто обманываю тебя. Как-то паршиво. Как будто у меня переворачивается желудок.

— Это Черри! Она дочь Эмбер, это и видно! — глупо бормочу я, чувствуя, что мне нужно оправдаться за то, чего не произошло.

Ты побледнела, Эмилия. Тебе плохо?

— О, как хорошо, что у Мейсона наконец-то появилась девушка! Я знаю его только как шлюху! — улыбаясь, говорит Черри, и я закатываю глаза, в то время как твои становятся огромными, потому что кто-то осмеливается так говорить со мной. Небрежно делаю затяжку. Мне хотелось бы сказать Черри, что она очень наслаждалась моей распутной стороной, но не делаю этого. Ты выглядишь достаточно расстроенной, Эмилия.

— Как долго вы здесь пробудете? — спрашивает Черри, опершись локтями на перила. Бл*дь! Ее сиськи, Эмилия. Я судорожно пытаюсь посмотреть в другое место, но чем больше пытаюсь, тем больше смотрю туда. Ты замечаешь, что я плююсь, и мне становится интересно, когда ты рассердишься и взорвешься, и, наконец, влепишь мне пощечину. Что еще должно произойти, Эмилия? Я полный мудака!

— Две недели, — спокойно говорю я, а ты выглядишь так, будто мечтаешь никогда сюда не приезжать.

— Две недели? — шокировано переспрашиваешь ты.

— Ты ей не сказал, насколько едете в отпуск? Мейсон, ты такая задница! Она тоже должна была об этом знать.

— Зачем?

— Боже, ты действительно бессердечный! — Черри закатывает глаза, отнимает у меня сигарету и делает затяжку. Ты снова смотришь на меня так, как будто ожидаешь, что я выйду из себя. Я смотрю на ее вишневые губы, сжимающие фильтр, Эмилия.

— Я реалист, Черри! — потом вижу, как подъезжает такси, Эмилия, и напрягаюсь. Не хватает только одного, и мне бы хотелось, чтобы он так и не приехал. Райли.

Он вылезает из такси. Я ненавижу его! Из-за того, что ты разговаривала с ним по телефону три недели назад, я чуть не прибил свою мать, Эмилия. Когда ты видишь его, отрываешься от меня и делаешь шаг назад. Кажется, у меня галлюцинации. Поэтому хватаю тебя за руку и рывком притягиваю к себе. Я знаю, что моя хватка слишком сильная. Черри поднимает брови, глядя на нас. Ты это замечаешь, поэтому сразу смотришь в пол. Тебе стыдно, Эмилия?

Райли, мудака, взял с собой чемодан и сумку для ноутбука, Эмилия. Зачем ему нужна гребаная сумка для ноутбука на пляже?

Он улыбается тебе, потом видит Черри и меня. Наверное, он надеется, что я наконец брошу тебя, потому что знает, как мы с Черри близки. Он направляется к нам, рука в

кармане брюк, волосы откинута назад, с этой смазливой, надменной улыбкой.

— Боже, я ненавижу этого парня! — бормочет Черри, выбрасывая остатки моей сигареты на песок. Эмилия, лучше мы не будем ей рассказывать, что ты трахалась с ним раньше. Черри всегда терпеть не могла моего брата, потому что она на моей стороне. Ты тоже должна так делать, а не разговаривать с ним за моей спиной.

Он подходит ближе и хочет поприветствовать тебя, но я делаю шаг вперед и смотрю на него с поднятой бровью. Мое!

Райли останавливается и закатывает глаза.

— Рад тебя видеть, Эмилия! — говорит он тебе.

— Сука! — он кивает Черри.

— Подонок! — кивает мне.

— Пошел ты, — одновременно бормочем мы с Черри. Я заговорщически улыбаюсь ей, она отвечает мне тем же.

— Если тебе надоест общение с этими примитивными идиотами, моя комната находится через две комнаты справа от Мейсона. — Райли улыбается тебе.

— Ты маленький... — я хочу наброситься на него, как *papa* хватает меня за руку и дергает назад. Откуда, черт возьми, снова появился этот долбаный ниндзя?

— Райли, зайди внутрь! — строго говорит он. — Я хочу отдохнуть в этом отпуске! Никаких драм из-за ревности, никаких рыданий, никакого секса! Все остаются в постели со своим гребаным партнером! Эмилия, если поймаю тебя у Райли, я кастрирую его! Если поймаю тебя, Мейсон, с этой рыжеволосой вампиршей, это будет твой последний вздох в жизни! В любом случае я еще достаточно тебя ненавижу, так что не играй со мной, Мейсон, и оставь своего брата в покое — и всех остальных тоже. Понял? — он даже не ждет моего ответа, а поворачивается и следует за Райли.

Ты совсем ступевалась, в то время как Черри улыбается мне.

— Ух ты, вот это была речь. Кто-то плохо себя вел, Мейсон Раш?

— Длинная история! — отмахиваюсь я и тащу тебя внутрь.

Мне нужно тебя трахнуть, я такой твердый.

10. Я не мог, Черри

Мейсон

Прикроватная лампа лежит разбитая на полу, Эмилия. Ты лежишь рядом со мной вымотанная и вспотевшая и дышишь так, будто только что пробежала тридцать километров в гору вверх. Твои волосы торчат в разные стороны, Эмилия. Здесь пахнет сексом и потом, и я думаю, что никогда — никогда — не трахал тебя так сильно. На всех поверхностях, до которых мог добраться. Ты вытираешь мокрое от пота лицо и смотришь на меня.

— Что это было, Мейсон? — спрашиваешь ты, тяжело дыша.

— Не знаю, должно быть, морской воздух, — монотонно отвечаю я и начинаю скручивать косяк. При этом *прекрасно* знаю, в чем была причина. Злюсь на себя за то, что все еще нахожу ее горячей, как и тогда. Проблема в том, что она горяча не только внешне. Я ненавижу это говорить, но у нее есть все — знаменитый общий пакет. Кроме того, я знаю ее уже долбаную вечность. С тех пор, как еще писался в штаны. И она точно так же знает меня. Единственная женщина, кроме мамы, которая знает, кто я на самом деле. Ты, наоборот, ничего не знаешь обо мне. Я подкуриваю косяк и выдыхаю дым в твое лицо.

Ты даже глазом не моргаешь, хоть я прекрасно знаю, что ненавидишь это. Ты позволишь мне сделать что угодно, правда?

Медленно вы выпрямляешься и достаешь бюстгальтер. Надеваешь его и поворачиваешься ко мне.

— Итак, вы с Черри давно знаете друг друга? — тихо спрашиваешь ты. Твои глаза блестят от неуверенности и боли. Мне нравится, когда ты так выглядишь, Эмилия.

— Да, достаточно долго.

— Как долго? — допытываешься ты.

— Она на четыре года моложе меня, а это значит с ее рождения. Ты же знаешь, как тесно дружат мои родители и Эмбер. — Я снова затягиваюсь, наслаждаясь невесомостью, распространяющейся в моей голове. Главное, не думать.

— Ага, — говоришь ты и киваешь. Я знаю, что ты хочешь задать гораздо больше вопросов и так ревнуешь, что хочешь накричать на меня, бить и рыдать, но ты этого не делаешь, Эмилия. Ты бы никогда этого не сделала. Одна вспышка из-за Клэр в гостевой комнате моих родителей — это все, что я получил от тебя за все время.

Вместо этого ты одеваешься и идешь к двери.

— Поищу твою маму, — говоришь мне. — Может, ей нужна помощь.

— Если ты хоть помотришь на него, я затрахую тебя до смерти, — лениво протягиваю я, прежде чем ты исчезаешь. Я не могу встать, Эмилия, кажется, у меня до сих пор стояк. Такое ощущение, что даже если бы я еще четыре часа тебя трахал, все равно не избавился бы от него.

Раньше я всегда толкал Черри в грязь. Она была тем маленьким сталкером, который есть у каждого парня, когда ему исполняется двенадцать. С ее щербинками между зубами и дурацкими рыжими волосами она появлялась везде, где был я, Эмилия. Черри всегда угрожала, что выйдет за меня замуж, и строила огромные планы, просто потому что у нее мания величия. Так же, как и у меня. Я всегда терпеть ее не мог, она так раздражала, Эмилия. Каждое лето.

Потом ей исполнилось четырнадцать, и у нее начали расти сиськи и эта бомбическая задница. Она становилась женственной.

Потом ей исполнилось пятнадцать, Эмилия, и она начала краситься и флиртовать.

Потом ей исполнилось шестнадцать, Эмилия, а мои брюки становились все теснее. Окружающие парни начали пялиться на ее задницу, Эмилия. Мне это не нравилось. Мне нравилось, когда она была со мной, а не с этими дебилами. Когда мы вместе пили и курили, а потом болтали — без секса. Она еще была девственницей. Я до сих пор помню наш первый поцелуй. Мы были под кайфом и до смерти хохотали. После этого мы ели чипсы с тостами и нутеллой, и уголок ее рта был запачкан шоколадом, как и у тебя всегда, Эмилия. Я вытер ее губы, и в тот момент знал, что хочу поцеловать ее, что *должен* поцеловать ее. Но она наклонилась и сделала первый шаг, Эмилия.

Но, в итоге, лето закончилось, и мы должны были снова расстаться.

Эмбер не позволяла, чтобы мы виделись в обычное время, кроме каникул. Она знает, кто я на самом деле.

Ей исполнилось семнадцать, когда мы снова встретились, и была самым прекрасным, что я когда-либо видел. Я все лето преследовал ее, был одержим ею, Эмилия. И я знал, что с ее стороны было также. На ее восемнадцатый день рождения я подарил ей свой член — завернутый в подарочную упаковку и перевязанный красным бантом, лежа голым на ее кровати. Потом я лишил ее девственности. Я был осторожен и нежен. Во второй раз уже не сдерживал себя, и ей это понравилось. Она всегда бросала мне вызов, подстегивала меня, и в самых невозможных местах показывала, что на ней нет трусиков, например, когда мы сидели с родителями за обеденным столом. И она любила меня, Эмилия. Пока ее мама не сказала мне, чтобы я бросил нее, и я оттолкнул ее от себя. Потому что я недостаточно хорош для нее. Отравляю ее. И без меня Черри может иметь ту жизнь, которая ей уготована. Ту, что она заслужила.

Потом Эмбер отправила ее в какой-то интернат, и я не видел ее два года, а теперь она здесь, Эмилия. В самое неподходящее время, и я в заднице. Мы в заднице. Все в заднице.

— Твоя подруга хорошенькая, — чувственный голос вырывает меня из мыслей, и я смотрю вверх. Черри стоит в дверном проеме, скрестив руки на груди, что еще больше подталкивает ее сиськи вверх, и позволяет взгляду с наслаждением скользить по моему телу. Мой член накрыт тонкой простыней, но он предательски дергается.

Дерьмо!

— Знаю, — говорю. — Ты же знаешь, мне не нравятся некрасивые женщины. — Я ничего не делаю, чтобы сильнее прикрыть свой член. Она входит в комнату, покачивая бедрами, уверенная в себе, как будто мир принадлежит ей, и просто садится рядом со мной. Я без слов вручаю ей косяк. Она глубоко затягивается и откидывает голову назад. Я смотрю на ее изящную шею и на то, как дым ускользает от ее губ.

— Она стеснительная, — говорит Черри. — Твоих рук дело? Ты запугал ее, Мейсон Рап? Так нельзя делать. — Я улыбаюсь без малейшего сожаления.

— Ты ведь знаешь, что мне наплевать, что можно делать, а что нет, Черри-бэйби.

— О, да, я помню. Это было нечто. — Она отдает мне косяк, и я глупо улыбаюсь, как и всегда, когда она рядом. С ней так легко, как будто дышать, Эмилия, а с тобой так, будто нужно пробираться через снежный шторм.

Я доверяю ей, Эмилия. На сто процентов. Она может бегать вокруг и надевать, что ей хочется, но никогда не пустит в себя посторонний член, если мы вместе. Того, кто посмеет

это сделать, она просто холодно высмеет. Вот такая она, Эмилия.

— Знаешь, Мейсон? Тогда ты меня очень сильно ранил, — говорит Черри, и я сразу же понимаю, что имеется в виду.

— Я должен был это сделать, Черри. Тебе без меня будет лучше. Я придурок, мудака, а ты... — замолкаю, потому что не могу найти подходящего слова, что она для меня значит. Или значила. Я не знаю, Эмилия.

— Я сама могу решить, что лучше или нет, ты не имел права лишать меня этого решения. Мне было так больно, Мейсон.

— Я знаю, — тихо говорю я, и чувствую ту же тошноту, как и тогда.

— Ты ее любишь? Твою девушку, Эмилию? — спрашивает она, опираясь на локоть возле меня. Ей без разницы, что я голый, Эмилия, и мой член под простыней постепенно начинает твердеть. То, что здесь происходит, становится действительно опасным. Но, чтобы ответить, мне не нужно долго думать.

— Да, — не задумываясь, говорю я, и Черри опускает взгляд.

— Ты любил меня?

— Да. — Снова не нуждаюсь в долгих раздумиях, и снова попадаю в плен карих глаз, когда она поднимает свой взгляд.

— Ты никогда мне не говорил, Мейсон.

— Я не мог, Черри. — Мой голос охрип.

Она сглатывает.

— А сейчас уже слишком поздно?

Я молчу, потому что не могу выдать ни слова. Эмилия. Бл*дь!

Я не двигаюсь, когда Черри наклоняется и нежно касается губами моих губ. Так нежно, как будто этого никогда не было. Я не дышу. Совершенно ничего не делаю, пока она не отстраняется, знающая улыбка на ее губах.

— Это радует, — говорит она, встает и уходит.

— Бл*дь! — громко ругаюсь я и падаю на подушки.

11. Я теряю тебя, Мейсон

Эмилия

Все дело в том, как ты на нее смотришь, Мейсон. Дело в том, как произносишь ее имя и в том, что сегодня ночью впервые повернулся ко мне спиной. До сих пор ты никогда так не делал.

Я стояла с твоей матерью и Эмбер на кухне и видела, как она пошла наверх. При этом чувствовала, что должна пойти следом, потому что не хочу, чтобы ты с ней оставался наедине. Я не хочу, чтобы ты смотрел на нее и даже находился в одном доме.

Мне было так плохо, что вечером я не могла ни есть, ни разговаривать с кем-либо. Ты сидел рядом со мной, но казался так далеко, как никогда. Вы с Черри разговаривали о прошлом и так много смеялись. Мейсон, ты никогда не смеешься. Но вчера ты так часто смеялся, наверное, больше, чем за все время, которое я тебя знаю.

Я хочу уехать отсюда. Немедленно.

Но не решаюсь сказать об этом. Я даже не могу поговорить об этом с твоей матерью. Если я что-то скажу, это станет правдой. Может быть, я просто все придумываю. Может, моя ревность необоснованна, а вы просто друзья детства. Райли смотрит на меня таким взглядом, словно знает то, чего не знаю я. Так он делал со вчерашнего ужина, но не разговаривал со мной. Я думаю, он точно заметил, что со мной не все в порядке.

Мы только что закончили завтракать, и вы снова все время смеялись. Твой отец такой напряженный, Мейсон, что это передается и на меня, потому что я достаточно хорошо знаю его и научилась распознавать его взгляды. Это тот взгляд, которым он смотрел на тебя, когда я была с Райли. Теперь он так смотрит на Черри.

У меня паранойя, Мейсон?

Это та женщина, которая разбила твое сердце, из-за коротой ты стал таким? Или это из-за тебя она стала такой?

С ней ты ведешь себя совершенно по-другому, чем со мной.

Передо мной вижу совершенно новых людей, и мне хочется закрыться в себе и больше никогда не открываться.

Эмбер и Оливия убирают со стола, но вы вдвоем до сих пор там сидите и разговариваете. Мейсон, ты даже не замечаешь, как я встаю и выхожу из комнаты. *Ты!* Я даже в туалет не могу сходить без твоего разрешения, а сейчас даже не смотришь в мою сторону, даже когда Райли следует за мной. Я больше не могу это выдержать.

Он идет за мной, Мейсон, и ты ничего не говоришь!

Спускаюсь вниз по ступенькам, что ведут к пляжу, и знаю, что Райли идет за мной. Мне все равно, я хочу тебя, Мейсон, не его.

Не выбирая, сажусь просто на песок, где волны обволакивают мои обнаженные ступни, и позволяю солнцу припекать мои ноги. На мне очень короткое желтое летнее платье, но ты ничего не сказал. *Райли здесь, а на мне короткое платье, Мейсон!*

И ты ничего не говоришь!

Сейчас мы сидим здесь в романтической обстановке, а ты до сих пор ничего не говоришь!

Что с тобой?

— Привет, — говорит Райли. Вижу его краем глаза. Он одет в свободные белые чинос и темно-синюю рубашку, плотно облегающую грудь. Видимо, он много тренировался, потому что его мускулы стали объемнее. Его волосы чуть длиннее, чем обычно, сегодня не уложены и свободно спадают ему на лоб. Раньше я всегда зачесывала назад его кудри или долго укладывала, чтобы они пружинили. Сегодня я замечаю пружинки только на кончиках волос. Его темные глаза такие родные, что у меня подступают слезы. Быстро отвожу взгляд и смотрю на горизонт.

— Как ты? — спрашивает он, и убирает мои волосы с лица, чтобы лучше видеть мой профиль.

Я просто качаю головой, потому что если скажу хоть слово — разрыдаюсь.

— Я знал, что будет не хорошо, если она придет, — бормочет он. — Вообще-то, я должен был бы злорадствовать, но не могу.

Я сплываю и пытаюсь избавиться от комка в горле. От дома доносится звонкий смех, который сопровождается более грубым. Это ощущается как пощечина, Мейсон. Зачем ты это делаешь?

— Что было между ними? — тихо спрашиваю, не глядя на него. Я знаю, что увижу в его глазах, но в данный момент не смогу с этим справиться.

— Ах, — вздыхает он, и я краем глаза замечаю, что он тоже смотрит вперед. — Это первая большая любовь Мейсона. — Ай. Такое ощущение, что Райли со всей силы ударил меня в живот. Мне становится плохо, но я подавляю подступившую тошноту. Голова гудит, в ушах шумит громче, чем это делает море. Холодные волны обволакивают мои ноги, и соленая вода проникает в мой нос и горло. Я чувствую, что задыхаюсь.

— Они знают друг друга с рождения, Эмилия. Против такого трудно устоять. И поверь, я тебе этого не желаю, хотя можно подумать, что это карма. Но ты не заслужила, чтобы он обращался с тобой так дерьмово. Ты никогда не заслуживала. — Действительно, Мейсон? Разве я не заслужила того, как ты ко мне относишься? Может, все так и есть. Может быть, я заслуживаю именно этого. Возможно, я никогда не буду достаточно хороша для чего-то или кого-то. Недостаточно, ненадолго, неискренне. Всегда только поверхностно, потому что у меня, по-видимому, есть суперкиска мирового класса. Больше ничего. Пытаюсь вспомнить, сидел ли ты когда-нибудь со мной за одним столом так долго и просто разговаривал. Задаюсь вопросом, когда ты в последний раз так громко смеялся со мной или смотрел на меня таким нежным, чувственным взглядом. И знаю ответ. Никогда.

— Я его теряю? — глухо спрашиваю я.

— Не знаю, — отвечает он. — Черри всегда оказывала на него такое влияние. Он с ней нормальный, позитивный человек, каким не может быть дома. Он всегда был без ума от нее, а она — от него. Три года назад, летом, у них были какие-то отношения, но потом он бросил ее, потому что Эмбер сказала ему, что он недостаточно хорош для нее. Он бросил ее ради нее, понимаешь? Чтобы не тащить ее с собой в пропасть, как он делает с тобой. Эмилия. Посмотри на меня. — Я не могу, Мейсон. Если посмотрю на него, я умру, серьезно. Мне так больно. Еще вчера все было в порядке, когда мы ехали сюда. Вчера, когда ты держал меня за руку в машине. Как может что-то, что я считала таким крепким, так быстро разрушиться?

Райли кладет руку на мой подбородок и поворачивает голову к себе. Теперь я потеряна. Взгляд его темных, глубоких глаз такой мягкий и такой ласковый. Независимо от того, что он сделал и что сделала я, его сердце все еще чистое и сияющее, Мейсон. Почему я никогда не могу ценить вещи и людей, которые делают мне хорошо? Почему я оттолкнула ангела и

легла в постель с дьяволом?

— Ты самая красивая женщина, которую я знаю. Черри даже рядом с тобой не стояла, Эмилия. — Я так не думаю, Мейсон. У нее есть эта аура и эти взгляды. Это намного больше, чем любая внешность. У меня нет ничего, кроме моей внешности.

— Ты хрупкая, — говорит он. — Тебя нужно оберегать. С твоим сердцем нельзя так играть.

— Что ты имеешь в виду? — дрожащим голосом спрашиваю я. Он до сих пор держит меня. Может, ты видишь нас из террасы, куда вышел покурить. А может, и нет. Может, тебя вообще это не интересует.

— Я имею в виду, что по тебе видно, что ты пережила что-то ужасное. Я всегда это видел, но не хотел на тебя давить. Ну, после всего, что я пережил с тобой; после всего, что я узнал о тебе, и после всех людей, с которыми ты меня познакомила... И когда ты выбрала Мейсона, Эмилия, после того дерьма, что произошло в Нью-Йорке, я все проанализировал, и кажется, знаю, что происходит. Но я не буду заставлять тебя рассказывать мне. Никогда так не делал и не собираюсь, потому что уважаю твои границы, Эмилия. Когда-то я почти переступил черту, и до сих пор жалею об этом.

Блин, Мейсон. Мне бы хотелось, чтобы ты хоть раз посмотрел на меня таким взглядом, каким сейчас смотрит Райли.

Он опускает руку и смотрит на меня. А я смотрю на него. Такое ощущение, что мы с Райли связаны. У нас были отношения, Мейсон. В течение двух лет. Мы делили постель, делили горе, планировали наше будущее. Мы собирались пожениться. И теперь, после всего этого времени и всех страданий, я сижу здесь и смотрю в его глаза, потому что они — единственное, что сейчас мешает мне снять платье и забежать прямо в море, чтобы никогда больше не выплыть.

Вижу, как он наклоняется ко мне, и я, к моему ужасу, делаю то же самое. Было бы так легко, если бы я любила его так же, как и тебя. В последний момент отворачиваюсь. Его дыхание опаляет мою кожу. Его губы так близко. Я чувствую его запах, но он — не ты.

Райли отклоняется и вздыхает.

— Прости.

Я только усмехаюсь. Почему он извиняется? Я же тоже тянулась к нему.

— Если захочешь поговорить, ты знаешь, где моя комната.

Он уходит, а я остаюсь на пляже.

Такое ощущение, что так я сижу часами и просто смотрю на море. Мое лицо, наверное, уже покраснело, потому что я не намазалась солнцезащитным кремом. Но мне все равно. Я пуста, Мейсон. Как может быть, что ты так сильно любишь кого-то, но потом бросаешь, потому что ему будет лучше без тебя? Я думала, у нас такая любовь. Думала, что мы вдвоем — что-то особенное. Но, может быть, вы с Черри особенные, а мы просто убивали время?

— Что ты здесь делаешь? — слышу твой голос, и моя кожа покрывается мурашками, что не обязательно приятно. У меня опять слезы наворачиваются на глаза. Черт! Быстро вытираю их тыльной стороной ладони.

— Ты плачешь?

Я мотаю головой. С трудом выношу то, когда ты садишься рядом со мной на песок, согнув ноги и положив локти на колени, и смотришь на меня.

— Эмилия, — настойчиво говоришь ты. — Посмотри на меня. — Те же слова говорил и твой брат, Мейсон, но совершенно другим тоном. Нежнее. За что ты меня так сильно

ненавидишь?

Я мотаю головой.

Через секунду я уже лежу на спине, а ты нависаешь надо мной. Ты закрываешь солнце, Мейсон, и твоя тень, которая падает на меня, доводит до дрожи.

— Ты ревнуешь, Эмилия? — ты пристально смотришь на меня, вдавливая в песок. Мне так холодно, Мейсон. Чувствую себя такой одинокой, несмотря на то, что ты здесь. И мне бы хотелось сказать тебе все то, что чувствую. Но не могу.

В одно мгновение из моих глаз начинают литься горячие слезы, стекая по вискам на песок. Я не могу тебя потерять.

Ты смотришь мне в глаза. В этот момент что-то мелькает в твоём взгляде, что я очень редко вижу.

— Бл*дь, — шепчешь ты.

Мне так плохо, Мейсон. Кажется, мое сердце упало на этаж ниже. Мне так больно, и я ничего не могу с этим поделать. Могу только лежать здесь.

— Эмилия, пожалуйста, прекрати плакать, — говоришь ты. Я закрываю лицо руками, чтобы ты больше не мог меня видеть.

Ты берешь мою руку за запястье и тянешь вниз. То же самое проделываешь и со второй рукой.

Переплетаешь наши пальцы и прижимаешь мои руки к песку, слева и справа от моего лица.

— Я не могу тебя такой видеть, Эмилия.

— Прости меня, — говорю я. Это чувствуется неправильно.

— Не нужно постоянно извиняться. Бл*дь. — Ты наклоняешься ко мне и прижимаешься лбом к моему. Я дышу твоим дыханием, ощущаю твой запах, и чувствую твою кожу. Это расслабляет меня.

— Ты мне нужна, Эмилия.

Я почти спрашиваю: *Серьезно? Я, Мейсон?* Но не делаю этого. Ты ни разу не сказал мне, что между вами ничего нет. Мейсон. Да, ты сейчас здесь и теперь знаешь, что я ревную, но ничего не говоришь, кроме того, что не хочешь видеть меня такой. Потому что ты не врун, в отличие от меня.

Мне остается только поднять голову и поцеловать тебя. Отчаянно. Потому что знаю, что теряю тебя.

Ты точно так же целуешь меня в ответ, Мейсон. Как мы до такого дошли? Я хочу кричать, потому что не могу тебя удержать. Но пытаюсь показать это своим телом. Моими губами. Моим языком. Всем, что могу тебе отдать. Этого не много. Больше у меня нет. Я не остроумна. Не могу смешно шутить, потому что мое сердце слишком быстро бьется, когда ты находишься рядом. Я не могу разговаривать о своих чувствах, потому что их невозможно описать словами.

Я так сильно тебя люблю.

И я теряю тебя.

12. Я ненавижу себя, Эмилия

Эмилия

Вечером мы все собрались в гостиной. Эмбер с Оливией все время смеются как школьницы. Лицо Оливии покраснело, и она пьяная как никогда. Они разговаривают о прошлом и кривляются над Китоном.

— Приведи сюда девочку! Принеси новую рубашку! Не смеяться. Смех — это зло, Оливия. Развлечения — зло, Эмберrrrr! — кривляющимся голосом говорит Эмбер. Она уже задыхается от смеха, и мне хотелось бы побыть на ее месте. Быть беззаботной и свободной. Я плохо себя чувствую, Мейсон. Окна открыты. Внутри залетает легкий ветерок, приносящий с собой соленый бриз. Все сидят вокруг журнального столика, у каждого свое место. Я села возле твоего отца, прижавшись как можно ближе, но не касаясь его, потому что только здесь чувствую себя комфортно. И он это позволяет. Мисси растянулась у наших ног и периодически с наслаждением вздыхает. У нее был напряженный день. Сегодня мы около двух часов бросали ей палки в море, и даже этого ей было недостаточно.

Райли сидит с Эмбер и твоей мамой напротив, и весело закатывает глаза из-за женщин. Его веки тяжелые. Он тоже слегка пьян, как и все остальные. Кроме меня, потому что ты до сих пор запрещаешь мне, и твоего отца, потому что он редко пьет.

Ты, Мейсон, сидишь в кресле. Твои руки сжаты в кулаки, Мейсон. Черри сидит на подлокотнике. Почему ты такой напряженный? Не доверяешь себе?

Я не могу дышать, Мейсон, разве ты не видишь? Да, время после обеда мы провели вместе. На пляже. Я намазала тебя солнцезащитным кремом, и мы занялись сексом. И я снова почти расплакалась.

Сейчас на мне твоя футболка, Мейсон, и шорты под ней. Черри же надела тонкий топ, который просвечивает ее бюстгальтер, и шелковые шорты с вышивкой по краям, танцующей по ее загорелой коже. Ее темно-рыжие волосы средней длины спадают ей на плечи мягкими волнами. Она без макияжа, но при этом просто ошеломляет. Вы так хорошо выглядите вместе, как будто были созданы друг для друга.

— Эмберrrrr! Мы не говорим об этом при детях! — кричит Оливия, указывая на нас пальцем. Она почти падает со стула от смеха. Китон раздраженно стонет, что вызывает у меня улыбку.

— Эй, веселые мамочки! Может, вы уже пойдете спать? Вы мешаете молодежи! — зовет Черри. При этом весело поднимает свои идеальные брови. У нее такой сексуальный голос, Мейсон. Если бы я была мужчиной, наверняка запала бы на нее.

— Господи, почему? Или ты хочешь заняться чем-то, что нельзя делать? — раздраженно и едко спрашивает Райли.

Я почти жду, что ты начнешь ее защищать, Мейсон. Твой рот открывается, но сразу же закрывается, как только ты смотришь в мою сторону. Китон это тоже заметил, потому что также сверлит тебя взглядом, Мейсон.

Мамы включают музыку на своих телефонах и начинают танцевать вальс, кружа по всей гостиной. Затем они поднимают Китона и заставляют его танцевать ламбаду. Он закатывает глаза, глядя в мою сторону, и я хихикаю. Оливия хватается за Райли, пока Эмбер танцует с Китоном, и он, вздыхая, играет для своей мамы идеального Джона Траволта, пока она

больше не может удержаться от смеха. Столько радости, Мейсон, но в моей голове идет война с моим сердцем. Мне так грустно и хочется побыть одной. Просто убежать.

И вдруг ты появляешься передо мной, и я смотрю на тебя. Пристально смотришь на меня, как всегда. Немного сдавленно, немного напряженно. Наконец ты тянешь меня за руку вверх. Мое сердце трепещет, Мейсон, когда ты прижимаешь меня к своему твердому голому торсу, и я чувствую твоё тепло. Мы так близко, что чувствую твой запах. Одну из моих рук ты держишь прижатой к груди, при этом твоё сердце стучит быстрее, чем обычно. Другая твоя рука на моей талии. Я люблю твои сильные руки и твой взгляд. Как ты смотришь на меня. Я прислоняюсь лбом к твоей ключице и, как наркоманка, вдыхаю твой аромат, чувствую мягкую кожу под губами и оставляю на ней поцелуй. Смех вокруг нас как будто стихает. Здесь только мы вдвоем, одни против целого мира. Во мне взрывается столько беспорядочных чувств. Так много противоречий. Столько страхов и столько стремлений. Я не могу потерять тебя и не могу удержать. Все только в твоих руках.

Видимо Черри включила свой плейлист, где проигрывается песня «Черри» Ланы Дел Рей, в то время как ты медленно кружишь меня в танце.

*Я сказала, что настоящая любовь — это как не чувствовать страха,
Когда стоишь перед лицом опасности
Просто потому, что ты очень этого хочешь.
Прикосновение
Твоей истинной любви —
Сродни небесам, что приходят на место чего-то злого
И позволяют ему сгореть в восторге этого чувства.*

Я провожу носом по твоей шее, чувствуя твоё теплое дыхание в моих волосах. Твои губы прижаты к моему виску, и мне бы хотелось танцевать так вечно, касаться тебя и быть рядом.

Ты не можешь со мной смеяться, не можешь разговаривать, но наши тела разговаривают на собственном языке, который никто из окружающих не понимает. Я знаю, что ты тоже это чувствуешь, Мейсон.

*Дорогой, дорогой, дорогой,
Ярываюсь на части, когда я с тобой, ярываюсь на части.
Мои мечты — те, в которых вишни и вино, розмарин и тимьян,
И все мои персики — эти мечты рассыпались в прах.*

Я так сильно люблю тебя, что это разрывает меня, Мейсон. И я не хочу, чтобы это чувство исчезало. Не хочу тебя потерять. Сейчас я держусь за тебя, сейчас в твоих руках, но что, если на секунду отпущу, и ты навсегда исчезнешь?

— Мейсон? — Черри зовет тебя, и ты поворачиваешь голову в её сторону. Позади слышу гортанный рык или какой-то другой шум. Испуганно разворачиваюсь и вижу Китона, который глазами метает в Черри молнии.

Потом снова смотрю на тебя и на неё. Мейсон, ты ещё держишь меня, но смотришь на неё. Она о чём-то тебя спрашивает и говорит:

— Иди сюда и посмотри!

Ты смотришь на меня, а я думаю: «*Пожалуйста, нет*».

Ты настроен решительно. Берешь мою руку, разворачиваешься и тащишь меня наверх.

Клянусь, Мейсон, мое сердце пропустило удар. Ощущаю спиной, что на нас все смотрят, но для меня намного важнее, что я чувствую, как твоя рука сжимает мою.

Мы идем в нашу комнату, и ты закрываешь за нами дверь. Из-за крыши одна из наших стен срезана, и через встроенное окно луна светит прямо на белые половицы. Море шумит, и я чувствую запах успокаивающего соленого воздуха. Внизу снова и снова раздается смех. Твоя мама смеется так громко, что это слышно на весь дом. Ты прикладываешь руку к моей щеке, и большим пальцем водишь по моему подбородку, словно я фарфоровая кукла. По твоим глазам я вижу, что ты находишь меня красивой. Медленно наклоняешься ко мне, кладешь обе свои большие руки на мои щеки так, что они охватывают все мое лицо. Твои губы находят мои, не ища их. Даже темнота не может отделить нас друг от друга, Мейсон. По крайней мере, я на это надеюсь.

Ты толкаешь меня на кровать. Когда лежишься на меня, и я чувствую твой вес, несколько минут во мне тлеет уверенность.

***

Мейсон

Прошло три дня, Эмилия. И я ходячий п*здец. Мой отец пялится на меня. Он знает, что во мне происходит. К счастью, мама все время выпивает с тетей Эмбер, и папа так веселится, что не особо фиксируется на мне.

Сейчас я лежу здесь, Эмилия, и наблюдаю за тобой спящей, как часто делаю. За последние дни мы много занимались сексом, потому что я заведен, Эмилия. И это не из-за тебя.

Вот, я сказал это.

Бл*дь!

Я до сих пор помню, как чувствовала киска Черри. Я все помню, Эмилия. Это правда и из-за этого я чувствую себя дерьмово. На последние три дня я запер нас с тобой здесь, как в подвале. Видишь, Эмилия? Нам нехорошо быть среди людей. Они опасны, Эмилия, и мы в безопасности только тогда, когда наедине.

Бл*дь!

Бл*дь!

Бл*дь!

Бл*дь!

Сейчас я ненавижу себя. Мне не хотелось снова встречаться с ней, но я, конечно, знаю, что бегство ни к чему не приведет. Детка, я не хочу причинять тебе боль. Я не хочу, чтобы ты плакала из-за меня так, как четыре дня назад на пляже. Это разрывало меня в клочья, Эмилия. Я был так беспомощен, как никогда раньше. Потому что не мог ничего разбить, не мог кому-то врезать, чтобы стало лучше.

Я не знаю как вести себя с тобой, потому что ты такая хрупкая. В конце концов, мне известен только секс как отвлечение и способ решения проблемы. Я не из тех мужчин, кто берет тебя на руки и утешает, как делал Райли. Для этого я слишком эгоистичен, холоден и болен.

Ты лежишь на животе, лицом ко мне, как всегда. Последние дни всегда держишь меня

за руку, когда спишь, Эмилия. Как будто боишься, что, отпустив, потеряешь меня.

Твои длинные, дикие волосы разметались повсюду, а густые ресницы откидывают небольшие тени на скулы. Наклоняюсь к тебе и вдыхаю твой запах, провожу носом по шее, чувствуя размеренное биение твоего пульса под кожей. Я бы с радостью схватил тебя и отвез домой. Закрыл бы нас в подвале и жил бы так до конца наших дней. Но другая часть меня желает совершенно другого, Эмилия.

Все спят. Вообще-то, это наше время, но ты слишком вымотана за последние ночи, когда я не давал тебе спать, потому что не мог насытиться. Потому что мне нужно было это выпустить. Потому что монстр во мне занимает больше места, чем обычно.

Откидываюсь назад на подушки. Твои пальцы слегка вздрагивают, и я сжимаю твою руку. Я здесь, детка. По крайней мере, физически.

Дверь тихо открывается. Даже прежде, чем увидел, я знаю кто это. Маленькая полоска света падает в комнату, и чувствую, как сжимается мой желудок, потому что я не доверяю себе, Эмилия. Потому что не знаю, что сейчас будет.

Она просовывает голову в дверной проем. Волосы падают ей на щеки. Обводит взглядом комнату и смотрит на кровать, глядя только на меня, Эмилия, и я ловлю себя на том, что отпускаю твою руку, детка. Медленно, чтобы ты не проснулась. При этом чувствую себя величайшим предателем, которого когда-либо видел мир. Я стараюсь не оглядываться на тебя, когда Черри манит меня рукой. Как преступник, пробираюсь наружу, хотя в некотором роде так и есть. Я знаю, что держу твое сердце в руках и собираюсь разбить его. Это подходит мне, Эмилия. Я сломанный ублюдок.

На ней только растянутая черная футболка, которая едва прикрывает ее задницу. Рыжие волосы влажные и свободно падают на ее плечи. Я сегодня видел, как она купается в море, Эмилия. После этого я так жестко тебя трахнул, что мне самому до сих пор больно. Я так себя ненавижу, Эмилия.

Она берет мою руку, и я замечаю в ее другой руке бутылку джина. Она любит джин. Детка, я даже не знаю, какой напиток предпочитаешь ты. Тебе вообще нравился бы алкоголь, если бы я не запретил? Тогда на рельсах ты сказала, что это не твое, из-за твоего отца. Это так? Или я себе напридумывал?

Ее рука худее, чем твоя, а ногти длинные и покрыты лаком. Твои искусаны. Я чувствую, как они впиваются в мою ладонь, когда мы спускаемся вниз. Ступеньки скрипят, и она хихикает. Господи, я тоже смеюсь, хоть и не хочу. Не знаю, что это, Эмилия, но с ней я другой, чем с тобой. С ней все намного опаснее, потому что не могу сопротивляться. Потому что не я главный.

Мы выходим из дома, проходим через террасу и садимся на песок под пальмой. Мы так часто здесь сидели, курили травку, пили и разговаривали ночи напролет. Когда не могу уснуть, часто об этом вспоминаю.

— Дерьмо, — шепчет Черри, ерзая на песке. — У меня песок в трусиках.

— Я бы посмотрел, но уже занят, — говорю я, искренне гордясь собой. Она закатывает глаза, открывает бутылку и пьет. Я смотрю, как капля джина стекает из уголка ее рта, по заостренному подбородку, длинной шее с переливающейся кожей и бежит прямо в вырез футболки.

Сжимаю руки в кулаки. Это неправильно, говорю себе снова и снова. Что я здесь делаю? Почему не лежу с тобой в постели? Почему этого не достаточно, с тех пор как снова увидел ее?

Она протягивает мне бутылку, и я делаю большой глоток.

— Помнишь, Мейсон, ночь звездопадов? Как мы лежали здесь всю ночь и считали? Мы были так сильно под кайфом, что в итоге не знали, было ли это на самом деле.

Это вызывает у меня улыбку, и я засовываю бутылку в песок. Джин горит у меня в горле, смешанный с огнем после трех косяков, выкуренных сегодня вечером.

Она смотрит на меня со стороны, наклонив голову набок и доверчиво улыбаясь. Темные глаза сияют даже во тьме.

— Мне тебя не хватало, — говорит она.

— Мне тебя тоже, — отвечаю, прежде чем успеваю подумать.

Кончиком указательного пальца она ведет по моей руке, Эмилия, наверх, к моему плечу, к шее, и я хватаю ее запястье.

— Черри, что мы здесь делаем? — спрашиваю я с мольбой в голосе, чтобы она прекратила, потому что не знаю, хватит ли у меня сил, Эмилия.

И вдруг она наклоняется и прижимает губы к моим. Я замираю. Все во мне требует сорваться. В конце концов, мне удается отклониться назад.

Мы смотрим друг на друга, Эмилия.

Я не хочу этого делать, Эмилия.

Я не могу сдержаться, Эмилия.

На этот раз наклоняюсь я и впиваюсь в ее губы. Не нежно и не осторожно. Не сдерживаясь, выплескиваю накопившуюся годами страсть и выпитываю ее стоны.

Бл*дь!

Толкаю ее на спину. На вкус она как джин и вишня. Такова на вкус она была всегда. И она вкусно пахнет, как пахла всегда. Только эти вещи заставляют меня упасть на колени.

Мне очень жаль, Эмилия!

Чувствую опаляющий жар ее тела, и меня захлестывают, будто волнами, воспоминания. Мы вдвоем здесь в море, обнаженные, посреди ночи. Наши губы. Мои зубы впиваются в ее кожу. Ее ногти царапают мою спину. У меня так много воспоминаний о ней, что она навсегда останется частью меня, Эмилия. И большинство из них хорошие. Не такие, как наша история, которую обволакивает черная туча.

Черри была и есть моим светом.

Я отодвигаю ее трусики в сторону, в то время как она расстегивает мои штаны.

Наши движения суетливые и дрожащие. С тобой мои пальцы никогда не дрожат, Эмилия.

И когда погружаюсь в нее, такое ощущение, что я вернулся домой.

13. Ты мне изменил, Мейсон?

Мейсон

Я только что кончил в другую женщину, Эмилия.

Я только что изменил тебе.

Я целовал ее. Ласкал и сжимал ее грудь.

И я чувствовал ее оргазм вокруг меня.

Я самый большой подонок на Земле, теперь это официально.

Я ужасно себя чувствую, когда возвращаюсь в дом. Такое ощущение, что в моем желудке огромный камень, который не дает мне дышать. Ты лежала там, наверху, и спала, пока я был в другой. Черри все еще на пляже. А я после этого просто встал и ушел, не сказав ни слова.

Я так погружен в свои мысли, что замечаю, что кто-то сидит в гостиной только после того, как уже вошел в нее. На секунду появляется страх, что это папа. Но становится легче, когда вижу, что это просто чертов придурок.

Он выглядит иначе, чем в прошлом году. Как-то больше не похож на долбаного педика. Но в его глазах пылает старая добрая ненависть, когда он встает и смотрит на меня. Мои волосы все еще растрепаны ее пальцами, и кожа покрыта ее потом.

Он напряжен. Его мышцы угрожающе подергиваются, и выглядит он гораздо более брутальным, чем я его знаю. У него щетина на лице и черные круги под глазами, а волосы растрепаны. Это ты их взъерошила, Эмилия?

Я прекрасно видел, как он смотрел на тебя в последние дни, и не взорвался лишь потому что был отвлечен. В присутствии Черри я не могу взрывать.

— Ты все-таки это сделал? — хрипло спрашивает он.

— Райли, что ты хочешь от меня? — раздраженно отвечаю я.

Он медленно подходит ко мне, Эмилия.

— Чего я от тебя хочу? — он поднимает одну бровь вверх, потом замахивается и с силой бьет меня в живот, в котором и так уже лежит камень. И я позволяю этому случиться. Следует еще два удара, а я даже не поднимаю руку для защиты или атаки, потому что заслужил это, Эмилия, и мы оба это знаем.

— Если ты еще раз причинишь ей боль, Мейсон, то больше никогда не сможешь никого трахнуть. Причем во всех смыслах этого слова. — Он проходит мимо меня и, грубо толкая меня плечом, уходит через крыльцо по лестнице вниз, к морю.

***

Моя голова сейчас взорвется, Эмилия.

Я не сплю всю ночь и не возвращаюсь к тебе в комнату. Вместо этого я час отмывался в душе, а потом выкурил пачку сигарет на веранде. Теперь сижу здесь на ступеньках, оперевшись локтями на колени, и смотрю на восход солнца, как часто делал с ней раньше. Ее здесь нет, потому что она знает, что мы натворили дерьмо. Наверное, поэтому она и спряталась наверху. Бутылка джина все еще стоит под пальмой, а летний ветер уничтожил наши следы. Но когда я смотрю, все еще вижу нас, там, внизу, на песке. Как смотрел ей в глаза и, казалось, находил в них ответы на все вопросы, медленно двигаясь внутри нее.

Медленно, Эмилия. Не жестко и быстро. Кажется, я тону. Мне хочется разорвать проклятие, которое лежит на мне. Оно началось с вишнево-красных губ и вишнево-рыжих волос, и не знаю, чем закончится. Бл*дь, Эмилия! Почему мне кажется, что наше время истекло? И я в этом виноват. Уничтожил все, что нашел в тебе. И вдруг все это кажется ошибкой. Но при этом все казалось таким правильным, когда я находился внутри нее. Не было ни ненависти, ни ревности, ни обиды, ни влечения к кому-то другому. Это было просто... я даже не могу описать.

Бл*дь!

Выбрасываю последнюю сигарету на песок и встаю. Мой зад болит от длительного сидения. Я устал, но не могу уснуть, потому что мой мозг не прекращает работать.

Дерьмо, Эмилия.

Я трахнул другую.

Я трахался с Черри. И почему-то я не могу понять, кому с кем изменил, потому что ты должна знать, Эмилия, часть моего сердца всегда будет в ее маленьких, с красными ногтями, ручках. Ты — мой яд, она — панацея.

Я — тьма, твоя уродливая сторона. А она — мой свет, моя прекрасная сторона.

Мне потребовалось много времени, чтобы забыть ее, Эмилия. И когда мне это в какой-то степени удалось, появилась ты. Такая сломленная. Такая уязвимая. Такая восхитительная. Но рядом с неправильным человеком. Я знал, что должен владеть тобой. Чувствовать тебя. Я должен был узнать, кто ты и кем хочешь быть. Хотел обладать тобой и подчинить себе всю твою волю.

Бл*дь, Эмилия!

Я не могу без тебя. Наверное, никогда не смогу тебя отпустить. Это моя самая большая слабость. Мне это нужно, Эмилия. Немного света. Немного спокойствия. Немного меньше стресса. Немного меньше ревности. И было так легко получить все это у нее, а не искать у тебя.

Я бегу, Мисси рядом со мной, и становлюсь все быстрее и быстрее. В какой-то момент уже не знаю, смогу ли когда-нибудь перестать бежать.

БЛ*ДЬ!

***

Эмилия

Тебя нет, когда я просыпаюсь, Мейсон. Матрас рядом со мной холодный. Ты отсутствуешь уже некоторое время. И под этим я имею в виду не только нашу постель. Последние дни были не так уж плохи. Но все равно был этот взгляд, каждый раз, когда она находилась с нами в одной комнате. Это напряжение, которое передалось мне. Боже, Мейсон, я что-то вроде бездны. Я почувствовала колющее чувство в желудке еще до того, как встала с кровати. Больше всего мне бы хотелось просто уйти, потому что все кажется таким неправильным. Я бессильна и даже не знаю, в чем именно. Похоже, что-то изменилось с тех пор, как мы сюда приехали. Особенно со вчерашней ночи, потому что, видимо, тебя здесь не было.

Где ты был, Мейсон?

Почему ничего мне не сказал?

Мы ведь всегда проводим ночи вместе. Ночи принадлежат нам.

Я встаю и надеваю свое свободное красное платье. Оно легкое, а на улице жарко. Это платье, которое было на мне, когда мы с Райли приехали к вам сообщить о нашей помолвке. Иногда кажется, что это было в другой жизни.

Босиком спускаюсь вниз. На кухне совсем тихо. Это такое утро, когда с кем-то расстаешься. Как будто тебя только что бросили, ты проснулась и осталась одна. Понимаешь, что это был не сон. Как утро после пьянки. Как и то неприятное спокойствие, которое возникает, когда в комнате есть что-то, чего не должно быть.

Я сглатываю и мотаю головой, чтобы прогнать эти мысли.

Еще очень рано. Солнце только что взошло. Оно пылает на горизонте ярким оранжевым цветом и отражается на спокойном бирюзовом море.

Через окно вижу Райли, стоящего на террасе. Он одет в свободные пижамные штаны и без рубашки. Его волосы — сплошной беспорядок. В руке он держит чашку с кофе и опирается предплечьями на перила.

Меня тянет к нему, Мейсон, несмотря на то, что ты против. Но тебя здесь нет, а мне страшно находиться одной.

Поэтому выхожу на улицу. Райли не оборачивается, когда говорит:

— Ты хорошо спала, принцесса? — раньше он часто называл меня так. Тогда я всегда чувствовала себя особенной. Райли — первый и единственный мужчина в моей жизни, который когда-либо заставлял меня чувствовать себя так. До того, как случилось все это дерьмо с тобой, Мейсон. До того, как я стала неблагодарной и опрометчивой. До того, как я стала лгуньей и обманщицей.

Смотрю на его позвоночник, загорелую кожу и широкие плечи.

— Райли, я вообще просила у тебя прощения? — спрашиваю его.

В изумлении он поворачивает ко мне голову, и я вижу глубокие тени под его глазами. Кудри падают ему на лоб. Он выглядит так, как выглядит всегда, когда только что проснулся.

— Не стоит, — говорит он, кивком подзывая меня к себе. — Иди сюда, посмотри.

Делаю глубокий вдох. Соленый воздух освежает мои мысли, и я становлюсь возле него. Так близко, чувствуя его тепло, касаясь нашими обнаженными плечами.

— Разве это не идеально? — тихо спрашивает он. Непонятно почему, возможно, потому что я такая сломленная, кладу голову ему на плечо, как делала уже тысячи раз. Возможно, потому что хочу быть такой же сильной, как он, такой уверенной и такой же... счастливой?

— Это прекрасно, — тихо соглашаюсь я, а потом ничего не говорю, даже когда он обнимает меня за талию и прижимается щекой к моей макушке. Не знаю, как долго мы так стоим. Такое ощущение, что маленькую вечность, как тогда, прежде чем стало так чертовски запутано с тобой. Знаешь, Мейсон, я начала становиться лучшим человеком, прежде чем познакомилась с тобой. Райли вытащил меня из этой глубокой черной дыры, которую я называла своей жизнью. А ты толкнул меня обратно, еще глубже, чем было.

— Что, мать вашу, вы там делаете? — устало и взбешенно рычишь ты позади нас. Мое сердце начинает биться, как сумасшедшее. Я сама не знаю, чем мы тут занимаемся, но прекрасно понимаю, как это на тебя действует.

— Дерьмо.

Рывком отрываюсь от Райли и разворачиваюсь. Ты стоишь в пяти шагах от нас, ноздри раздуты, руки сжаты в кулаки. Твои глаза кажутся другими. Ты хочешь подойти ко мне и схватить, твоя рука уже в воздухе, но вдруг широкая спина Райли возникает между нами.

Теперь мое сердце вовсе перестает биться.

— Нет! — рычит он так мрачно, как в Нью-Йорке, когда мы поругались, и он приказывал мне. — Убери от нее свои руки!

Ты поднимаешь брови, как будто ослышавшись. Кладу руку на плечо Райли, прежде чем ситуация вышла из-под контроля.

— Райли, пожалуйста, все в порядке.

Он смотрит на меня, проверяя, действительно ли все в порядке, потом делает шаг назад, и я прохожу мимо него. Как только нахожусь в пределах досягаемости, ты грубо хватаешь меня за руку и тащишь в дом. Ты не произносишь ни слова, но твоя хватка говорит сама за себя. Пока ты тащишь меня через весь дом, я как будто в трансе.

В нашей комнате ты швыряешь меня на кровать и спрашиваешь:

— Ты трахаешься с ним?

— Где ты был сегодня утром, Мейсон? — монотонно отвечаю я, чувствуя, как что-то внутри меняется, Мейсон. Это не хорошо. Мой вопрос на несколько секунд выбивает тебя из колеи, но потом ты мотаешь головой.

— Я не должен перед тобой отчитываться! — рывкаешь ты.

— Но это должна делать я, Мейсон? — мой голос дрожит. Я до сих пор не уверена, но слова вылетают из моего рта прежде, чем могу что-то изменить. Ты снова замираешь и смотришь на меня так, будто ослышался.

— Я спросил, трахаешься ли ты с ним, Эмилия, — тихо, но настойчиво повторяешь ты.

— Нет, конечно, я же с тобой, Мейсон, и уже тысячу раз говорила, что люблю тебя. Я изменила кому-то один раз в жизни, потому что по уши влюбилась в тебя. Но тебя я бы никогда не предала, — говорю я, глядя тебе в глаза. Но ты отводишь свой взгляд. Почему ты не смотришь на меня?

— Мейсон? — мой пульс отдается в ушах. Грохочет во лбу, переходя в виски. С трудом выдавливаю слова, как будто онемев. Ты до сих пор не смотришь на меня, руки сжаты в кулаки.

— Мейсон! — громче повторяю я. — Ты мне изменил, Мейсон?

Ты смотришь мне в глаза и говоришь:

— Нет.

С этим разворачиваешься и выходишь из комнаты.

14. Зачем мы завели детей, Оливия?

Китон

Зачем мы завели детей, Оливия? Не могу перестать спрашивать себя об этом. Возможно, у нас был бы еще один тройничек с Эмбер, если бы не было детей, Оливия. Или же я бы трахнул тебя на пляже. Мы бы сделали что-нибудь стоящее, а не торчали бы по уши в дерьме. Снова.

Ну что за хрень...

Мы сидим за столом и завтракаем. Эмбер все еще бегают. Она бегают в отпуске, у нее не все в порядке с психикой. Ты сидишь возле меня, а вокруг нас исчадия ада. Делаю плоток кофе и поверх чашки наблюдаю за каждым из них.

Слева от меня сидит Райли. Сегодня утром он выглядит взбешенным, Оливия, и смотрит мрачным взглядом на своего младшего брата. Я видел, как ночью он побил Мейсона. Мне не хочется рассказывать тебе, почему он так сделал, потому что это разобьет тебе сердце. Снова.

Потом сидит погруженная в себя Черри, которая не отрывает глаз от своей тарелки. Было достаточно одного взгляда, чтобы понять, чем она занималась прошлой ночью и с кем, Оливия. Стул рядом свободен для Эмбер.

А дальше Эмилия, маленькая, милая, разрушенная Эмилия. Она выпалась, но я вижу по ее глазам, как много она плакала за последние дни, всякий раз, когда его не было рядом. Я знаю, где он шлялся, когда его не было с ней. И он определенно получил бы от меня, но прошлой ночью это взял на себя Райли. Я слышал их шаги и видел, как они с Черри спустились вниз, с бутылкой джина, необузданные, как дети, которыми они когда-то были. Сначала я хотел пойти следом, но в этот момент Райли вышел из своей комнаты и последовал за ними, поэтому я снова вернулся в кровать.

А потом сидит самый большой ублюдок в мире, Оливия. Наш сын. Он представляет собой смесь взбешенного, обозленного и чертовски виноватого. Его лицо бледное, он не спал всю ночь. Уже в шесть часов утра я видел его из своего окна сидящим на ступеньках. Надеюсь, он больше никогда не сможет спать, и его нечистая совесть убьет его. У него темные круги под глазами, а волосы растрепаны. Кроме того, от него пахнет потом, потому что он бегал. Скоро он поймет, что не сможет убежать от того, что сделал, — я тоже должен был этому научиться, — и тогда, конечно, будет слишком поздно, если у девушки будет хоть немного решительности. Я знаю, что она боготворит его, Оливия, но иногда любовь — это еще не все.

Черри для Мейсона и Эмилии то, чем Лейла была для нас с тобой — единственное отличие в том, что я никогда не любил Лейлу, а Мейсон всегда любил Черри. Она всегда была той, кто заставлял его смеяться, когда мы были здесь, кто заставлял его забывать, насколько мрачная его жизнь, и кто показывал ему, что все может быть иначе, чем он привык. Не вопрос, она хорошо на него влияет. Так же хорошо, как Райли влияет Эмилию. Ты думаешь, Мейсон и Эмилия созданы друг для друга? Нет. Они уничтожают друг друга, съедают, а затем снова выплевывают не пережеванными.

Мейсон никогда не сможет подчинить Черри, а Райли Эмилию.

Задаюсь вопросом, что еще принесет нам этот отпуск.

— Ну как? — спрашивает Райли, и все вздрагивают, даже ты, Оливия. У тебя похмелье детка, и ты была такой горячей вчера. Мне нравится, когда ты выпиваешь. Тогда ты полностью теряешь контроль над собой и безоговорочно выполняешь все, что я говорю. — Выспались?

Мейсон угрюмо смотрит на брата, Черри расширяет глаза и хочет спрятаться в себя еще больше. Эмилия хмурится, а ты смеешься:

— Да, спасибо за вопрос. — А потом ты краснеешь, потому что не очень много спала прошлой ночью, Оливия. Под столом толкаешь меня коленом, чтобы я перестал так смотреть на тебя, Оливия. Я усмехаюсь и откусываю от своего круассана.

— Я тоже прекрасно выспался, — говорит Райли. — Я ненадолго проснулся, потому что показалось, что кто-то крадется по дому. — Я смотрю на Райли и невербально спрашиваю его, действительно ли он хочет открыть Ящик Пандоры. Мейсон не сможет долго сдерживаться.

— У тебя есть какие-то проблемы, что ты решил разговаривать о всякой хрени, в то время как мы просто хотим съесть все наше дерьмо, ублюдок? — рявкает Мейсон, и Райли небрежно ухмыляется.

— У кого-то плохое настроение. В чем дело, *бро*? — он ведет себя так провокационно, Оливия. Что с ним? Мне это нравится.

— Не называй меня «бро»!

— Ах, я думал, тебе это нравится, потому что ты всегда меня так называл. Ну ладно. — Райли тоже откусывает от своего круассана. Затем указывает на пышно накрытый стол перед собой и смотрит на свою бывшую невесту. — Тебе тоже нужно что-нибудь съесть, принцесса, ты сильно похудела за последнее время.

Нет, Оливия.

Почему?

— Мейсон! — говорю я до того, как он пошевелился, но он игнорирует меня, почти перепрыгнув через стол и опрокинув стул.

О нет, Оливия. И зачем только я встал с постели? Мы могли бы позавтракать там. Я бы слизывал варенье с твоего тела, а ты делала бы то же самое, только с других частей моего тела. Теперь этот псих снова взбесился, Оливия.

Клянусь, если ты вмешаешься на этот раз, я убью его или убью тебя, но одного из вас двоих не станет в любом случае.

— Мейсон, — раздается голос, на который я не рассчитывал. Черри. Она хватается за руку и укоризненно смотрит на него, Оливия. При этом даже не боится получить от него, потому что он никогда этого не сделает. Не с ней. — Мейсон, что, по-твоему, ты делаешь? Мы здесь завтракаем, возьми себя в руки. Хватит! Сядь на свое место и ешь, Господи! Боже, люди за этим столом страдают от похмелья, прояви понимание. — Мейсон фыркает и снова опускается на свой стул. Все немного в шоке, даже я. — Итак, мы можем продолжить завтракать? — спрашивает Черри. — Или кто-то еще хочет перепрыгнуть через стол? — все снова занялись завтраком, только Эмилия молча встает и направляется к входной двери. Она даже не реагирует на жесткий голос Мейсона: «Детка, стой!», и исчезает на улице. Но я увидел слезы в ее глазах, как и ты, Оливия. Ты кладешь руку на мою ногу, поэтому я следую за ней.

Прежде чем выхожу, вижу, что Мейсон тоже пытается подняться, но ты останавливаешь его предупредительным взглядом и твердым: «Нет!».

Он слушается тебя. Иногда может быть не таким уж и глупым.

***

Эмилия

Я судорожно дышу носом, пытаюсь подавить тошноту, но мне это не удается. Рядом с домом прислоняюсь к какой-то пальме, и меня выворачивает. Закончив, вижу, как кто-то молча протягивает мне носовой платок. Это Китон.

— Боже, как неловко, — хрипло шепчу я, вытирая рот. — Прости, что тебе пришлось это увидеть.

— Видел и похуже. Давай пройдемся. — Он начинает идти, и я следую за ним, радуясь, что он здесь. На самом деле, он стал для меня почти как отец. Мы спускаемся на пляж и идем по еще прохладному песку. Я босиком — как обычно в последние дни. В своей голове я все время вижу, как она прикасается к тебе, как смотрит, и насколько прочна связь между вами. Но ты сказал, что не изменял мне. Ты действительно смотрел мне в глаза и лгал, или я преувеличиваю?

— Ты не преувеличиваешь, Эмилия. Я бы отреагировал точно так же, если бы рядом был бывший Оливии, и у них были такие же отношения друг с другом. — Я немного пугаюсь, когда Китон говорит это, и задумываюсь, не сказала ли я это вслух. Мы садимся на причал, уходящий далеко в море. Свежий воздух треплет мои волосы.

Закрываю глаза.

— Что мне делать?

— Бежать, — спокойно отвечает он. — Ты должна была убежать гораздо раньше. Вы не подходите друг другу. Особенно Мейсон не подходит тебе!

— Но я люблю его, — сразу же говорю я.

— Я знаю, но иногда то, что мы любим — это не то, что идет нам на пользу. Иногда это уничтожает нас — например, наркотики, или сигареты, или другие вещи, вызывающие зависимость. На самом деле мы любим все, что вредит нам.

— Но как я смогу жить без него? — спрашиваю я, пытаюсь представить себя без Мейсона. Снова наворачиваются слезы на глаза.

— Ты должна сама найти свой путь, Эмилия. Нельзя всегда быть зависимой от других.

— Но я не хочу быть без него. И так же не могу быть с ним. Мне кажется, он любит эту Черри.

— Нет, это не так! — возражает твой отец. — Он любит мысли о ней. Любит иллюзии прошлого, но когда отпуск закончится, эта иллюзия снова исчезнет, и он пожалеет об этом. Но тогда ты не должна бежать к нему, как маленькая собачка, а должна показать ему, что у тебя тоже есть границы. Он нуждается в этом. Чтобы уважать тебя.

— Мне страшно.

— Страхи для того и существуют, чтобы их преодолевать.

— Но если я... — даже не могу произнести это. — Брошу Мейсона... потом... я останусь совсем одна!

Он нежно улыбается.

— Конечно же, нет! Мы с Оливией уже удочерили тебя в наших сердцах, иначе мне было бы все равно, что Мейсон с тобой делает. Это его дело.

Слабо улыбаюсь и говорю:

— Спасибо.

Потом мы просто молча сидим здесь и смотрим на море. Сегодня оно серое, штормовое и беспокойное, так же, как и все внутри меня.

15. Бл*дь, Эмилия

Мейсон

Если описать мою жизнь одним словом — это будет «бл*дь». Не знаю, что здесь происходит, но все как-то рушится на глазах.

Я трахался с Черри.

Ты наблюдала за восходом солнца с Райли, Эмилия. Какого черта? Кто вообще делает такое дерьмо, Эмилия? И теперь — не знаю, как ей это удалось, — Черри успокоила меня. Догадываюсь, как ты восприняла это. Я знаю, как это, потому что ты встала и ушла. С папой! Который теперь больше *твой* отец, чем мой, и с моей собакой, которая также больше твоя собака, чем моя.

Бл*дь, Эмилия!

Я все еще сижу за столом, хотя мама и Эмбер уже убираются. Эмбер только что вошла. К счастью, она не видела тот хаос, который был сегодня утром. Райли свалил наверх, в свою комнату, а Черри так и осталась здесь сидеть. Она смотрит на меня, а я смотрю на нее. Не прошло и семи часов, как я был в ней. И теперь она смотрит на меня так, будто думает о том же.

Эмилия, я бы солгал, если бы сказал, что сожалею об этом. Не знаю, как объяснить тебе, как я вижу Черри. Потому что даже себе не могу объяснить, что именно меня так привлекает в ней, и всегда привлекало. Но мне жаль, что ты та, кто испытает наибольшую боль во всей этой истории. И вообще, я не хочу этого, детка. И никогда не хотел. Мне не нравится, когда ты страдаешь — по крайней мере, не таким образом, — и еще меньше нравится, когда причиной этого являюсь я.

Когда снова возвращаешься в дом, упрямо смотришь только перед собой. Просто проходишь мимо всех нас и поднимаешься наверх по ступенькам.

Ты выглядишь такой решительной, Эмилия.

Хочешь бросить меня?

Не закончив свою мысль, отодвигаю стул ирываю зрительный контакт с Черри. Быстро поднимаюсь по ступенькам, следуя за тобой. С момента нашего знакомства это второй раз, когда я бегу за тобой, Эмилия.

Ты находишься в комнате.

Дверь открыта, потому что ты, конечно же, знала, что я прийду. Слышала меня.

Сложив руки на коленях, сидишь на кровати. Красное платье струится по твоему загорелому телу, а волосы свободно собраны на затылке. Это платье было на тебе, когда вы с Райли объявили о своей помолвке, а также о переезде в Нью-Йорк год назад. Я помню, как будто все было вчера, как ты сидела напротив меня за столом.

Стою у двери и смотрю на тебя. Ты сидишь и смотришь на меня. Так мы существуем некоторое время и молча смотрим друг на друга. Я чувствую напряжение в комнате, Эмилия. Оно исходит от тебя и льется прямо на меня. Остаюсь стоять в дверном проеме, потому что ни за что не выпущу тебя, если вдруг захочешь бросить меня. Потому что я никогда не отпущу тебя. Я предупредил тебя, Эмилия: я ненормальный, а ты сказала, что знаешь об этом.

Я же говорил, что мы разрушим нас, Эмилия.

Теперь видишь, что я имел в виду?

— Сейчас уже слишком поздно бежать, — говорю я.

— Кто сказал, что я хочу убежать? — тихо отвечаешь ты.

— Что ты тогда хочешь, Эмилия?

— Я хочу, чтобы ты сказал мне правду. Пожалуйста, Мейсон. — Бл*дь, не смотри на меня так умоляюще. Мне тяжело дышать, когда ты на меня так смотришь, Эмилия.

Я не могу и не буду этого делать, детка. Никогда в жизни. Поэтому захожу в комнату и закрываю за собой дверь.

— Правда в том, что ты принадлежишь мне.

— А ты? Кому принадлежишь ты, Мейсон Раш? — твой взгляд заставляет меня нервничать, Эмилия. До сих пор я никогда подобного не чувствовал. Это новый вид решительности, и он мне не нравится.

— Детка, я принадлежу себе, ты же знаешь.

— Я думала, ты принадлежишь мне. Сам ведь говорил. — Ты встаешь, Эмилия, и подходишь ко мне. Только когда наши тела касаются, и ты можешь заглянуть мне в глаза, останавливаешься. Что с тобой, Эмилия? Почему ты такая дерзкая?

— Ты мне соврал, когда говорил, что принадлежишь мне? Ты обманул меня?

— Я не буду отвечать, когда ты так нападаешь на меня! — одной рукой отталкиваю тебя от себя, потому что ты заставляешь меня нервничать. Ты спотыкаешься, но быстро восстанавливаешь равновесие и смотришь на меня.

— Знаешь, Мейсон, если так, то нам больше не о чем разговаривать.

— Эмилия, мне кажется, я ослышался. — Боже, клянусь, мысль о том, чтобы потерять тебя, сводит меня с ума, Эмилия. Я теряю рассудок еще до того, как успеваю понять, что ты только что имела в виду.

— Тогда, видимо, после отпуска нам обоим придется выяснять, кому мы принадлежим! — а сейчас ты хочешь пройти мимо меня и выйти из комнаты, Эмилия. Что мой отец, с которым ты только что гуляла, внушил тебе? Что все будет хорошо, если ты избавишься от меня? Но ты никогда не справишься без меня. Я нужен тебе, Эмилия.

Я преграждаю тебе путь, вытянув руку, когда ты открываешь дверь, и хлопывая ее прямо перед твоим носом. Ты вздрагиваешь.

— Ты останешься здесь, — отчетливо говорю я. Поворачиваешься ко мне спиной и остаешься стоять на месте. Я подхожу ближе и шиплю тебе на ухо, хватая за плечо: — Говорю в последний раз, Эмилия. Ты не можешь и не будешь убегать от меня. — Медленно расстегиваю брюки, позволяя тебе почувствовать, что делаю. Ты напрягаешься, но не уходишь. И не говоришь «нет». Но уголком глаза вижу, как ты опускаешь веки, когда я поднимаю твоё платье. — Уже слишком поздно. Поняла меня?

Ты поворачиваешь голову и смотришь мне прямо в глаза. Твой взгляд снова такой же пустой, каким был, когда ты впервые вошла в мой подвал. Только раньше там была смелость, а сейчас ее нет, Эмилия.

Отодвинув твои трусики в сторону, рывком проникаю в тебя. Я должен чувствовать тебя. Должен чувствовать, что ты все еще здесь. Но как только оказываюсь в тебе, у меня перед глазами появляется лицо Черри — то, как она смотрела на меня, пока я нависал над ней.

Я грубо трахаю тебя, чтобы стереть эту картинку. Ты выдыхаешь мое имя, но я слышу только Черри, как она стонет мое имя.

— Бл*дь, — ругаюсь я, прислоняясь лбом к твоему затылку. Ты так хорошо пахнешь. Ты моя девочка. И все же я могу думать только о том, что сделал с тобой и что еще сделаю.

Трахаю тебя еще жестче, еще агрессивнее, и ты хнычешь.

— Я ненавижу тебя, Мейсон Раш, — слабо бормочешь ты.

Я не могу.

— Бл*дь, Эмилия! — рывком выхожу из тебя, прячу член, которым до этого трахал Черри, и застегиваю штаны.

Толкаю тебя в сторону, чтобы уйти прочь от тебя, и вылетаю из комнаты. Я тоже ненавижу себя, даже не представляешь как.

— Можешь ненавидеть меня, но ты остаешься.

Я решаю, Эмилия, не забывай об этом!

***

Эмилия

Мейсон, за последние три ночи тебя дважды не было. Наверное, ты думаешь, что я сплю, но это не так, Мейсон. Ты же знаешь, что я ночной человек; ты знаешь, что мои демоны преследуют меня и что я не могу спать. Почему ты исчезаешь, и почему я разрешаю? Почему бы мне просто не взять тебя за руку, когда ты собираешься уйти, и не притянуть к себе? Почему я не держу тебя?

У нас не было секса уже три дня! Такого никогда не было. Ты не мог насытиться мною. А в прошлый раз мы даже не закончили. Ты просто оставил меня стоять. А еще в твоих прикосновениях не было того, что я обычно чувствую.

Это потому что другая женщина заняла мое место?

Сегодня очередная бессонная одинокая ночь, и я решаю постучаться к Райли. Мейсон, я задолбалась бегать к Райли, пока ты где-то сидишь с Черри и, смеясь, разговариваешь о былых временах. Быстро надеваю белую майку и черные штаны для йоги и выхожу в коридор. Не могу пройти мимо, поэтому подслушиваю у двери Черри, но изнутри не доносится ни звука. Тогда я робко стучу к Райли и слышу его «Эммм, чтооо? Кто? Почему?» ворчание. Я хихикаю и приоткрываю дверь. Он всегда такой милый, когда сонный.

— Гулять со мной! Почему? Потому что я не могу спать, — сообщаю я ему. Вдруг его голова взлетает вверх, и он садится в постели, как привидение. Его волосы торчат в разные стороны, и он одет только в длинные пижамные штаны, которые очень низко опущены на его бедрах. Я вижу, как мерцает его кожа, хотя в комнате очень темно.

— Что случилось? — сонно спрашивает он.

— Я просто не могла уснуть.

— А где Мейсон? — он включает ночник. Я пожимаю плечами, стараясь не обращать внимания на то, что делает со мной твое отсутствие, Мейсон. Где ты? И хочу ли я это знать?

Райли раздраженно стонет и шепчет:

— Какой ублюдок! — затем с легкостью поднимается с кровати. Я всегда восхищалась тем, как он справляется со своим увечьем, как будто его вообще нет.

— Я готов к чему угодно. — Он взмахивает рукой. — Который час?

— Четыре двадцать утра! Ты, наверняка, очень устал. Прости, что разбудила тебя, — говорю я, но он мотает головой и пропускает меня вперед.

— Ты всегда была ночным человеком. — По пути вниз он делает остановку на кухне. — Подожди, думаю, мы можем прихватить что-нибудь попить, правда, детка? Эмм, я имею в виду Эмилия. Черт! Извини, я еще не проснулся.

— Ах, все в порядке, возьми лучше хорошего вина! Думаю, твой отец прячет его в самом углу, где мы не сразу его увидим! — приятно отвлечься и не думать о тебе, Мейсон. Даже если это всего на несколько минут.

— Будет сделано, мэм! — он ненадолго исчезает и возвращается с бутылкой вина, которую тут же откупоривает. Тогда мы отправляемся в путь. Ночь безоблачна, и звездное небо ярко сияет над морем. Дует теплый ветер, взъерошивая мои волосы. Я разбита, мне так больно, что, кажется, онемела. Если я, проснувшись, увижу, что тебя нет, Мейсон, и трезво подумаю об этом, это меня сломает. Я не хочу беспокоиться о том, где ты и чем занимаешься. Потому что в глубине души уже знаю это и не нуждаюсь в подтверждении. Райли тоже чувствовал себя так же, как и я?

— Как ты себя тогда чувствовал, Райли? — спрашиваю я и забираю бутылку вина, пока мы шагаем по песку.

— Так же, как и ты сейчас, — говорит он.

Я смотрю на него большими глазами.

— Ты думаешь, он с ней спит?

— Эмилия, я не хочу вмешиваться, — хрипло отвечает он. — Но что бы ни случилось, я здесь для тебя. Независимо от того, чем ты нуждаешься, чтобы я был, я буду этим. — Слезы наворачиваются на глаза, потому что не могу избавиться от ощущения, что это конец для нас обоих, Мейсон. Тогда я задаюсь вопросом: буду ли я когда-нибудь снова чувствовать себя так, как чувствовала с тобой? А если нет, хорошо это или плохо? Боже, я не хочу, чтобы все закончилось. Но это все равно, что мчаться к бетонной стене со скоростью триста километров в час, к неизбежному концу, со сломанными тормозами.

Делаю еще глоток, так же, как и Райли. Я давно не пила, Мейсон. Я многое давно уже не делала.

— Ты счастлив в Нью-Йорке? — спрашиваю Райли.

— Эмилия, я думал, что влюблен в Нью-Йорк, но, на самом деле, это было только потому что мы встретились там. Без тебя все не так. Я бы уже давно вернулся, если бы не знал, что Мейсон сойдет с ума, и если бы отец не запретил мне этого делать. Но думаю, что даже это не сможет меня долго удерживать. — Это наполняет меня надеждой, и я делаю еще глоток. Возможно, таким образом я смогу забыть то, что знаю. Сейчас Райли моя единственная надежда, единственный свет. Но, вообще-то, он всегда был таким.

Мы идем дальше. Луна сияет так ярко, что практически все вокруг видно. Тихое шумящее море постоянно выплескивается на берег.

— Я бы предпочла никогда больше не возвращаться, — говорю я Райли.

— Мы могли бы остаться здесь навсегда. Я мог бы платить Эмбер арендную плату, и мы могли бы жить здесь. Эмбер боготворит меня, а Мейсона — нет. В принципе, как и все остальные.

— И что тогда? Что мы будем здесь делать потом?

— Мы будем просыпаться по утрам и пить кофе, наблюдая за рассветом. Потом будем купаться в море голышом, потому что здесь больше никого нет, и заниматься фантастическим сексом на берегу. А если будет прохладно, я буду разжигать камин. Мы будем пить горячий шоколад с зефиром, который ты так любишь. Он знает, что ты любишь

какао? И что единственное место на твоём теле, где ты боишься щекотки — это в изгибе локтя? — он щиплет меня, и я с визгом подпрыгиваю. Но он продолжает мечтать о нашем будущем. — Мы будем просто лежать на диване и существовать. Если захочешь, мы поедем в город и купим для тебя самые красивые платья или пойдём в библиотеку и отыщем лучшие книги. Ты все ещё читаешь, Эмилия? Когда ты прочитала свою последнюю книгу? — я с удивлением смотрю на него, потому что только сейчас понимаю, что больше полугода я ничего не читала, и что он все ещё так хорошо знает меня и описал мой идеальный день.

Я вздыхаю.

— Это звучит идеально, в этом и проблема, Райли. Я не идеальна. Есть вещи, о которых ты не знаешь, и я, вероятно, никогда не расскажу тебе. Монстр, который живёт в Мейсоне, живёт и во мне тоже, и он разрушает меня, желая поглотить полностью.

— Эмилия, в этой истории я супергерой. Я справлюсь с любым монстром. Знаешь, проблема заключалась в том, что ты закрылась от меня с самого начала, потому что думала, что я не справлюсь с твоим грузом, а потом Мейсон воспользовался твоей слабостью и затянул тебя в свои чары, как вампир. А теперь ты полностью обессилена, Эмилия. Ты даже приблизительно не та, кого я знал. Да, ты всегда была застенчивой, но у тебя была и другая сторона, когда ты очень часто говорила мне свое мнение. Но то, что я вижу сейчас — это маленький испуганный олененок, ослепленный фарами, но все ещё не убегающий с дороги. Ты пустая, он тебя истощил. И теперь, когда не осталось ничего, что он может отнять у тебя...

— Что теперь? — со страхом спрашиваю я.

— Не знаю, ты мне скажи. — Райли так и стоит передо мной, глядя за мое плечо.

— Бл*дь! — шепчет он. — Давай уйдем отсюда. Здесь не интересно, давай пойдём в другое место! — быстро говорит он, берет меня за руку и начинает тянуть за собой, но я уже повернула голову и увидела то, что увидел он.

Я замираю.

Бутылка падает на землю и мой мир рушится.

16. Я люблю тебя, Эмилия

Эмилия

А вот и ты, Мейсон.

Под причалом.

Она прислонилась к одной из балок и обвила ногами твои бедра. Твои штаны немного опущены...

Ее ногти впиваются в твою спину, а ты прижимаешься лицом к ее шее.

Ты держишь ее так крепко, так сильно, как будто хочешь заверить, что она не упадет, когда рядом с тобой, Мейсон, а ее волосы прилипли к твоему телу.

Ты стонешь ее имя.

Я задыхаюсь, держась за живот, потому что мне кажется, что ты разрезал его, просунул руку в грудь и вырвал у меня сердце. В поисках помощи, пытаюсь дотянуться до Райли. Он тут же оказывается рядом и ловит меня прежде, чем я успеваю упасть.

— Черт, — шепчет он. — Черт! Я не хотел, чтобы ты это увидела, Эмилия. — И ты это слышишь, Мейсон. Ты поворачиваешь голову, и твои похотливые глаза встречаются с моими. Мне кажется, что мы смотрим друг на друга половину вечности. Я не могу дышать.

— Райли, я не могу дышать, — выдавливаю я, чувствуя, что сейчас умру.

— Черт, — снова шепчет он. Ты в шоке отступаешь от нее, натягиваешь штаны на бедра и смотришь на меня с ужасом в глазах, как будто только что погрузился в кошмарный сон. Я чувствую, как руки Райли держат меня, когда мои ноги подгибаются.

— Эмилия, — оцепенев, тихо говоришь ты и делаешь шаг в мою сторону.

— Не смей! Оставайся там, где стоишь, или я забью тебя до смерти! — рычит Райли, и ты останавливаешься. Ты слишком потрясен. Райли поднимает меня на руки и несет, потому что я больше не могу идти. Мои ноги больше не принадлежат телу.

— Бл*дь! — я слышу твой крик, и как что-то ломается.

Мейсон, что ты наделал?

***

Райли заносит меня в свою комнату, а не в твою. «Нас» больше нет. Он кладет меня на кровать, я дрожу всем телом. Вижу только тебя и ее, и взгляд в твоих глазах. Как ты зарылся головой в ее шею, как держал ее, как ее ноги обвивались вокруг твоих бедер, как ее пальцы впивались в твою спину. Мне так плохо, Мейсон.

— Райли, — задыхаюсь я. — Меня сейчас стошнит. — Он быстро дает мне мусорное ведро, и меня выворачивает. Но кроме вина ничего не выходит. Последние дни я почти ничего не ела. Райли держит мои волосы, и я вспоминаю, как ты держал меня за волосы, в другом мире, в другое время. После этого я обессиленно откидываюсь назад и опускаюсь на подушки. Я больше не хочу видеть эти картинки, пожалуйста...

— Бл*дь, Эмилия! — раздается крик на весь дом. — ГДЕ ТЫ? — я смотрю на Райли огромными глазами.

— Лежи здесь. Не дай Бог, ты выйдешь! *Оставайся лежать!* — твердо говорит Райли и встает. Он выходит из комнаты и закрывает за собой дверь. Я перекатываюсь на бок,

держась за живот, потому что чувствую, что меня разорвало на две части, как будто это сделал *ты*, Мейсон.

— Пусти меня к ней, немедленно! — слышу, как ты кричишь перед дверью, а потом слышится удар.

— Еще один шаг и я спущу тебя с лестницы, чтобы ты сломал себе шею! — отвечает Райли, а потом...

— Что случилось? — Китон.

Слава Богу!

Твой отец говорит:

— Черт. Отпусти его, Райли!

— Ах... Мы с Эмилией только что застукали Черри и Мейсона во время веселого полуночного траха на романтическом пляже.

— Что ты вообще делал там с Эмилией? — рычишь ты.

— Она пришла ко мне, потому что тебя рядом не было, придурок! — выплевывает он.

— Я убью тебя! — отвечаешь ты.

— Это так, Мейсон? — испуганно спрашивает твоя мать, которая проснулась от этого шума. — Как ты мог так поступить?

— Дерьмо, пустите меня к ней, или я сейчас выбью дверь. Мама, прочь с дороги!

— Если ты еще хоть раз близко подойдешь к этой девушке или еще раз причинишь ей боль, я вышвырну тебя, а не твой отец, понял, Мейсон Китон Раш? — говорит Оливия авторитетным голосом, который не терпит возражений.

— Быстро исчезни из этого дома, — слышу Китона. — Пока я до тебя не добрался, Мейсон!

Воцаряется тишина на несколько секунд, а потом ты кричишь:

— *Я люблю тебя, Эмилия!*

И это разбивает последнюю частичку, что осталась от меня.

17. Я не могу дышать без тебя, Эмилия

Эмилия

Я целый день лежу в кровати Райли, в том же положении, как и вчера, и все оставили меня в покое. Оливия пыталась принести мне что-нибудь поесть, но снова ушла, увидев, что я никак не реагирую. Я слышу, как Китон целый день ругается. Эмбер с...ней... уехали сегодня утром.

Горько спрашиваю себя, получила ли она драматичный поцелуй на прощание от Мейсона. Сегодня ты стал *им*, Мейсон. С сегодняшнего дня ты больше не часть меня.

Из-за него во мне так много злости, и мне хочется ее выплеснуть.

Я ненавижу его.

Я чувствую все то, что так хорошо вытесняла в последние годы. Гнев на всех мужчин в моей жизни, а больше всего злюсь на себя, потому что всегда ищу этих мужчин. У меня больше нет причин оставаться здесь, и это лучший повод, чтобы уйти.

Я отдала ему все, что у меня было. Этого было не так много, я знаю, но больше у меня просто не было, и, *конечно же*, этого не хватило. Для таких мужчин, как он, никогда не бывает достаточно, сколько бы ты ни отдавала себя. Они всегда хотят большего. И еще. И еще. Пока больше ничего не останется. Райли был прав.

Китон пообещал, что увезет меня сегодня отсюда. Оливия упаковывает мои вещи, а о нем ничего не слышно. Скорее всего, он уже давно наплевал на все, или уехал с ней. И в это «я люблю тебя», я не могу поверить. Тот, кто любит, не делает все то, что он сделал. Тот, кто любит, не обманывает и сопротивляется искушению, оно и так велико.

Я качаюсь вперед и назад, потому что не знаю, что делать с этой болью. Она повсюду, в моих ногах, животе, голове... Все горит в агонии. Мне бы очень хотелось зайти в море и больше не выходить, но Райли этого не допустит. Он сейчас где-то в доме, но периодически проверяет на меня. Кого-то другого я не хочу видеть. Особенно *его*.

Но, видимо, его это не интересует, потому что я слышу, как окно, которое было приоткрыто, двигается вверх. Я знаю это, даже не взглянув. Рывком поднимаюсь на кровати.

— *Уйди!*

Мейсон замирает у окна.

На нем та же одежда, что и вчера, когда он ее трахал. Те же штаны. Его волосы взлохмачены, а плечи исцарапаны. Ее красными ногтями. *Ненавижу красные ногти.*

— Дерьмо, — шепчет он и делает шаг ко мне.

— Оставайся на месте, или я закричу! — рычу я. Мое сердце грохочет, как сумасшедшее, а руки дрожат.

— Эмилия!

— Больше никогда не произноси моего имени! Даже не смотри в мою сторону, я не могу смотреть в твои глаза, Мейсон! Ты лживая, предательская свинья! — он действительно выглядит потрясенным, потому что я никогда не говорила ему ничего подобного, независимо от того, что он со мной делал.

— Послушай меня, Эмилия.

— Нет, Мейсон, — говорю я тем же тоном. Двигаюсь на кровати все дальше и дальше, потому что он приближается. Он окружает меня, как тигр, и я слежу за его движениями.

— Проклятье, что с тобой? Выслушай меня!

— Черт, нет! Я ничего не хочу от тебя слышать. Хватило того, как ты вчера стонал ее имя! — он вздрагивает и останавливается. В его глазах появляется отчаяние, но я не отступаю. — Как часто ты трахал ее, пока я одна спала в нашей постели? — не знаю, почему я решила об этом спросить.

Он молчит.

— Скажи мне, Мейсон! Как часто? Где? Как? Я хочу все знать!

— Не принуждай меня, Эмилия.

— Думаешь, что можешь причинить мне боль этим? Неужели ты думаешь, что вчера не отнял у меня все, что мне нужно, чтобы чувствовать, Мейсон Раш? Думаешь, мне станет хуже, если узнаю, в какую дыру ты ее трахал, эту маленькую рыжеволосую шлюху? — его глаза становятся больше. — Боже, ты отвратителен. Как я могла когда-то целовать или даже прикасаться к тебе?

— Эмилия, прекрати! — его глаза темнеют, и в них появляется предупреждение. Этот взгляд всегда вызывал во мне уважение, сейчас, кроме презрения, ничего не осталось.

— Ты уже трахал ее, когда говорил, что не делаешь этого? Отвечай, Мейсон, — говорю так же жестко, как обычно делал он. Если бы я была сильнее, схватила бы его за горло и прижимала к стене, пока он не ответит, но у меня нет сил. Я знаю, что после этого разговора буду опустошена, но сейчас адреналин чертовски бурлит в моей крови.

— Да, — говорит он.

— Bravo, Мейсон! *Впервые* ты смотрел мне в глаза и не врал. — С сарказмом аплодирую ему. Во мне ничего не осталось.

— Я не хотел причинять тебе боль!

Иронично усмехаюсь.

— О, отлично. У тебя прекрасно получилось. Было бы еще лучше, если бы ты оставил свой член в штанах, Мейсон. Почему? Что было у нее, чего нет у меня? Просвети, пожалуйста. — Он тяжело сглатывает, не зная, что сказать. — Это потому, что ты лишил ее девственности миллион лет назад? Или это было просто потому, что тебе нравится адреналин от измены, Мейсон? — его взгляд блекнет. — Хотя, какая разница? Теперь все равно ничего не поделаешь. Все кончено, если ты еще не понял.

— Я сказал, что все закончится тогда, когда я решу!

Я усмехаюсь.

— Ну да. Тогда попробуй помешать мне уйти. В данный момент твой отец ждет меня в машине с моими упакованными вещами, и он отвезет меня туда, где ты меня никогда не найдешь. — Я медленно встаю, чтобы он не мог приблизиться, и задом иду к двери, словно убегаю от дикого зверя.

Он сжимает губы, его взгляд становится жестче.

— Эмилия, нет!

— Плевала я на твое «нет», Мейсон Раш!

— Нет!

Я иду дальше.

— Эмилия, — в его глазах чистая паника, а дыхание учащается.

— Ты снова собираешься взорваться, Мейсон? Тогда сделай это, но только без меня! Может быть, она снова сможет утихомирить тебя. — Я открываю дверь, желая уйти прочь, но он падает прямо передо мной на колени, обхватывая мои бедра руками и прижимаясь

лбом к низу моего живота.

— Не уходи, — хрипло говорит он.

Я чувствую его горячее дыхание через майку. Боже мой, Мейсон Раш стоит передо мной на коленях. Но меня это больше не интересует.

Беру его за предплечья.

— Уже слишком поздно, — говорю я и отступаю назад.

— Эмилия, я не могу дышать без тебя! — когда он поднимает на меня взгляд, я вижу слезы в его глазах.

— А мне легче дышать без тебя, Мейсон, — тихо отвечаю я. Отступаю назад и натываюсь на кого-то. Райли.

— Пойдем, — тихо говорит он. Когда Мейсон видит, что Райли кладет мне руку на талию, чтобы проводить меня вниз, он ревет «НЕТ!». Он хочет прыгнуть вперед, но вдруг перед ним появляется Оливия. Она берет в руки его лицо, и мои глаза становятся влажными, когда я вижу это.

— Детка, успокойся, посмотри на меня. — Оливия суетливо машет нам одной рукой, чтобы мы поторопились, стоя между нами в коридоре.

— Эмилия, пожалуйста! — он звучит, как умирающий от жажды и даже не смотрит на свою мать. — Пожалуйста, детка... не уходи! — я иду с Райли по коридору. Мне стоит всех сил, чтобы не развернуться и не упасть в его объятия. — То, что я сказал вчера — это правда! Эмилия, я люблю тебя!

Я замираю, но Райли подталкивает меня в сторону ступенек, вниз, к входной двери.

Как только она за мной закрывается, слышу его отчаянный крик.

18. Потребуется целая жизнь, чтобы забыть тебя, Эмилия

Эмилия

Сидя на заднем сиденье, безэмоционально смотрю на улицу. Я онемела. Такое ощущение, что я оставила там часть себя. Там, где он сейчас. Меня разрывает от мысли о его последних словах и от того, насколько мы сломаны. Потому что, по правде говоря, я бы прямо сейчас развернулась, упала бы перед ним на колени и обнимала бы его, целовала и плакала.

Но мы в пути уже час, и Китон напряженно смотрит сквозь лобовое стекло. Он звонит Оливии каждые пятнадцать минут, чтобы спросить, все ли с ней в порядке и не потерял ли Мейсон контроль над собой. С ней все в порядке. Мейсон все еще сидит на полу в коридоре и смотрит на дверь. Она не трогает его.

Я ненавижу мысль о том, как он должен себя чувствовать сейчас. Ненавижу, что видела слезы в его глазах. Столько чувств, которых никогда не ожидала по отношению к себе, и, что хуже всего, я не могу в них поверить.

Райли тоже здесь. Наверное, он боится, что я что-то сделаю с собой, и, должна признать, его страх не беспочвенен. Я не хочу быть без него, не могу этого сделать. Вся решимость, моя уверенность в себе, все исчезло. Чем дальше мы едем, тем больше я чувствую, как пустота во мне становится все больше и пожирает меня сильнее.

Китон вернется назад, когда отвезет меня. Он говорит, что Мейсону лучше побыть вдали от города, поэтому они пробудут там еще несколько недель. Китон, наверное, не так представлял себе этот отпуск, но и я тоже. Это был мой первый отпуск, и я никогда больше не хочу другого.

Одна лишь мысль о его имени разрывает меня на части. Когда я думаю о его глазах, мне хочется выть. Все те моменты, которые мы пережили друг с другом, простреливают через мою голову. И я ненавижу, что мой мозг показывает мне только красивые вещи. Он иногда улыбался мне. Каким он мог быть нежным, когда хотел. Как гладил по моим волосам, думая, что я уже сплю. Или во время прогулки он иногда просто брал меня за руку. Когда забирался ко мне в душ, чтобы просто обнимать меня сзади. Мы оба под бурлящей водой, совсем без секса, только он и я. Когда он сидел рядом со мной на качелях в саду, и мы просто молчали на рассвете. Или когда он забрал меня из Нью-Йорка, потом вымыл и причесал. И как он смотрел на меня, как будто должен был защитить, как будто я того стоила. Мы оба на рельсах, и он обнимал меня, его пальцы на моей шее, слушал мой рассказ, совершенно не осуждая меня при этом. Наша первая встреча на том кладбище, когда я сидела под дождем у него на коленях, а он смотрел на меня так, словно я была его спасительным якорем. Как я сидела прямо здесь с Мейсоном и обнимала его, как он держал меня, когда я спала и облизывала его. И как он целовал меня в макушку, когда думал, что никто не замечает. Я все еще чувствую его аромат и его пальцы на своем теле.

Мы пережили все это только потому, что с моей помощью он хотел забыть ее? Была ли я просто заменителем чего бы то ни было? Небольшое горячее отвлечение, чтобы ему не пришлось думать о своих истинных чувствах? Это было так реально, так интенсивно и глубоко. Я думала, что его поглотило то же самое, что и меня.

Слезы тихо льются по моим щекам. Я едва это замечаю, пока Райли без слов не протягивает мне пачку салфеток, которые я принимаю и громко всхлипываю.

Но что-то хорошее, все-таки, тоже есть. Теперь у меня есть отец и мать. Останутся ли они сейчас, после того, как все закончилось?

Посмотрев вперед, замечаю, что Китон наблюдает за мной в зеркало заднего вида.

Он глубоко вздыхает.

— Так будет лучше для тебя. Когда-нибудь ты это увидишь.

— Я не могу дышать без него. Я думала, что и он без меня не может. — Мой голос хриплый, я едва его узнаю.

— Ты можешь дышать. Ты делаешь это сейчас, — говорит он. — И будешь продолжать дышать. Поначалу будет трудно, но со временем станет все легче и легче.

— Сейчас не верится в это, — отвечаю я и снова смотрю в окно, наблюдая, как другие машины мчатся мимо нас. Я завидую людям, которым не приходится чувствовать эту боль. Она такая всепоглощающая, что я начинаю закрываться от самой себя.

Так же, как и раньше, когда я была еще ребенком.

— Сейчас так не кажется, я знаю. И наверняка будет больно еще целую вечность. Но в какой-то момент все просто закончится с одного на другой день. — Я люблю Китона. Он невероятный человек, хотя иногда немного строг. Но у него доброе сердце, и этого Мейсону очень часто не хватает.

— Мой отец всегда говорил, что из меня никогда ничего не выйдет, и я окажусь в сточной канаве, откуда я родом. Он сказал, что я всегда сама виновата во всем, что происходит со мной в жизни. — Мысль о нем заставляет ярость на Мейсона утихнуть, потому что если когда-либо было большее чудовище, чем он, то это был мой отец. Я даже не желала ему быстрой смерти, которая у него была из-за рака поджелудочной железы.

— Твой отец был тем еще ублюдком, — сухо замечает он. — У человека, который так поступает с собственной плотью и кровью, проблемы с самим собой, и он в состоянии говорить только чушь. — Райли немного озадачено смотрит на меня, и я сама сбита с толку, потому что Китон, видимо, обо всем знает. Не думаю, что это Оливия ему что-то рассказала, просто Китон Раш всегда в курсе всего.

— Я ненавижу свою жизнь, — сухо бормочу я, откидывая голову на мягкую кожу.

— Райли будет с тобой рядом, пока ты не навидишь свою жизнь, — Китон говорит голосом, который не терпит возражений. — Будет присматривать за тобой. Ты не будешь связываться с Мейсоном, поняла меня, Эмилия?

Господи, одна лишь мысль о невозможности связаться с ним, когда захочется, убивает меня.

— Я хочу только лучшего для тебя. Если вы предназначены друг для друга, рано или поздно снова встретитесь. Но то, как это происходит сейчас, будет приносить вам одну лишь боль.

Он прав, я знаю, но ненавижу признавать эти слова.

— Если, все-таки, захочешь с ним связаться, скажи об этом Райли, позвони Оливии или мне. — Он настойчиво гипнотизирует меня через зеркало заднего вида. — Ты поняла меня?

Я киваю.

Да, я поняла. И мне кажется, буду делать именно так.

Пришло время нового начала без Мейсона Раш.

Мейсон

Я сижу здесь, как собака, Эмилия, и смотрю на входную дверь — голова Мисси у меня на коленях, а моя рука между ее ушами. Пол под моей задницей твердый, но я его не чувствую. Я уже давно не чувствую своего тела, и, по-моему, так даже лучше.

Снова и снова я вижу ноги моей матери, когда она проходит мимо меня, но никак не реагирую. Я не могу. Ты ушла, Эмилия, с папой и Райли. Ты просто ушла. Я сказал тебе, что люблю тебя, и ты ушла. Но я говорил правду. Черт возьми, детка, что мы наделали? Что я с тобой сделал?

Мысленно пытаюсь вернуться в тот момент, когда очнулся.

Внезапно понимаю, что это было в тот момент, когда ты стояла передо мной... а я был в другой женщине, которая потеряла вдруг всякий смысл. Она поблекла и сразу стала совсем не такой, какой я видел ее все это время. Она была одной из многих, Эмилия, и я понял это только тогда, когда увидел единственную из всех. Такую сломленную. Такую искалеченную. Задыхающуюся. Падающую в бездну, в которую я собственноручно толкнул тебя. Мои колени почти подогнулись подо мной, и я упал туда же, детка.

Эмилия, мне потребовалась ровно неделя, чтобы потерять тебя после того, как прошло столько времени, пока я завоевал тебя для меня. Потребуется целая жизнь, чтобы забыть тебя. И забвение не наступит до тех пор, пока я не сделаю свой последний вздох. Еще на проклятом смертном ложе я буду думать о тебе. О твоих голубых глазах, цвета океана, о твоих черных длинных волосах, Эмилия. Ты — богиня, ты, вообще, знаешь об этом? А я — долбаный пилигрим, который поклоняется тебе, но никогда не показывал того, что ты пробуждаешь во мне. Такое глубокое благоговение, что этого было слишком много. Поэтому я предпочел, чтобы ты была заперта, и была там только для меня. Чтобы никто не видел, как ты прекрасна, когда смеешься. Насколько уникальна, когда сидишь на качелях, потерянная в своих мыслях. Как чувственно каждое твое движение. Такая неуверенная и заслуживающая защиты, когда смотришь на меня так, как всегда, Эмилия. Ты могла бы одним взглядом ставить королевства на колени и сводить мужчин с ума. Но ты не знаешь этого. Даже не догадываешься, какую власть имеешь надо мной, Эмилия. И я трус, потому что никогда не позволял тебе этого видеть.

Я не хочу, чтобы кто-то другой видел, насколько ты особенна.

Я не хочу этого. Я не могу.

Я такой глупый маленький ублюдок, и мне жаль, что папа не выбил из меня все дерьмо, потому что он не сделает мне такого одолжения.

Я толкнул тебя, и Райли был рядом, чтобы поймать тебя. И я ненавижу себя за это, Эмилия.

Как бы я хотел сказать тебе, что это было необдуманно и глупо, одноразовое безумство. Что был пьян и не понимал, что делаю... но это будет очередная ложь, Эмилия. Потому что я точно знал, что делаю. Я так этого хотел. *Ее* хотел. Иллюзия того, что она — то, что мне на самом деле нужно. Незакомплексованная, уверенная в себе, сексуальная, чувственная и сильная. Свет, каким Райли был для тебя. Но оказалось, Эмилия, что я тупой и это не соответствует действительности. Я не люблю Черри. Может быть, когда-то любил ее. По крайней мере, я был полон тестостерона и воображал, что влюблен в нее. Просто она была

такой горячей и непохожей на всех других женщин окружающих меня. Как я мог быть таким глупым и уничтожить то, что у меня было с тобой? Такое интенсивное и реальное. Без единого слова, только через язык наших тел, как будто наши души связаны — таким образом, который невозможно увидеть глазами. Ты единственная, кто смог забраться мне под кожу, Эмилия. И тут у Черри нет никаких шансов, как бы она ни была уверена в себе.

Пожалуйста, вернись! Просто открой эту дверь и зайди в дом.

Я сделаю все, чтобы ты меня простила, Эмилия. Я не хочу чувствовать себя разорванным напополам, потому что именно так и есть без тебя.

И вдруг понимаю, что больше никогда не найду кого-то, кто подойдет мне так легко и естественно, как будто мы продолжение друг друга. Сросшился друг с другом. А теперь так жестоко разорваны, что я больше никогда не смогу исцелиться, Эмилия.

Книга 2

БЕССТРАШНЫЙ

19. Когда твои волосы были еще длинными, детка

Мейсон

Три года спустя

Я прислоняюсь к стене туалета, а проститутка, которую я привел для допроса, стоит передо мной на коленях. Она очень хорошо сосет, Эмилия. Потому что я довольно быстро кончаю в ее горло, удерживая ее голову прижатой к моему животу. Мне нравится, когда они задыхаются, Эмилия. Это не изменилось, и никогда не изменится.

Я застегиваю джинсы, а проститутка пускает слюни почти на пол, исследуя взглядом мое тело. Смотрит на белую рубашку, которую я ношу под бронежилетом ФБР, и на мой пистолет, который я засовываю обратно в кобуру. Потому что мы не хотели, чтобы произошел несчастный случай во время минета.

— Пошли, — сучая, говорю я, надевая на нее наручники. Наконец-то я могу официально пользоваться своими наручниками, Эмилия. Везде, просто так. Не думаю, что мой отец действительно осознавал, что наделал, когда назначил меня на такую могущественную должность. Он заставил меня закончить Академию ФБР и начать работать прямо у него в отделе.

Мой папа теперь мой босс, Эмилия.

Это не так весело, как кажется.

Я здесь уже полгода, и до сих пор мне поручают только дерьмовые дела. Он все еще называет меня «сраная жаба», даже перед коллегами. Они нашли это настолько забавным, что придумали игру на выпивание, из-за которой иногда являются пьяными в офис, Эмилия. Здесь все далеко не так серьезно, как ты себе представляешь. Если, конечно, это не какая-то специальная операция или большое дело, в котором все должны участвовать и концентрироваться. Я ненавижу концентрацию, Эмилия, мне гораздо проще пустить все на самотек. Но я выучил, что не должен слишком много отвлекаться на работе, потому что здесь речь идет о человеческих жизнях, а с ними не следует играть.

Сейчас у меня есть ответственность.

Я ненавижу ответственность.

Просто не люблю.

Вздыхнув, тащу шляху за собой и оставляю ее возле Майка, чтобы он мог начать допрос.

Потом направляюсь в маленькую комнатку, которую папа называет моим кабинетом. Мне кажется, раньше здесь хранили чистящие средства. Отец считает, что я не должен пользоваться привилегиями, потому что он здесь босс, а должен работать, Эмилия, чтобы когда-нибудь мог занять его место и знал, что действительно заработал его. Мне почти двадцать восемь, я не хочу работать. Кто хочет работать добровольно, Эмилия? Серьезно.

Я каждый день спрашиваю себя, как ты поживаешь, детка. То, что я вижу, когда слежу за тобой через компьютер или определяю местонахождение твоего телефона, мне недостаточно. Мне нужно знать, как у тебя дела. Последние три года это первое, о чем я думаю после того, как проснусь. Теперь ты живешь в Нью-Йорке, Эмилия. Ну конечно. Не ты не живешь с Райли. Вы друзья, и видите два раза в неделю. Как можно дружить с бывшим, с которым регулярно занималась сексом, Эмилия?

Ты живешь в студенческом общежитии, и у тебя впереди еще два семестра, прежде чем закончишь обучение. Я горжусь тобой, детка, честно. Но я ненавижу, что ты живешь этой университетской жизнью, Эмилия. Ты публикуешь что-то в *Инстаграме* каждый день. Я это вижу, и ты это знаешь. Делаешь мне назло, Эмилия?

Каждые выходные вечеринки и пьянки. Так много алкоголя не пойдет тебе на пользу.

Какие-то фотографии со шляхами, которые дерьмово выглядят возле тебя.

Ты постишь даже то, как сидишь в библиотеке и учишься, Эмилия.

И ночью в центральном парке с *кофе из Старбакса*.

Ты стала настоящей Нью-Йоркской цыпочкой, и твои волосы обрезаны до плеч. С какой стати? Ты красишься каждый день и одеваешься намного современнее и, к сожалению, откровеннее.

Кроме того, ты взяла из приюта овчарку, Эмилия. Ее зовут *Винус* (Venus), как греческую богиню, и она белая. Главное не то, что есть у меня, правда, Эмилия? Главное — противоположность.

Сижу в своей коморке и листаю твой Инстаграм, как и каждый день.

Ты, должно быть, чувствуешь себя такой свободной без меня.

На каждой фотографии ты улыбаешься, и твои глаза сияют. Ни боли, ни страха — ничего.

Ты забыла меня, Эмилия, в то время как я до сих пор сижу здесь и думаю о тебе.

И тут мне отображается, что ты загрузила новую фотографию, и я замираю.

«*Лето в Нью-Йорке*» — подписала ты, поставив рядом *сердечко*. Я ненавижу эти красные сердечки. И ты не одна на фотографии, а с парнем, Эмилия. У него голубые глаза, черные волосы, и он на две головы выше тебя. Ты смотришь на него, в то время как *он обнимает тебя сзади, положив подбородок тебе на голову* — и ты *смеешься*. Почему ты смеешься, черт возьми? Почему ты никогда не смеялась со мной так сильно, так тепло, так искренне...

Есть ссылка на него. Его зовут *Сет*.

Захожу на его страничку. О Боже, он фотограф, весь в татуировках, с твоего курса, наверное. Он выглядит дерьмово, Эмилия. Но тебе такое нравится, и у него тоже есть несколько загруженных фотографий с тобой, Эмилия. На всех ты выглядишь такой *счастливой*.

Ты притворяешься для меня, Эмилия?

Или действительно счастлива без меня?

Я не из тех мужчин, которые хотят видеть тебя счастливой. Без меня. Ненавижу, когда ты счастлива без меня. Меня убивает, что ты нашла кого-то, кто достоин того, чтобы ты его *опубликовала* в сетях.

Как это часто бывает, мой палец парит над твоим именем в телефонной книге, прямо над этой знаменитой зеленой кнопкой. Вообще-то, он ежедневно над ней парит, но я никогда ее по-настоящему не касался, Эмилия. Последний раз, когда я разговаривал с тобой, это было в том чертовом пляжном доме в Вирджиния-Бич.

Я ненавижу Вирджинию-Бич.

— Что ты там делаешь? — рывкают позади меня, и я испуганно разворачиваюсь на стуле.

— Черт, папа! Тебе всегда нужно так подкрадываться? Стучись! — приоткрытая дверь хлопает о мой стол, Эмилия, потому что здесь немного тесно. Особенно когда входит мой

отец. Это нехорошо. Еще хуже, когда он выглядит таким злым, как сейчас.

— Мейсон, сколько еще можно повторять? Проституток, которых ты задерживаешь, нельзя трахать!

— Но она сама хотела, пап. Я ее не заставлял, — говорю я и вспоминаю, как махал ей своим значком ФБР перед лицом, чтобы она мне отсосала.

— Это злоупотребление полномочиями, за такое можно загреметь в тюрьму!

— Только если она напишет заявление, но этого никто не сделает, пап. Никогда. Последняя предлагала мне деньги, чтобы мы повторили.

Он раздраженно стонет и трет слегка поседевшие виски.

— Шевели задницей, Мейсон, у нас совещание. Ты подготовил отчеты? — монотонно спрашивает он.

— Эмм, нет?

— Мейсон, у тебя было *четыре* дня.

— У меня были важные дела, пап, — отвечаю я и поднимаю руки в защитном жесте.

Он сжимает переносицу и орет:

— Родригес, ваш отчет, быстро!

Потом выходит из комнаты, и я закрываю телефонную книгу.

А вот и ты, детка.

На моей заставке. Смотришь на меня с маленькой улыбкой. Лежишь на боку на моей кровати, обнаженная, натянув одеяло до груди. Моя татуированная рука лежит на твоих волосах.

Это было, когда твои волосы были еще длинными, и ты меня любила.

И, проклятье, мне хотелось бы вернуться туда.

20. Ох, дерьмо, Мейсон

Эмилия

Солнце опалает мою кожу, когда я выхожу на типичный Нью — Йоркский балкон и вдыхаю пропахший выхлопными газами воздух. На мне надета только футболка Сета, но даже в ней слишком жарко. Сейчас всего лишь семь утра, но так жарко и светло, как будто уже полдень. Сет еще лежит наверху на огромном матрасе в своей открытой галерее. Сегодня ночью я изрядно его вымотала, да и он меня тоже.

Нам скоро нужно быть в университете, но мы почти не спали, и я подумываю остаться здесь, с ним, в его ателье с балками на крыше и косыми потолками. С наслаждением потягиваюсь, издавая при этом визгливый звук. Венера тут же приходит посмотреть, что происходит, и я глажу ее, говоря, что все хорошо. Я опираюсь на перила и наблюдаю за множеством желтых такси и сердитыми жителями Нью-Йорка, как они пробираются через трафик. Там шумно и полно крыс, но мне все равно.

Тогда, три года назад, я уехала с Райли в Нью-Йорк. Китон занялся переоформлением моей учебы, чтобы мне больше не нужно было находиться в Чикаго. Поначалу мы с Райли жили вместе — чисто платонически, — но после одной разрушительной ночи он сказал, что не сможет снова пережить ту боль, от потери меня. Я не хотела усложнять ему жизнь и переехала в студенческое общежитие. Это была бы идеальная возможность забыть Мейсона, но совершенно несправедливо по отношению к Райли, потому что без него я никогда не отважилась бы на этот шаг. И не выдержала бы. Райли нес меня через критическое время так же уверенно, как огромный пароход в открытом море в шторм.

Иногда было действительно критично.

Но я больше не хочу об этом вспоминать. Все уже прошло, давно прошло.

Сзади меня обнимают две татуированные сильные руки. Я чувствую его запах прежде, чем вижу. Он так хорошо пахнет, и у меня немного покалывает в животе.

— Привет, — шепчет он мне в ухо сонным, хриплым голосом. Я, улыбаясь, закрываю глаза и прислоняюсь к нему.

— Привет. — Я широко улыбаюсь, потому что вспоминаю о том, что мы делали прошлой ночью, и немного краснею. Кончики пальцев Сета скользят под мою футболку по животу. От этого мурашки бегут по коже. До сих пор такое мог вызвать только один человек, но о *нем* я больше не думаю. Я не могу, потому что иначе меня разорвет на части.

— Пойдем в душ, — говорит Сет не требовательно, но и не совсем с просьбой. Я с любовью следую за ним, когда он берет меня за руку и втягивает в душевую. С ним я не чувствую, что он тащит меня прямо в темноту. В отличие от *него*.

***

Мы не поедем в университет, потому что оба слишком вымотаны. Вместо этого купили себе кофе и пошли гулять с Венерой в Центральном парке. Сегодня теплый день, на мне только джинсовые шорты с высокой талией и белый топ, который я заправила за пояс. Сет надел свободные шорты и облегающую футболку, которая демонстрирует его татуировки — и взгляды женщин, как всегда, следуют за ним. Но меня это не волнует, потому что я знаю,

что он любит меня.

Полгода назад я врезалась в его машину на университетской стоянке. Так мы познакомились. Он использовал номер, который я ему дала, не для того, чтобы требовать с меня денег, а для того, чтобы пойти со мной выпить кофе в качестве компенсации. Вообще-то я больше так не делаю. В смысле, пить с кем-то кофе, отношения, и тому подобное, что вызывает сердечную боль, но с Сетом я сделала это, потому что он был таким милым и сексуальным. Вообще-то, я просто хотела секс на одну ночь, но он не отпустил меня. И, должна сказать, мы действительно хорошо подходим друг другу. Не только внешне, но и в постели. Я больше не делаю того, что делала с *ним*. Больше не попадаю в зависимость. Мне больше не нужна боль, потому что я простила себя. В группе поддержки, в которую регулярно ходила в течение года, я поделилась своим переживанием с другими — с незнакомыми людьми — и поняла, что не одинока. И что я не виновата в том, что делал со мной тогда отец. Что я имею право на нормальную жизнь и на то, чтобы со мной хорошо обращались. Понадобилось большое количество слез, пота и бессонных ночей, чтобы все это понять. Больше года я страдала, Райли всегда был рядом со мной. Но теперь — три года спустя — я чувствую себя свободной, как никогда. Я нашла новых друзей, частично в группе, частично в университете. И снова общаюсь со своей прежней соседкой и лучшей подругой Бриджит.

Я встречаюсь с самым горячим парнем в кампусе и читаю так много, что половина моих денег уходит на книги, которые имеют много общего не с университетом, а — с глубокой любовью и кровавым ужасом.

Китон регулярно звонит мне, чтобы проверить, что со мной все в порядке. Он присылает мне раз в месяц деньги, которые я совсем не хочу. Но он чувствует себя ответственным за меня, как отец, и я позволяю ему участвовать во всем в моей жизни, как отцу. Также я время от времени разговариваю с Оливией, но мы никогда не обсуждаем *его*. Хотя, конечно же, у меня всегда чешется язык спросить, как у него дела. Но я запретила себе. А также запретила себе следить за ним в интернете. Потому что видеть, как он смеется без меня, разбило бы мне сердце. Даже сейчас.

Да, я люблю его. Какая-то часть меня всегда будет любить его, но уже не так всепоглощающе и без остатка. Эта частичка маленькая, и я держу ее под контролем.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Сет, обнимая меня за плечи. Мне нравится чувствовать тяжесть его мускулов на себе. Венера не на поводке и убегает от нас ловить бабочек.

— Если честно, о бывшем, — говорю ему. Я не вру, зачем? Если хочу быть честна сама с собой, мне нужно говорить и другим правду. Особенно Сету. Конечно, у меня есть несколько секретов от него, но у кого их нет?

— Ага? — он поднимает одну бровь вверх. — Почему?

Я легонько толкаю его плечом.

— Не ревнуй! Это было три года назад.

— Это тот, чье имя нельзя называть?

— Да. И все закончилось ужасно, поэтому у меня нет причин думать о нем что-то хорошее, понятно? Он разбил мне сердце.

— Хочешь, я убью его? — сухо спрашивает он. Я останавливаюсь, беру его за руки и смотрю вверх.

— Я дам тебе знать, когда это нужно будет сделать, но не сейчас. — При этом

поднимаюсь на носочки и целую его.

Раньше я не могла острить или отвечать с юмором, потому что была неуверенна в себе. Но сейчас мне нравится смотреть на мир другими глазами.

Так хорошо.

И никто не сможет у меня это забрать.

Сет зажимает мой подбородок между пальцами и углубляет поцелуй, когда я хочу отклониться. Его рука скользит на мою шею, потом он прислоняется лбом к моему и спрашивает:

— Почему я так сильно схожу от тебя с ума?

Я отклоняю голову назад, потому что есть только один человек, с которым я разделяла эту интимность.

— Нууу, наверное, потому что я классная!

Он смеется, шлепает меня по попе, и мы идем, держась за руки, дальше.

Все немножко идеально.

***

Сет готовится к предстоящему экзамену, а я лежу голая в его постели наверху в галерее и курю сигарету. Натянув одеяло до груди, смотрю вниз на его спину. На его обнаженную спину, кожу которой украшают татуировки. У него широкие плечи, он опустил голову, чтобы лучше видеть текст на своем ноутбуке, и, словно почувствовав, что я смотрю на него, поворачивает ко мне голову и говорит:

— Не смотри на меня так, иначе я поднимусь, детка.

Я дерзко улыбаюсь.

— А, может, я хочу этого, *детка*? — при этом высовываю обнаженную ногу из-под одеяла.

— Ты провоцируешь меня?

Закусываю нижнюю губу, гадая, может быть, я нашла второго Мейсона в смягченном варианте, но быстро отбрасываю эту мысль. Сет никогда бы не сделал того, что сделал *он*.

— Лежи там, я присоединюсь через тридцать минут, а теперь перестань меня соблазнять, нимфа, — серьезно просит он. Я смеюсь и поворачиваюсь, чтобы дотянуться к пепельнице, чтобы выбросить окурок. Да, я курю с недавних пор. Ладно, уже три года, но только потому, что не могла забыть Мейсона, и боль так сильно терзала меня, что я нуждалась в чем-то, что напоминает мне о нем. Запах сигарет был, пожалуй, самым знакомым. Я помню, как он прижимал губы к фильтру и сигарета тлела красным, когда он затягивался, и всегда пускал дым мне в лицо, хотя я ненавидела это. Но я даже глазом не моргала и не говорила, чтобы он прекратил. Сегодня я бы сделала это. Сегодня я бы многое сделала по-другому.

Черт, сейчас я нарушила свое трехминутное правило. В какой-то момент я установила себе особое правило. Чтобы было легче забыть его, я решила думать о нем не больше, чем по три минуты ежедневно. А сейчас их было, по меньшей мере, пять. Чтобы отвлечься, я, закатив глаза, беру телефон и открываю *инстаграм*. Уведомление о новом комментарии. Конечно, опять Бриджит, которая пишет какую-то ерунду.

Но это не Бриджит.

Под фотографией, которую я запостила последней, первая фотография с Сетом и

подписью «Лето в Нью-Йорке», стоит «Зима в Чикаго». От Мейсона К. Раиш.

Я замираю на месте с телефоном в руке, в то время как мое сердце грохочет, как сумасшедшее, поднимаясь в горло, в голову. До тех пор, пока я уже могу дышать. Прежде, чем могу остановиться, кликаю на его фото, которое ведет меня на его профиль, который я так долго избегала.

Вот и они.

Все фотографии.

Я замечаю, что совершенно забыла, какой он горячий и красивый.

Сейчас он даже горячее, чем тогда, а это уже что-то значит.

Он выглядит шире и еще мужественнее. Как будто такое вообще возможно. Он до сих пор не особо любит футболки, а татуировок на его теле стало еще больше. Я сглатываю.

Он работает в ФБР с Китонем, потому что на двух фотографиях он одет в униформу и очки.

— Ох, черт, — шепчу я и продолжаю листать, глаза так широко распахнуты, что начинают гореть. На одном снимке он сидит боком, смотрит на пол, с сигаретой в уголке рта. Затем появляется фотография, на которой он тренируется и делает подтягивания, при этом все его мышцы напряжены. Вот дерьмо! Фото собрало более тысячи лайков. Если бы я все еще была с ним, заставила бы его стереть ее, и, самое позднее, *сейчас* взорвалась бы. Также есть фотографии Мисси. На одной она одета в его солнцезащитные очки и кепку ФБР. Она выглядит такой милой, и мое сердце кровотоцит.

При этом я глажу Венеру, которая лежит рядом со мной на кровати, крепче сжимая ее шерсть, как будто она в этом нуждается. Или я.

Вот фотографии с *вечеринок*.

Столы заставлены самым дорогим шампанским и виски.

«Сегодня мы отрываемся» написано внизу.

Чем дальше я листаю, тем развратнее фотографии.

Он взял себя в руки примерно полгода назад.

До этого фотографии доводят меня до белого каления.

Его рука на обнаженном *женском бедре* — в машине.

Он сфотографирован со спины, одет в одни лишь шорты... а перед ним на бортике сидит блондинка в купальнике, опустив ноги в воду.

Стол, покер, карты. Закат над Чикаго. И как он прислоняется к своему мустангу. Его фото с какой-то шлюхой в джакузи.

Фотография, где он под кайфом сидит в своем кресле, окутанный дымом. Это тот Мейсон, которого я знаю.

Листаю дальше.

Фотография, где он на диване с Мисси на какой-то вечеринке.

Снимок, где он смеется, по-настоящему смеется. Это ее заслуга?

Фотография на террасе в домике на море, снятая со стороны. Волосы растрепаны, руки опираются на перила, взгляд устремлен на море. Ей три года. О Боже, это наверняка сделала *она*. Может быть, после этого она вернулась, и они вместе закончили свой отпуск в пляжном домике?

Мне нужно убрать телефон, потому что в моей груди завязывается узел, который сжимается все сильнее и сильнее до тех пор, пока я не перестану дышать.

— Бл*дь! — ругаюсь и падаю назад, закрываю глаза и прикрываю лицо рукой. Зачем я это сделала? Зачем посмотрела?

Это почти так же, как если бы я была алкоголичкой в завязке и вошла прямо в ликеро-водочный магазин. Телефон в моей руке вибрирует, и я вздрагиваю. Входящее сообщение с незнакомого номера, и еще до того, как открываю его, знаю, что оно от *него*.

«Как ты, Эмилия?»

Мое сердце падает на несколько этажей ниже, когда смотрю на эти слова. Мне кажется, что я слышу его голос, как он произносит мое имя, когда вижу его фотографию профиля в *WhatsApp*. Это Мисси в солнцезащитных очках.

Откуда у него мой номер? И почему он пишет именно сейчас, как будто чувствуя, что я о нем думаю?

Он сошел с ума.

Снова.

Не ответив, кидаю его в черный список, отбрасываю телефон в сторону и зарываюсь с Венерой под одеяло.

Бл*дь!

21. Ты кинула меня в черный список, Эмилия

Мейсон

Ты кинула меня в черный список, Эмилия.

Мне это не нравится.

Ты действительно не хочешь слышать, что я хочу тебе сказать, детка?

Раздраженно фыркаю и откидываюсь назад. Папа заставляет меня работать *внеурочно*.

Он сейчас тоже в своем офисе, контролирует, остаюсь ли я на дополнительные часы, Эмилия. Вот *зачем*?

Я не мог сегодня совладать с собой, просто должен был тебе написать. И что делаешь ты, маленькая самодостаточная штучка? Заносишь меня в черный список, Эмилия. Мне действительно это не нравится.

И что нам теперь делать?

Как только увидел тебя с этим новым выскочкой Сетом, мне стало ясно, что я должен вернуть тебя. Обязан, и плевать, что скажут мои родители. Три года я держался подальше, но все равно думал о тебе каждый раз, когда кончал в очередную киску. Сейчас *я хочу тебя*. Настоящую. Живую. Кричащую. Подо мной.

Я не хочу, чтобы этот *Сет* целовал твои губы или смотрел в твои глаза, Эмилия. Каждые десять секунд обновляю твой профиль, потому что схожу с ума, Эмилия. Почему ты заблокировала меня? Но в инстаграме ты этого не сделала, потому что хочешь, чтобы я видел, что происходит в твоей жизни, чтобы лопнул от ревности. Это значит, что у меня еще есть шанс, потому что ты не забыла меня, иначе, зачем тебе заставлять меня ревновать?

Почему ты кинула меня в черный список?

Можно было просто нормально ответить мне, или ты все еще злишься из-за *Черри*? Мне плевать на нее. Черри еще раз попыталась подкатить ко мне, но я ее отшил. Из-за нее ты ушла. Она сука, которая расчетливо соблазнила меня. Потому что знала, какой я. Она знала, что ты со мной. Но ей было все равно, когда я засунул его в нее.

Ты кинула меня в черный список и четыре минуты спустя загрузила новую фотографию, Эмилия.

И мне это не нравится.

Ты лежишь в постели с этим мудаком — обнаженная. Я знаю это, даже несмотря на то, что одеяло натянуто на твою грудь, а ты прижимаешься к его голой груди. Он закатывает глаза, а ты улыбаешься в камеру так широко, что видно твои маленькие идеальные зубки. Он обхватывает тебя обеими руками, как будто владеет тобой, как будто ты его *собственность*. Но это не так, Эмилия. Я ведь говорил тебе, что ты будешь принадлежать мне до тех пор, пока я не решу иначе? Даже несмотря на то, что последние три года от меня не было ничего слышно, ты все равно всегда была моей. А теперь пришло время и тебе это уяснить.

Вообще-то я думал, что мы поняли друг друга.

Я же сказал, не *ты* это закончишь, детка.

Поэтому я открываю программу, с помощью которой мы проверяем людей, и ввожу твое имя. Не потребовалось много времени, чтобы получить четыреста пятьдесят два результата. Я ограничиваю свои поиски Нью-Йорком. Там живет двадцать одна Эмилия Салливан, и одна из них ты.

Решено, Эмилия, я еду в Нью-Йорк. Скоро, в полной боевой готовности.

***

Эмилия

Ночь ясная, море тихо шумит, и, как ни странно, чайки летают над нашими головами, хотя уже так поздно. Мы с Райли бежим по пляжу. Под моими босыми ногами мягкий песок.

— *Детка, ты должна бежать. Беги! — кричит мне Райли.*

Непонимающе смотрю на него.

— *Почему?*

— *Потому что он хочет тебя уничтожить, Эмилия. Ты до сих пор этого не поняла?*

Позади меня раздаётся стон, и я сразу узнаю, кто это.

Черри.

Я разворачиваюсь и вижу вас.

Тебя и Черри.

Твои штаны опущены, ее ногти впиваются в твои плечи, ты зарылся лицом в ее шею.

Ты стонешь ее имя и смотришь на меня, Мейсон.

Когда ты улыбаешься, я разлетаюсь на куски.

— Ээээй! — слышу я рядом с собой. — Ты снова слишком много занималась сексом сегодня? — спрашивает Бриджит, и я съеживаюсь. — Ты так дерьмово выглядишь сегодня, Эмилия, честное слово. А еще ты обслюнявилась!

Дерьмо!

Быстро вытираю губы и мотаю головой. Блин, я уснула посреди лекции, оперевшись на кулак. Открыв рот. Надеюсь, я не храпела.

Сет говорит, что я храплю. Но это вряд ли, потому что если так, Бриджит давно бы мне об этом сказала.

— Блин, я просто сильно устала, — шепчу я. Она тянет за свой золотистый локон и тот подпрыгивает вверх.

— Я бы тоже была постоянно уставшая, если бы у меня был такой же горячий парень в постели, — шепчет она и хихикает. У Бриджит всегда хорошее настроение, она — солнышко. Такой же была и в детстве. Это она заставляла меня забытья во времена плохих дней и всегда заставляла меня улыбаться, несмотря на то, как плохо мне было или насколько сильно болело мое тело. Это была еще одна причина, почему я ее отыскала после того, как вернулась в Нью-Йорк.

У нее голубые глаза, светлые кудряшки и лицо ангела. Мне кажется, она бы хорошо подошла бы Райли. Уже около года я пытаюсь их свести, но Райли всегда отказывается. Я знаю, что это связано со мной. Поэтому он до сих пор один. Но я все равно это сделаю.

Я поправляю свой белый шифоновый топ, потому что лямка съехала с плеча, и провожу рукой по ненакрашенному лицу. Давно я не выглядела такой разбитой, как сегодня. Впервые за два года не спала всю ночь. Тьма хочет вернуться в мою жизнь, и я должна постараться как-то избежать ее. Но это не так-то просто. Этого сна у меня не было целую вечность, и, хотя это было так давно, даже сейчас все сжимается в моем желудке. Образы все так же

ясны, как будто это было вчера. Мне обязательно нужно встретиться с доктором Дэниелсом, потому что я снова слишком отчетливо чувствую эту потерю в груди. Его опять стало слишком много, и это меня пугает. Впервые за долгое время я снова испугалась, едва его имя появилось на моем дисплее.

Сегодня вечером я встречаюсь с Сетом и его родителями за ужином в одном из модных нью-йоркских хипстерских ресторанов. Я должна сыграть прилежную невестку. Это мне слишком хорошо знакомо. К счастью, у Сета не брат, а сестра, поэтому повторения опасаться не стоит.

Сет родом из очень состоятельной семьи — это тоже мне знакомо. Мой терапевт доктор Дэниелс — он, кстати, ПКХТ: папочка, которого хочется трахнуть, но только внешне — сказал, что у меня отцовский комплекс, что объясняет, почему он мне нравится, хотя ему уже сорок три, и у нас с ним даже что-то было. До Сета. По его словам, я постоянно создаю ситуации, которые знаю и которые мне знакомы, потому что тогда я чувствую себя в безопасности. То есть, новые люди — старая история. Вообще-то я думала, что с Сетом начну все сначала — жизнь с нового листа, но чем больше думаю о Мейсоне Раше, тем больше замечаю сходство. Он — смесь Райли и Мейсона, что еще более типично.

«*Черт возьми, Эмилия*», — я слышу голос Мейсона у себя в голове и хочу удариться лбом о стол. Снова начинается: я схожу с ума, я его слышу.

«*Детка, — говорит он в своем стиле плохого парня. — Если ты не перестанешь думать о других мужчинах, которые тебе в отцы годятся, я привяжу тебя к своей кровати, и там ты останешься на весь день, Эмилия*».

— Проклятье, — шепчу я, и Бриджит удивленно смотрит на меня. Это не может сейчас происходить, я же была на правильном пути. Обреченно провожу руками по лицу.

Супер!

«*Я тоже так думаю*», — говорит Мейсон и улыбается.

***

На следующее утро я все еще уставшая. Мы провели весь вечер в ресторане с родителями Сета, разговаривая о пальмовом масле и вырубке тропических лесов. Сету было так же скучно, как и мне, потому что он играл под столом между моими бедрами.

Господи, этот парень сумасшедший.

«*Ну как, детка, ты что-то замечаешь?* — спрашивает Мейсон в моей голове, валяясь на огромной черной кровати, с небрежно зажатой между пальцами сигаретой. — *Ты всегда будешь искать то, что могу предложить тебе я, но никогда не будет так хорошо, как было со мной, Эмилия...*»

— Эй, детка! — Сет вырывает меня из мыслей, и я вздрагиваю.

— Да?

— Я спросил, будешь ли ты латте с карамелью?

«*Я тебе сейчас дам латте, ушлепок*», — рычит мой внутренний Мейсон. Я качаю головой, чтобы прогнать его. Господи!

Сет такой же уставший, потому что я всю ночь не давала ему спать, выплескивая на нем свой стресс. Физически.

Теперь я так делаю.

Трахаюсь как Мейсон — и мужчинам это нравится.

Мейсону это бы понравилось больше всех, но он больше никогда не сможет насладиться моей киской.

«Ты сама в это не веришь, Эмилия. Если я захочу твою киску, я ее возьму, Эмилия», — говорит Мейсон и выдыхает дым в мой мозг.

Тяжело вздыхаю и шиплю:

— Вон из моей головы!

— Что? — сонно спрашивает Сет.

— Да-да, латте с карамелью, пожалуйста! — мотаю головой. — Господи, я просто устала.

Сет идет ко мне. Я все еще лежу на диване и пытаюсь проснуться. Он ставит передо мной чашку, хватая одной рукой мое лицо, так что мои щеки немного сжимаются, и говорит:

— Приятно знать, что я тоже могу затрахать тебя до изнеможения, детка! — я слегка вздрагиваю.

«Нет, Эмилия, мы совершенно не похожи, твой новый хахаль и я», — говорит Мейсон, поднимая брови.

Сет коротко целует меня и уходит делать кофе себе, в то время как я, вздохнув, опускаюсь на подушки и думаю: *«Проклятье, Мейсон!»*

22. Терапия у доктора Дэниелса, Мейсон

Эмилия

В два часа дня я прощаюсь с Сетом. Он идет на еще одну лекцию, которая проходит сегодня после обеда, а я еду на такси к доктору Дэниелсу. Китон даже купил мне машину, но я редко на ней езжу, потому что после ДТП с Сетом я боюсь сломать еще что-либо и Нью-Йоркское движение сводит меня с ума.

Сейчас машина стоит в студенческом гараже, который я снимаю, и я там практически не появляюсь. Всегда нахожусь у Сета. Потому что в общежитиях *общие души*, а это противно.

По пути к доктору Дэниелсу звоню Китону. Он берет трубку после первого гудка.

— Эмилия? — говорит он. Я люблю слышать этот голос. Он напоминает мне голос Мейсона и в то же время вызывает чувство доверия в моей груди.

— Привет, — тихо и осторожно отвечаю я.

— Что случилось, Эмилия? — сразу же спрашивает он. Когда мы созваниваемся, он звучит практически так же, как будто разговаривает с Мейсоном. А это значит, что я стала частью семьи.

— Ты сейчас работаешь, я мешаю? — отвечаю вопросом на вопрос и слышу, как закрывается дверь.

— Ты никогда не мешаешь.

— Ладно.

— Сраная жаба должна тоже периодически что-то делать, — шипит он. Я пытаюсь это игнорировать, но прекрасно понимаю, кого он имеет в виду. Как только представляю, что Мейсон, возможно, прямо сейчас находится в нескольких шагах от своего отца, во мне все сжимается.

— Ну... Я еду к доктору Дэниелсу, — осторожно говорю я.

— Эмилия... — Китон ненавидит, когда ходят вокруг да около. — Что случилось? — он звучит немного уставшим.

— У тебя все в порядке? — для начала спрашиваю я.

Его «ну да» звучит как угодно, но не в порядке.

— Что с тобой, Эмилия? — допытывается он. — И почему ты снова едешь к этому придурку доктору Дэниелсу? — я краснею до кончиков ушей. — Ты же знаешь, что я знаю, что...

— Да, я знаю! — перебивая, восклицаю я. Господи, такое ощущение, что я действительно разговариваю со своим отцом. Медленно у меня повышается пульс.

— Ну так, пожалуйста, постарайся держать свои ноги вместе, когда к нему приедешь, Эмилия!

— Да, хорошо! Я не поэтому тебе звонила! — раздраженно говорю я и получаю такой же взгляд от водителя такси, пакистанской национальности.

— Извините, — быстро бормочу я. — В общем, я снова еду к доктору Дэниелсу, потому что дневники больше не помогают. Он снова в моей голове, и он мне *написал*.

— Вот говнюк! — грохочет он. — Я же ему строго-настрого запретил это делать, Эмилия.

— Ты ведь знаешь, как он относится к запретам! Сейчас все вернулось, и я сбита с толку, поэтому мне нужен...

— Очередной засранец, конечно же.

— Я звонила тебе не для того, чтобы ты упрекал меня, па... эээ... Китон.

Я практически чувствую его улыбку.

— Хочешь приехать к нам на пару дней, чтобы отвлечься? Его здесь не будет, я позабочусь об этом. А ты могла бы с Оливией заняться девчачьими делами и немного расслабиться. Ты можешь взять своего нового говнюка с собой. Но при мне с ним не крутить шашни. Мне это не нравится, Эмилия.

— Вот же блин... — бормочу я. — Ладно, почему нет. Но только если его, *пожалуйста*, на самом деле не будет. Ты знаешь, что произойдет, когда мы снова увидимся.

— О, да. Я не против этого избежать!

— Эй, есть еще кое-что.

— Что именно? — спрашивает он.

— Ну... Эмм... Когда я приеду к вам с моим парнем... — я снова краснею, как помидор.

— Что потом, Эмилия? — спрашивает Китон.

— Вы могли бы вести себя так, будто и есть настоящие родители? Потому что... он как-то спросил меня о родителях, а я сразу подумала о вас. А потом просто сказала: «*Они живут в Чикаго*», и он поверил. Ну, а сейчас все как-то глупо.

Китон смеется, а обычно он смеется только когда речь идет об Оливии. Я люблю это.

— Думаю, все получится!

— Кстати... я возьму мою собаку с собой.

— Как хочешь, Эмилия, у нас достаточно места. Тем более Мисси все равно у... *него*.

— Хорошо, — тихо говорю я.

— Хорошо, значит, до встречи через неделю? Я скажу Оливии.

— Я позвоню, когда выеду.

Я кладу трубку и улыбаюсь. Я люблю Китона Джона Раш.

***

Доктор Дэниелс слегка озлобленно сверлит меня взглядом. Но какой мужчина в моей жизни не смотрит на меня со злостью?

Я не давала о себе знать на протяжении четырех месяцев, а сейчас сижу на приеме, и поэтому другие пациенты вынуждены ждать.

— Привет, — едва слышно говорю я. Он до сих пор зол. — Мне жаль. Появился Сет, он предложил мне встречаться, после двух месяцев раздумий я как-то сказала «да», и, скорее всего, именно поэтому пропустила все часы терапии, потому что не знала, как правильно поступить, доктор Дэниелс.

«*Ох, Эмилия*», — вздыхает Мейсон во мне, поедая виноград.

Доктор Дэниелс качает головой, но слегка улыбается. Он всегда говорит так, будто накурен, но он совершенно не курит, просто крайне расслаблен.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Эмилия Салливан? Как только ты поняла, как много в тебе есть и насколько ты замечательная женщина, ты везде ищешь тому подтверждение.

— Дааа? — тяну я, почесывая затылок.

— Но так не пойдет. У других людей тоже есть чувства. — Он многозначительно смотрит на меня поверх оправы своих модных очков. Это ПКХТ-взгляд — папочка-скоро-надерет-тебе-адницу-взгляд, и я нервно ерзаю на сиденье, потому что он так пристально смотрит на меня своими серо-голубыми глазами.

Бл*дь, у меня действительно проблема.

Мейсон-проблема.

Слишком много сладких фруктов свисают с дерева, и я хочу их все.

Все, кроме вишен (Cherry — вишня, англ.) — их я ненавижу. И с тех пор, как он написал мне, я сбита с толку.

— У меня появился парень, как ты знаешь.

— Ага.

— И он правда замечательный.

— Ага.

— Я имею в виду, он делает мне латте с карамелью и я действительно... в общем, я так благодарна, что нашла свое «Я», но мне кажется, *Мейсон* вернулся.

Сейчас он не выглядит скучающим.

— Что, прости?

— Ну... Он мне написал, я его заблокировала. Потом посмотрела его фотографии, а потом у меня появилось странное чувство в животе. Сейчас он лежит в моей голове на черных простынях, ест виноград и разговаривает со мной. Кроме того, мне вчера снова снился тот сон. — *«И я уже тысячу раз запрещаю тебе видеть этот сон, Эмилия!»* — взбешенно говорит Мейсон в моей голове.

Я распахиваю глаза.

— Видишь, он снова здесь!

— Что он говорит?

— Что я должна прекратить видеть этот сон, потому что он мне его запретил.

Доктор Дэниелс какое-то время смотрит на меня. Я не могу выдержать его взгляд и начинаю нервничать.

— Ну... возможно, ты переступила черту и нуждаешься в нем, чтобы он снова упорядочил твою жизнь. Потому что до сих пор он был единственным, кто командовал тобой. — *«О, да, детка, именно это я и делал»*, — мой Мейсон в голове бросает виноградинку в рот.

— Я не хочу ни слышать, ни видеть его!

— Ты не можешь спрятаться от своих проблем, Эмилия. Даже при помощи секса. Ты просто закрываешь их у себя в голове.

— Возможно, я только и занимаюсь сексом, потому что он доставляет удовольствие, — отвечаю я.

— Ты уверена?

Смотрю в окно и пожимаю плечами.

— Что ты чувствуешь, когда спишь с мужчиной, Эмилия?

— Мы уже обсуждали это, я тебе даже *показывала!*

— Об этом мы не должны разговаривать, иначе тебе нельзя будет ко мне приходить. — Я беспокоюсь провожу по ключице вниз к грудной клетке, потому что все еще чувствую его щетину, царапающую мою кожу. Он следит за каждым моим движением и, конечно же, замечает, что я нервничаю.

— Я чувствую себя такой... желанной, как королева. Как будто у меня есть власть, хотя бы над этим, потому что не могу контролировать свои чувства... Я знаю.

— И как ты чувствуешь себя после секса? — тихо спрашивает он.

«Ох, Эмилия, не делай этого!» И такое ощущение, будто я именно поэтому всегда так и делаю. Потому что он так озлобленно смотрит на меня и потому что мне его чертовски не хватает. Проклятье.

«Господи, Мейсон, уйди прочь из моей головы!» — мысленно рычу я.

— Когда как... После секса с Сетом я чувствую себя хорошо. После секса с другими мужчинами чувствую себя дерьмово. Вот почему я этого хочу. Потому что всегда чувствовала себя с ним дерьмово. Потому что он *трахал* меня, а не я его. Потому что он *использовал* меня. Потому что он выплескивал на меня всю свою агрессию. Потому что ему было все равно, как я себя при этом чувствую, и потому что он *наказывал* меня. Иногда мне это все еще нужно. — Развожу руками. — Даже если я простила себя, за все, что произошло.

«Ты такая маленькая сучка, Эмилия», — рычит он в моей голове. Я самодовольно улыбаюсь и отвечаю: «*Попробуй меня остановить*».

Доктор Дэниелс прекрасно знает, чего я от него хочу. Он очень похож на Мейсона, даже если Сет выглядит, как он. У него крупное тело и отличная фигура. Его волосы черные, а зеленые глаза обрамлены небольшими морщинками, губы очень красивые и чувственные. Он настоящий мужчина, властный, еще и разбирается в моей психике. Все это довольно сексуально.

Я вздыхаю. Конечно, я знаю, что есть еще Сет. И действительно чувствую себя паршиво, что вообще так думаю о докторе Дэниелсе.

«Ты ищешь ситуации, которые тебе знакомы, потому что можешь контролировать их и чувствовать себя в безопасности. Новое пугает», — пронеслись в голове слова одного из наших сеансов, и я знаю, что это правда, потому что сейчас делаю это снова. Я делаю то, что делала с Мейсоном и Райли. Изменять. Почувствовать адреналин. И даже если моя жизнь и личность так сильно изменились, и я чувствую себя свободной, Мейсон все еще держит мою душу и сердце в цепях. Я стала более уверенной в себе, вижу мир более позитивным, я счастлива и чувствую себя комфортно в своем теле. Но все же во мне чего-то не хватает, что я пытаюсь заполнить. До Сета у меня постоянно был секс на одну ночь, потому что я не знала, куда деваться от моего обретенного сознания того, какая я потрясающая женщина, и мне просто нужно было это чувствовать. Я должна была почувствовать, что жива и желанна. В этом доктор Дэниелс тоже прав. Мне трудно было начать что-то серьезное с Сетом, поэтому ему потребовалось два месяца, чтобы *завоевать* меня. Даже сейчас я снова чувствую себя беспокойно, внутренне взбудораженной. Наверное, из-за этого я снова начала думать о Мейсоне и слышать его. Но почему, черт возьми, он написал именно тогда, когда я подумала о нем? Может быть, у нас все-таки есть связь друг с другом, несмотря на то, что я сожгла все мосты? Независимо от того, что связывает меня с его родителями? Но я не откажусь от них даже под угрозой смерти.

Кроме того, доктор Дэниелс говорит, что я хочу наказать всех мужчин за то, что сделал со мной мой отец. Он считает, что я перерабатываю его таким образом. И все, что помогает, законно, не так ли? Свою совесть я уже давно потеряла.

Я вздыхаю.

— Сет классный, — говорю я.

Он поднимает бровь.

— Ты уже говорила, мисс Салливан. — Мне нравится, когда он меня так называет. Тогда я чувствую себя плохой девочкой.

— Проблема с Сетом, — просто продолжаю я и заговорщически наклоняюсь в сторону доктора Дэниела, давая ему очень хороший обзор в мой топ. Его глаза остаются неподвижными, устремленными в мои. — Что он немного похож на Мейсона, ты не находишь?

— Эмм... — тянет он, и, качая головой, поднимает брови вверх. — Я ничего не знаю о Сете.

— Показать тебе фото? — воодушевленно говорю я, и он делает приглашающий жест.

— Пожалуйста, если хочешь.

Быстро достаю телефон и показываю ему последнюю фотографию, что мы сделали. Ту, что я выставила в инстаграм. Сет крепко держит меня в своих объятиях, я смотрю в камеру, мы лежим обнаженные под тонким одеялом, так что можно различить мои контуры.

— Ага.

— И? Что скажешь?

Он напряженно облизывает губы. Его глаза по-прежнему немного взбешенные, но в то же время совершенно равнодушные.

— Собственнический. Высокомерный. Ребенок. Действительно похож на твоего предыдущего партнера, чьи фотографии ты мне уже прказывала.

— Да! — вскрикиваю я. — Я же говорю. Как мне его забыть? Наверное, поэтому он снова в моей голове. Я имею в виду, у нас уже была напряженная история друг с другом. Он был... таким невероятно собственническим. Я никогда не смогла бы сидеть здесь с тобой. — *«Ты не можешь этого делать и сейчас, сука»*, — говорит Мейсон в моей голове. — И если бы он знал, — продолжаю я, скользя кончиками пальцев по низкому столу, пока они не касаются его колена, — какими способами вы меня уже лечили, он убил бы нас обоих, доктор. Дэниелс. — Я прикусываю нижнюю губу и убираю руку.

Его лицо *слегка* покраснело, ноздри раздуты, а зубы стиснуты. На щеке подергивается мышца, как это всегда бывает с Китом, когда он вот-вот потеряет контроль.

— Не имеет значения, что я делаю. Неважно, как часто и как жестко! — я театрально поднимаю глаза к потолку. — Такое ощущение, что я никогда не избавлюсь от этого чувства.

Он смотрит на меня отсутствующим взглядом, сжимая пальцами подлокотники кресла.

— Возможно, я просто сексуально зависима, — диагностирую я, закидывая ногу на ногу, при этом он получает короткий вид под мою юбку.

— Проклятье, — рычит он, бросает свой блокнот в сторону, встает и обходит стол.

Он опирается коленом на кушетку возле меня, хватая за волосы и говорит прямо в мои губы:

— Посмотрим, смогу ли я его выбить из тебя, Эмилия Салливан.

23. Ты стоишь передо мной, Мейсон

Эмилия

Я еду с Сетом и Венерой в Чикаго. Мы едем на его джипе, потому что там больше места для Венеры, чем в моей машине. Я нервничаю, мои пальцы дрожат. Давно уже так не чувствовала себя. Только Мейсон может вызвать во мне эту неуверенность.

Прошло полторы недели, как я трахалась с доктором Дэниелсом. Сет, конечно же, ничего об этом не знает. Он мне нравится, мне с ним хорошо, поэтому настраиваю себя на том, что это было в последний раз с доктором Дэниелсом. В следующий раз я не буду этого делать, даже несмотря на то, какой сексуальный он сидит передо мной и как сильно я думаю, что нуждаюсь в сексе. И неважно, как сильно я захочу свести с ума Мейсона в моей голове. Во время секса с доктором Дэниелсом он постоянно на меня орал. Это было немножко горячо. И я почти почувствовала его руку на моей шее, когда я взяла руку доктора и положила на мое горло, сжав его. Он единственный, кому я позволяю подобное. Иногда мне нужно побыть беззащитной.

— Детка, почему ты так нервничаешь? — спрашивает Сет, и я бросаю на него быстрый взгляд. Он недавно подстриг свои темные волосы. Теперь они недостаточно длинные, чтобы я могла зарыться в них пальцами. Его голубые глаза сосредоточенно смотрят вперед, и он небрит. Мне нравится. И мне нравится думать, как Мейсон. Только теперь я понимаю, какая веселая, должно быть, была его жизнь, с этим мне-все-равно-пошли-все-нахрен-или-я-пошлю-вас-отношением. Вспоминая, какая неуверенная и неловкая я была, как мало мне удавалось говорить ему, что мне нравится, а что — нет. Можно было просто затащить его обратно ко мне в постель и дать понять, что если он меня изменит — останется без яиц. В том, что никогда не раскрывала рта, я виновата сама. Но это нормально. Это прошлое. В то время я думала, что поступаю правильно. Доктор Дэниелс всегда говорит, когда толкается в меня, чтобы я жила здесь и сейчас.

— Ах, я не знаю, — говорю я, вздыхая и пожав плечами. — Все сложно. — Причем это не самое правильное слово. Все это дерьмовая идея. Совершенно идиотская. Вот как это выглядит. Утверждать, что Китон и Оливия — мои родители, — это одно. Гораздо хуже паника, которая обычно перекрывает мне воздух, Мейсон может приехать и все испортить. К сожалению, я не могу объяснить это Сету. Я просто зашла слишком далеко.

— Мне нравятся сложности, — говорит он. — Поэтому я и запал на тебя. Ну, так в чем дело?

— Там живет мой бывший, — быстро говорю я. — В смысле, в городе. И я боюсь с ним пересечься.

Он смотрит на меня так, будто я ненормальная.

— Эмилия, не думаю, что это произойдет. Это большой город.

— Это пригород, — отвечаю я и снова пожимаю плечами. — Там живет не так много народу. Это как деревня!

— В данный момент ты слишком много думаешь о своем бывшем, детка, тебе так не кажется?

Упссс! Беру его руку и переплетаю его татуированные пальцы с моими.

— Не знаю, почему так. Но я больше ничего к нему не чувствую. Просто он причинил

мне боль, и с тех пор мы не виделись.

— Ты никогда не рассказывала, что он сделал. — Сет открывает окно и прикуривает сигарету.

— Он мне изменил. Классика. И я его на этом застукала. Вот и все. — Это далеко не все, но больше ничего не говорю. Вещи, которые я так глубоко похоронила в своем сердце, никого не касаются. Абсолютно никого.

— Ох, детка, — он сочувствующе улыбается. — Тебе может изменить только настоящий идиот. Серьезно. — Не думаю, что он сказал бы также, если бы знал меня тогда. Тогда я была жертвой. И практически умоляла вести себя со мной по-свински.

Но говорю ему:

— Спасибо.

— Не могу дождаться увидеть, где ты выросла. Твоя мама должна быть горячей штучкой.

Я натянуто улыбаюсь.

— Тебе понравится моя семья, — напряженно отвечаю я, а Мейсон в моей голове говорит, подняв брови: «*Черт, Эмилия, ты обречена*».

***

Мое сердце перестало биться, мне нужен кардиостимулятор, когда мы останавливаемся перед домом. Воспоминания нахлынули на меня, как лавина. Меня не было здесь целую вечность. Слишком долго я толкала это перед собой, и, когда Сет выключил двигатель, я не пошевелилась. Я просто смотрю на крыльцо и пустые голливудские качели. Сколько часов, сколько дней я провела здесь? Одна или с Мейсоном. Плакучая ива по-прежнему низко изгибается в саду. Я помню, сколько раз я просто сидела под ней и наблюдала за ним через окно подвала. Тогда, до того, как все началось между нами. После первого раза на кладбище. Иногда он просто лежал там, под кайфом. Я всегда воображала, что он, возможно, думал и обо мне. Глубоко вздыхаю.

— Пошли? — спрашивает Сет. Венера нетерпеливо топчется в багажнике. Она поняла, что мы уже приехали и хочет выпрыгнуть наружу.

— Да, конечно, — говорю я и откашливаюсь, потому что мой голос звучит слишком тихо. Не в стиле моего нового «я».

— Все в порядке? — спрашивает Сет.

Еще раз глубоко вздыхаю и поднимаю голову. Господи, невероятно, как может место повлиять на человека.

— Да, пойдём!

Мы выходим, я беру Венеру, а Сет вытаскивает наши сумки. Я ограничила предложение Китона одними выходными, потому что не смогу так долго жить в страхе, что Мейсон может появиться. Китон, правда, сказал, что он позаботился и этого не произойдет, но Мейсон, вероятно, все еще абсолютно непредсказуем, как тикающая бомба замедленного действия.

Моя белая овчарка обнюхивает сад, как сумасшедшая, потому что учуяла Мисси. Одна абсолютная противоположность другой. Венера ко всем настроена дружелюбно, чего не скажешь о Мисси.

Дверь открывается еще до того, как мы поднялись по ступенькам веранды, и Оливия Раш с визгом выбегает ко мне. Последний раз я видела ее год назад, когда она навещала

Райли. Каждый раз когда они с Китом приезжают в Нью-Йорк, либо они, либо Райли говорят мне об этом. Потом мы все встречаемся и занимаемся семейными делами. Всегда без Мейсона. И всегда я разочарована. И каждый раз ненавижу себя за это.

Оливия обнимает меня. Она пахнет, как всегда. Иногда я думаю, что она вампир, потому что она просто не стареет. Конечно, у нее несколько морщин на лице, но вы не увидите ни единой поры на ее коже, ни седых волос, к тому же у нее потрясающая фигура. Будь я Китом, я бы не смогла от нее оторваться. Она бы умерла. *«Затрахана до смерти»* стояло бы на надгробии.

Она немножко выше меня, а ее прямые золотистые волосы едва достают до плеч. Она немного отклоняется и удивленно мотает головой.

— И как можно становиться все красивее с каждым годом? — нежно спрашивает она и целует меня в щеку.

Я тоже ее целую и смущенно улыбаюсь, делая шаг в сторону.

— Спасибо, мам. Это мой парень Сет. — Когда я называю ее мамой, ее глаза начинают сверкать, и у меня такое ощущение, что она сейчас расплачется. Тепло улыбаюсь ей. Она поворачивается к Сету.

— Ух-ты, теперь я понимаю, в кого ты такая красивая, — говорит он.

«Подлиза, — говорит Мейсон в моей голове. — И он не должен так говорить о моей матери, Эмилия». Потихоньку начинаю привыкать к этому говнюку в моей голове. Это даже начинает мне нравиться. Нехорошо. Возможно, мне стоит созвониться с доктором Дэниелсом.

— Ах, какой сердцеед! — смеется Оливия и выглядит польщенной. А потом на Сета падает тень, когда Китон Раш выходит из дома на веранду. Оглядывает нашу компанию, вздыхает из-за Венеры и спускается вниз.

— Эмилия, — говорит он, и я улыбаюсь.

— Привет, пап! — сияя, говорю я. По его глазам видно, что он находит это смешным. Я же наоборот: считаю, что все немного странно. А потом он просто меня обнимает, так крепко, что я едва сдерживаю слезы от эмоций, потому что Китон Раш подобного никогда не делает.

Потом он лениво поворачивается к Сету.

— А ты, значит, Сэм? — спрашивает он, и я стреляю в него глазами.

— Сет, — поправляю я. — Пап, я же говорила.

Игра ему нравится, либо он действительно за меня переживает, потому что Китон пристально смотрит на моего парня. На самом деле, он должен переживать за Сета, — покраснев, думаю я, вспоминая, как доктор Дэниелс крепко держал меня за волосы. Или как я держалась за его колени...

— Вы наверняка проголодались! — восклицает Оливия, и я вздрагиваю.

— О, да! — говорю я, прогоняя воспоминания. — Сильно проголодались!

***

Мы сидим за обеденным столом, и, надо сказать, все замечательно. Картошка хорошо пропеклась и очень вкусная. Не могу поверить, что снова сижу за этим столом. Снова летом и снова с другим мужчиной. Снова на мне платье, на этот раз черное, с тонкими бретелями и V-образным вырезом, приталенное и длиной до колен. Я знаю, что ему нравятся мои ноги, и

какая-то часть во мне верит, что он придет. Да, я понимаю, как это глупо. Мои волосы выпрямлены и распущены. Они уже не такие длинные, как раньше, только до плеч. И я накрасилась, только немного, но губы покрыты летним красным оттенком помады.

Китон сидит напротив Сета, я напротив Оливии. По Китону видно, что Сет ему не нравится. Наверняка, потому что Сет надел футболку и теперь видны его татуировки. Китон не любит татуировки. Они напоминают ему о Мейсоне.

До сих пор мы только и говорили о нашей учебе, о Венере, которая рыщет повсюду и ищет Мисси. Еще о том, что Китон купил новый дом, который он хочет сдавать в аренду. Его только нужно отремонтировать. Сет как раз рассказывает о своих родителях и о том, какие они простые, когда я слышу ревущий двигатель автомобиля, который я слишком хорошо знаю. Низкие басы агрессивного рока гремят по всему району.

Мейсон просто обожает представление.

А я понимаю, что мне конец.

Волосы на моей шее встают дыбом, Оливия испуганно смотрит на Китона. Китон напротив, раздраженно откидывает голову назад и выглядит так, будто мучается от боли, и я бы засмеялась, если бы не чертов ком в горле. Атмосфера в комнате меняется, становится напряженнее, потрескивает. В моем желудке все бунтует, и мне приходится сдерживаться, чтобы не прижать руку к груди, в надежде хоть как-то успокоить этот дикий стук моего сердца.

Я чувствую, как дыхание учащается, а лицо начинает гореть.

Когда мотор выключается, Китон резко поднимается, отодвинув стул назад. Ни слова не говоря, выходит на улицу, громко хлопнув дверью.

Мы с Оливией панически смотрим друг на друга, и Сет спрашивает:

— У вас все в порядке?

— Да! — восклицает Оливия. — Время десерта! — она забирает мою тарелку, несмотря на то, что я не доела, разворачивается и уносит все на кухню. Сет кладет руку мне на плечо и проводит носом по моему виску, в то время, как я напряженно остаюсь сидеть на месте. Он берет мою руку и начинает играть с моими пальцами, ему даже удается на целую секунду отвлечь меня.

И именно в этот момент снова хлопает входная дверь. Громкие шаги раздаются по комнате, и мой мир рушится в очередной раз.

О, Господи!

Я закрываю глаза, глубоко вдыхаю. Улавливаю его запах и чувствую, как течет моя кровь, в то время как учащается пульс. Я замерзаю, потому что тот холод, который он излучает, передается и мне.

Когда снова открываю глаза, он стоит передо мной. Мейсон.

И я потеряна.

24. Любовь брата и сестры, Мейсон

Эмилия

Мое сердце сейчас убьет меня. В этот момент, Мейсон, ты снова становишься *тобой*. Потому что ты сноварываешься в мой мир и безжалостно захватываешь его.

Я не могу поверить в то, что вижу. На тебе темные джинсы без дыр на коленях и белая рубашка, Мейсон. Я никогда не видела тебя в рубашке, кроме как на похоронах. Это выглядит неопишимо хорошо, особенно как она обтягивает твои бицепсы. Ты закатал рукава до локтей, и теперь видны твои татуировки так же, как у Сета. На тебе жилет ФБР, Мейсон. Теперь это твоя униформа. Ты знаешь, что мужчины в униформе сексуальны? Конечно, ты об этом знаешь. Твои волосы короче и все еще такие темные. Я до сих пор помню, сколько раз хваталась за них, сколько раз гладила их, когда ты спал, и я помню, сколько раз они щекотали меня по щеке ночью, потому что мы спали, переплетаясь. Каждый раз, когда наше сознание отключалось. Я смотрю на тебя, твои родители смотрят на нас, а ты смотришь на меня. Это длится целую вечность.

Твои глаза все еще те самые глаза, которые я любила больше всего. В данный момент коричневатые с зеленым оттенком. Такие красивые глаза. Твой подбородок стал более выдающимся, такое ощущение, что ты немного похудел в лице, но при этом стал более мускулистым. Видно, что ты много тренировался ночами, когда не мог уснуть. Я прекрасно знаю, что по ночам ты не можешь спать. Я помню, как блестит твоя спина, когда ты отжимался в своем подвале, а я сидела перед тобой с раздвинутыми ногами. Каждый раз, когда ты опускался вниз, оставлял поцелуй на моем самом интимном месте. Я все еще чувствую твои губы, Мейсон, а ты связывал мои руки, чтобы я не могла помочь себе получить разрядку.

Через секунду появляется ощущение, что температура в комнате накаляется до пятисот градусов Цельсия.

Твои высокие скулы, как нарисованные, Мейсон, а темная щетина, покрывающая ровную загорелую кожу, напоминает о том, как часто я держала твое лицо в своих руках. Каждый раз, когда ты сомневался или когда терял контроль над собой.

Темные круги под глазами такая же часть тебя, как и взрывной темперамент. Я вижу, что тебе плохо. И чувствую небольшое удовлетворение.

— Мейсон! — гремит Китон, и мы оба вздрагиваем. — Я уже тысячу раз говорил, что ты должен носить кобуру, а не запихивать дежурное оружие за пояс штанов!

— И тем более не за обеденным столом! — добавляет Оливия.

Наш зрительный контакт разрушается. Мои глаза падают на пояс твоих штанов — *ох, Мейсон*, — где торчит твой пистолет. Незаметно смотрю еще чуть ниже, не могу иначе. Только потому, что ты мудака, я не должна считать, что ты уродливый или отталкивающий. Скорее наоборот.

Когда снова поднимаю глаза, ты понимающе улыбаешься и медленно вытаскиваешь оружие.

— Оу, — говоришь ты. Это первый раз за чертовы три года, что я слышу твой грубый, ставший еще темнее и более хриплым голос, Мейсон, и это выбивает почву из-под ног. В моем рту пересохло, я хватаю стакан с водой и залпом выпиваю.

— Все в порядке, детка? — спрашивает Сет, подняв бровь.

Я быстро киваю, а ты с грохотом кладешь пистолет на стол, что заставляет меня снова вздрогнуть. Ты опускаешь сверху руку, наклоняешься так, что касаешься меня своей правой рукой. Я почти теряю сознание, Мейсон, когда чувствую твой запах.

— Привет! — говоришь ты и протягиваешь Сету свою большую руку. Я не могу перестать пялиться на нее, когда она двигается между нами. — Я Мейсон. Эмили... — ты бросаешь на меня короткий пренебрежительный взгляд, а потом снова смотришь на Сета. — *Брат*. — Последнее слово звучит как ругательство. Оливия сжимает губы и выглядит немного оскорбленной.

Китон пожимает плечами в ее сторону, а я снова сглатываю. О, Господи, сто градусов в комнате, как минимум.

Сет озадаченно смотрит на нас и пожимает твою руку. Он крепкий орешек, Мейсон. Такое ощущение, что ваше рукопожатие длится десять часов, а твои пальцы находятся прямо перед моим носом. *Господи, пусть это прекратится*.

Почему ты здесь? Зачем я вообще сюда приехала?

Закончив с рукопожатием, ты падаешь на стул возле меня, и теперь ты сидишь за огромным круглым столом между мной и своим отцом. Ты кладешь одну руку на спинку моего стула, Мейсон, и я прекрасно знаю зачем. Чтобы заявить права на владение. Я двигаюсь вместе со стулом к Сету, и твоя рука падает, ты сразу же смотришь на меня, подняв бровь. Но я игнорирую тебя, Мейсон. У тебя нет права так на меня смотреть.

— Я и не знал, что у тебя есть брат, детка, — говорит Сет. Теперь *он* кладет на спинку свою руку, а я прижимаюсь к нему, положив свою руку ему на бедро, Мейсон.

— Ах, он не так важен, — отвечаю я. Теперь *ты* слышишь мой голос спустя годы, и я вижу, как твоя рука, которая лежит на столе возле пистолета, сжимается в кулак.

— Убери, наконец, эту чертову шпугу с моего стола! — ругается твоя мама. В конце концов, она сама берет его вытянутыми пальцами и выносит в коридор.

— Итак, Эмилия, — говоришь ты, наблюдая за моей рукой на его бедре, его рукой на спинке моего стула и как он поглаживает пальцами мою шею.

Я улыбаюсь.

— Да, Мейсон? — и поднимаю бровь вверх. Такого ты еще никогда не видел, я знаю. Твои ноздри расширяются.

— Надолго приехала?

Оливия возвращается назад, и я замечаю, как они с Китоном по очереди смотрят на нас. Китон готов вмешаться, если потребуется. Это видно по тому, как он держится.

— Только до воскресенья.

— Ага, — сдавленно отвечаешь ты. Мне нравится, как поднимаются твои брови, так же, как и подбородок. — А ты? — лениво киваешь Сету и съезжаешь своей задницей на стуле. — Значит, ты парень моей *сестры*?

Я вздыхаю.

— Мы познакомились в университете и шесть месяцев вместе.

Сет хрипло смеется и опускается на стуле так же, как и ты. Видеть вас двоих так близко друг к другу немного пугает меня. Вы действительно сильно похожи.

— Она въехала в мою машину на парковке, и я использовал ее номер не для страховки. Должен был увидеть ее еще раз. Она самая красивая девушка в кампусе. — Он улыбается. — Или даже во всем Нью-Йорке.

Ты закатываешь глаза.

— А ты? — храбро спрашиваю я, но впиваюсь ногтями в джинсы Сета. — До сих пор вместе с *Черри*? — Оливия резко втягивает воздух. Она действительно выбита из колеи, потому что так и не подала десерт.

Китон напрягается еще сильнее и бросает на тебя предупреждающий взгляд. Сет прижимает меня чуть крепче, как будто чувствует мой гнев и хочет защитить меня. Я хватаюсь за его пальцы, лежащие на моем плече, и переплетаю свои вместе с его.

— Я имею в виду, что ты на нее запал. Думала, у вас было что-то особенное. Навсегда.

Ты бледнеешь, Мейсон. Кровь отливает от твоего лица. Ты однозначно не ожидал, что я о ней заговорю.

— Черри, — я ненавижу, как это имя звучит из твоих уст, как будто оно такое особенное. — Черри была хороша только на лето. Она мне надоела. Она хотела всю программу, но я отшил ее. Ты же знаешь, я не создан для этого, Эмилия.

— Ах, — вздыхаю я. — Значит, ты так и шляешься по округе, Мейсон?

Ты пожимаешь плечами, закинув локоть на спинку своего стула.

— Видимо, это семейное, правда?

Я замираю и чувствую, как бледнею. Сет возле меня напрягается, и я сглатываю. Откуда ты знаешь, Мейсон, что я шляюсь? Ты следил за мной? Сверлю тебя подозрительным взглядом, но ты останешься совершенно расслабленным.

Сет нет.

— Ты действительно сейчас сказал это моей девушке? — спрашивает он голосом, темным и угрожающим. Обычно он разговаривает со мной так в постели.

— Я сказал это *своей сестре*, это другое дело, Сэм.

— Сет, — рычу я. — Ты тупой? Не в состоянии запомнить имя? — Ооооо! Твои глаза метают искры, когда я так с тобой разговариваю. Любовь брата и сестры, Мейсон! Такой ты меня не знаешь. Ты знаешь меня только как ту девушку, которая была запугана, взаперти в твоём подвале. Девушка, которая сделала бы все, чтобы ты остался с ней.

Пфф, я изменилась.

Ты полностью игнорируешь мои слова.

— И что дальше? Планируете свадьбу? — Ты выуживаешь из салата помидор черри и бросаешь себе в рот. — Обычно ты не затягиваешь с этим.

Я пожимаю плечами.

— Что тебе сказать, Мейсон... — Мускул на твоей щеке дергается, как и у твоего отца. С каких это пор, Мейсон? Ты все больше похож на него. — Сет знает, что я была обручена и до сих пор общаюсь с бывшим женихом, и что он помог мне в тяжелые времена из-за одного мужчины, которого я очень сильно любила. Также он в курсе, что мы иногда встречаемся. — Я улыбаюсь Сету, а он подмигивает мне. — Они даже разговаривали по телефону, когда меня не было дома. И разговаривали обо мне. Но все в порядке. — Я смеюсь.

Мейсон, я вижу, что ты тикающая часовая бомба. Взорвись же. Пожалуйста. Покажи, кто ты на самом деле. Я только этого и жду.

Ты опираешься подбородком на кулак и скучающе смотришь на меня.

— Хм, — говоришь ты. Я готова к нападению. Что-нибудь случится, я тебя знаю, Мейсон. — Ну, не знаю. Я никогда не понимал, что ты нашла в том ублюдке. — У меня практически отвисает челюсть. Такого я не ожидала.

— Я тоже не знаю.

Я поднимаюсь и начинаю убирать со стола, потому что больше ни секунды не могу здесь сидеть и смотреть на тебя. Твои глаза следят за каждым моим движением. Я это чувствую, как будто ты касаешься меня.

Оливия помогает мне, а я начинаю готовить кофе.

— С карамелью, детка? — включив кофейный автомат, спрашиваю Сета, который сидит в гостиной и разговаривает с Китонном.

— Ага! — кричит он. Я поворачиваюсь, встаю на цыпочки, открываю шкаф над собой и тянусь, чтобы достать сироп. О чудо, я чувствую позади себя твое твердое, горячее и очень хорошо пахнущее тело, которое нагло прижимается ко мне вплотную. Ты как сила природы, Мейсон. Затем ты убираешь мои волосы за ухо, что вызывает у меня мурашки по коже, прежде чем слегка наклоняешь голову и шепчешь: — То, что ты сделала меня своим братом, Эмилия, открывает для меня совершенно новые двери. Мне это нравится. — Ты достаешь сироп и ставишь его передо мной. — Кстати, ты выглядишь горячо. — При этом ты прижимаешься пахом к моей заднице, заставляя меня почувствовать, *насколько* горячим я тебя сделала. После того, как ты наконец ушел, я бессильно опираюсь обеими руками о столешницу и задыхаюсь. Даже три минуты спустя я стою так, твой запах в моем носу, когда тело Сета прижимается ко мне. Я это сразу чувствую, мне не нужно оборачиваться, чтобы проверить.

— Все в порядке, детка? — хрипло спрашивает он. Я быстро поворачиваю голову в его сторону.

— Мне немного плохо, — говорю я. — Голова кружится.

Он поворачивает меня так, что теперь я прижимаюсь поясницей к столешнице, глядя на него.

— Я мог бы вылечить тебя сексом, — шепчет он у моих губ. — Но здесь твои родители. Я смеюсь и глубоко вдыхаю. Выдыхаю тебя из моего организма и втягиваю в себя Сета.

— Позже с огромным удовольствием, мистер.

Он берет меня за подбородок и притягивает к себе для поцелуя.

— Ты такая горячая, когда ты готовишь мне кофе, — говорит он. — Ты могла бы делать это чаще, желательно обнаженная.

Я закатываю глаза, целую его и беру сироп.

— Мои родители здесь, Сет. Ты хочешь скомпрометировать меня в их глазах?

Он ухмыляется, и его небесно-голубые глаза игриво сверкают.

— Попытка не пытка.

— Еще долго ждать кофе? — рычишь ты совсем рядом, и я отпрыгиваю назад.

Но Сет просто обнимает меня.

— Почти готово, — спокойно говорит он, целуя меня.

А ты, Мейсон? Кажется, ты слегка разозлился. Подслушивал нас? Может быть чертовски больно, когда видишь или слышишь то, чего не хочешь ни видеть, ни слышать, правда?

25. Теперь ты принадлежишь мне, Эмилия

Мейсон

Эмилия, ты даже не представляешь, что я чувствую, когда отслеживаю твой телефон, как и все последние дни. Вот почему теперь я знаю — папа ведь ничего не рассказывает — где ты живешь, где покупаешь свой кофе, где любишь есть, где живет твой парень и твой терапевт, Эмилия. Теперь у меня есть доступ к твоему телефону, детка, и я видел, что ты делаешь с доктором Дэниелсом. Ты трахаешь его, Эмилия. Ты стала такой плохой девочкой. Я даже не знаю, что с тобой делать. И, кстати, доктор Дэниелс, далеко не единственный, Эмилия. Половину Нью-Йорка ты сохранила в своем телефоне, а еще отправляешь своему Сету извращенные фотографии, Эмилия. Еще сегодня утром ты писала своему доктору Дэниелсу. Что последний сеанс помог тебе так сильно и скоро придется повторить его. К тому же ты отправила ему фотографию. Своих сисек. *Ты такая сука.*

Ладно, признаю, что немного возбудился, когда увидел эту картинку, и слегка разозлился. Когда я отследил тебя полчаса назад, ты была у моих родителей, Эмилия, и никто мне ничего не сказал. Папа даже специально подчеркнул, что он и мама уезжают в эти выходные и что я вовсе не должен показывать свою задницу дома, чтобы испробовать воскресное жаркое. С тех пор как я живу в квартире, которая когда-то принадлежала вам, я каждые выходные прихожу к маме и папе на ужин. Мама всегда так радуется, а папа не особо. Он ведь и так видит меня круглосуточно на работе.

Конечно же, я сразу вылетаю к родителям, Эмилия. Какое счастливое совпадение, что ты находишься в Чикаго в тот момент, когда я собрался ехать в Нью-Йорк, чтобы забрать то, что принадлежит мне. Тебя.

Когда-то я участвовал в перестрелке с итальянской мафией, Эмилия. Когда в мою сторону летели пули, и я не знал, останусь ли жив, у меня было то же чувство, что и сейчас, когда еду к своим родителям — и к тебе. Адреналин так сильно бурлит в моем теле, что я едва могу дышать. Открываю все окна, потому что покрыт холодным потом. Все мои чувства обострены, такое ощущение, что меня ждет большая битва, возможно, самая большая битва за всю мою жизнь. Я останавливаюсь и выхожу из этого долбаного белого джипа. В эту же секунду из дома вылетает папа, как разъяренный бык, и рычит на меня:

— Что ты здесь делаешь?

Папа всегда в режиме защиты, когда дело доходит до тебя, Эмилия. Как будто он твой отец, а я какой-то больной парень, преследующий тебя.

— Я знаю, что она здесь, пап. Просто пусти меня к ней.

Он возвышается надо мной, перекрывая путь в дом.

— Она здесь со своим парнем, Мейсон. И он думает, что мы ее родители.

Я нахмуриваю лоб.

— Что?

— Не спрашивай. Ты ее брат, если не хочешь остаться на улице. Понял, сраная жаба?

Что за хрень, Эмилия? Но ладно, это может быть весело. Я готов.

Я пожимаю плечами и поднимаю руки.

— Ладно. Значит, я ее брат. Я могу быть тем, кем она пожелает.

Папа фыркает.

— Не думаю. Мы уже все видели. В общем, заходи, но одно неправильное слово и я вышвырну тебя за шкуру прочь. Понял?

Я закатываю глаза.

— Успокой свои яйца, пап.

У папы сегодня хорошее настроение.

— Если бы я их вовремя успокоил, у меня было бы на одну проблему меньше.

При этом он многозначительно смотрит на меня. Он разворачивается и уходит, а я остолбенело смотрю ему вслед, пока до меня, наконец, доходит, что он имел в виду.

Мой папа такой говнюк.

Я делаю глубокий вдох и чувствую твой запах, прежде чем вижу тебя, когда захожу на кухню, Эмилия. Вот ты сидишь и держишь *его* за руку. Твои глаза закрыты, а он проводит носом по твоей щеке, Эмилия. Я никогда больше не выкину эту картинку из головы. Это похоже на гребаное дежавю, просто с тобой за столом сидит другой парень.

Ты выглядишь по-другому. И еще красивее. Выражение в твоих голубых глазах цвета океана намного сильнее и увереннее, чем раньше, когда ты открываешь их и смотришь на меня. Твои длинные черные ресницы накрашены и даже длиннее, чем раньше. Твоя кожа мягкая и загорелая, щеки покраснели, уже не такие бледные, как тогда. Уже не такая пугливая и гораздо более женственная. Твои скулы выступают, и ты накрасила губы красным цветом, Эмилия. Я потерял в их блеске, и мне просто хочется целовать тебя. Грубо и долго.

Бл*дь, Эмилия.

***

Мы сидим в гостиной. Папа в своем кресле, как обычно. Ты и этот ублюдок на диване, где ты, *в поисках поддержки*, прислоняешься к нему. Ты боишься меня, Эмилия? Мама садится в другое кресло. Я сажусь на подлокотник кресла к папе, опираясь предплечьем на его жесткое плечо. Ноги скрещены в лодыжках. Он смотрит на меня с поднятой бровью, как будто я сошел с ума, но к этому взгляду я уже привык, Эмилия.

Ты закинула ногу на ногу. Твоя кожа загорелая и гладкая. Я знаю, что ты везде такая гладкая. Одна только мысль об этом снова заставляет меня немного напрячься, поэтому я перемещаю свой вес так, чтобы мой член, этот предатель, был спрятан за спинкой дивана. У тебя не заняло это много времени, детка.

Мне не нравится, как твоя маленькая ручка лежит в его лапе. И мне также не нравится, как он собственнически тебя обнимает, не спуская с меня глаз. Я же твой брат, Эмилия.

— Ты помнишь то время, когда я жил в подвале? — громко спрашиваю я. — И мы там проводили дни и ночи напролет, Эмилия? Помнишь то время, когда мы играли в индейцев, и я всегда связывал тебя?

Ты смотришь на моего отца большими неуверенными глазами, ища помощи, и я чувствую, как он толкает меня плечом.

— Или тогда, когда умерла бабушка, на похоронах! И мы сидели под тем деревом и *горевали*. — Ты закрываешь глаза. Папа заметно напрягается, и я знаю, что он сейчас врежет мне. Незаметно.

Я не знаю тебя такой, Эмилия. Потому что, когда ты снова открываешь глаза, в них искрится злоба. Ты была разной, но никогда не была злой.

— А помнишь, Мейсон, в тот летний отпуск, когда я застала тебя с твоей маленькой шлюхой под пристанью у моря? Это было слегка отвратительно. — Совершенно сухо ты смотришь на меня, Эмилия. Никакого выражения на лице. Никаких эмоций. Этим ты выводишь меня из себя.

— А помнишь, как ты напилась и сидела на рельсах, желая умереть, Эмилия? — грубо спрашиваю я, и мама поднимает брови вверх.

— Из этого видно, насколько ты недалекий, — надменно отвечаешь ты. — Я сидела на заброшенном вокзале, где поезда больше не ходят, и просто хотела посмотреть на звезды. Вот что вы делают люди, когда пьяны.

— Да, — говорит Сет возле тебя. Он оценивающе сверлит меня взглядом. — У вас было насыщенное прошлое.

— Если бы ты знал, — отвечаю я.

— Мейсон, — угрожающе гремит папин голос. — Принеси матери стакан воды.

Я замираю и смотрю на маму, которая растерянно смотрит то на него, то на меня.

— Да, Мейсон. Принеси мне стакан воды. А еще лучше — захвати из подвала бутылку.

— Конечно! — говорю я. — Еще что-нибудь?

— Ну, раз уж ты спрашиваешь, я буду мартини с зелеными оливками, Мейсон. Спасибо! — а теперь ты обращаешься к своему придурку. — Ты будешь что-то, детка?

— Я буду пиво, если оно у вас есть, *бро*. — Почему он так подчеркивает слово «бро», Эмилия? Это моя прерогатива. Ты действительно связалась с Мейсоном 2.0, ты это понимаешь? Я что, Райли в этой истории?

Как чертова горничная, я иду за их дерьмовыми напитками, при этом матерюсь про себя. Бл*дь, Эмилия. Все это идет не по плану. Интересно, куда исчезла та маленькая застенчивая девочка, которая даже не осмеливалась сказать мне, что ненавидит удары по заднице, потому что это слишком напоминает ей ее отца. Да, Эмилия, я не только отслеживал тебя, но и читал твое досье. Его, кстати, тоже. Теперь я все знаю. Все те сообщения о нарушениях, все те разы, когда ты была в больнице. Все те случаи, когда он избивал твою маму до синяков, а она утверждала, что упала. И да, я чувствую себя немного дерьмово из-за всего того, что делал с тобой, но ты никогда не жаловалась. На самом деле это было так, как будто ты сама этого хотела. Иначе я бы этого не сделал, Эмилия.

Теперь я знаю все о твоей подруге Бриджит. И я знаю все о новой жизни Райли. У него нет девушки, потому что он все еще ждет тебя, Эмилия. Будем ли мы оба обречены ждать тебя до конца своей жизни?

Я знаю, у какого итальянца ты заказываешь свою пиццу, и даже то, какую начинку туда кладешь. Этому я научился у папы, из его черной записной книжки. На самом деле я закончил учебу и начал работать в ФБР только для того, чтобы у меня был доступ ко всему, что мне нужно, чтобы вернуть тебя.

После того, как я все собрал в своем старом подвале, снова поднимаюсь наверх. Моя мебель все еще стоит так же, как я ее оставил. Только кухня используется мамой в качестве места для хранения своих припасов. Я не хотел, чтобы они все перестраивали, Эмилия. Это был наш подвал, и, веришь или нет, он что-то для меня значит. Даже если я больше не могу там жить, потому что ты повсюду.

Я иду на кухню и наблюдаю, как вы играете в *счастливую семью*, Эмилия. Я знаю, что у тебя ее никогда не было, поэтому ты забрала мою. Я не против, но не с этим ублюдком, Эмилия. Мне это не нравится. Вообще нет.

Я готовлю твой мартини, нанизываю оливки на шпажку. Задумываюсь плюнуть или насрать в его пиво, но не делаю этого.

Когда ты встаешь и направляешься в сторону туалета, держа в руке свой звенящий телефон, я незаметно смотрю краем глаза, не наблюдает ли за мной кто-нибудь. Конечно, как могло быть иначе, папа сверлит меня своим знаменитым взглядом. Он предостерегающе качает головой, но я только усмехаюсь и следую за тобой. Я все еще слышу, как он ругается, но уже схватил тебя за руку, когда ты как раз собиралась войти в ванную, и затащил в комнату. Это самый приятный звук в мире, когда я закрываю за тобой дверь и запираю ее.

— Теперь ты принадлежишь мне, детка.

26. Скажи это, Эмилия

Эмилия

Черт возьми, Мейсон!

Я уже собираюсь ответить на звонок, когда ты хватаешь меня за руку. Я сразу же это чувствую. Только ты так прикасаешься ко мне. Ты затаскиваешь меня в ванную, прижимаешь к двери и закрываешь ее на ключ, после чего бросаешь на меня испепеляющий взгляд.

— *Теперь ты моя, детка.*

С этими словами ты одной рукой выхватываешь у меня все еще звонящий телефон и смотришь на дисплей, а другой прислоняешься к двери, прямо рядом с моей головой. По глупости я смотрю на твои губы, ведь они так близко после стольких лет.

Твой взгляд скользит с телефона на меня, и я быстро смотрю тебе в глаза. Ты поднимаешь одну бровь.

— Итак, ДИЛФ Дэниелс? Мне стоит ответить, Эмилия? Что это вообще значит ДИЛФ?

Я прищуриваюсь.

— Не смей, Мейсон, — шиплю я и тянусь за телефоном. Ты хватаешь его и прижимаешь к двери, ухмыляясь, как сам дьявол, нажимаешь на зеленую кнопку и отвечаешь на звонок растянутым:

— Прииивеет?

Черт.

Я не слышу, что он говорит, но ты наклоняешь ко мне голову.

— Нет, Эмилия больше никогда не придет на твои сеансы терапии. Да, это Мейсон. Да, тот самый. Она сейчас не расположена, извини. — Теперь ты смеешься. — Я ответил на звонок, потому что она сейчас лежит подо мной в наручниках, и я облизываю ее сиськи.

— Нет! — кричу я на заднем плане. — Это неправда, Уилл! Я позвоню тебе позже, положи трубку!

Ты со смехом отнимаешь телефон от уха и протягиваешь его мне. В тот момент, когда я собираюсь взять его, ты разжимаешь пальцы и роняешь его на пол.

Экран разбивается вдребезги.

— Черт, Мейсон, — но ты хватаешь меня за запястья и прижимаешь их к двери.

— Ты только что пыталась оттолкнуть меня, Эмилия?

Гнев внутри меня не просто бурлит, он переливается через край. Кем, черт возьми, ты себя возомнил?

— Отвали от меня, Мейсон!

Медленно, ты прижимаешься ко мне всем телом, каждый твой дюйм прижат ко мне, так что я могу почувствовать твою грудь, которая теперь не защищена, потому что ты снял жилет ФБР.

Я злобно смотрю на тебя. Твои глаза прикрыты, взгляд упирается в мои губы, которые я приоткрываю, чтобы сделать глубокий вдох. Дыши, это лекарство от тебя, Мейсон.

Внезапно ты просовываешь колено мне между ног. Твое мускулистое бедро теперь прямо там, где так жарко и тоскливо пульсирует.

Черт, Мейсон. Черт, Мейсон. Черт, Мейсон. Черт! Черт, Мейсон!

— И не подумаю, — грубо шепчешь ты и продолжаешь смотреть на мои губы. — Я не скажу ему, кто я на самом деле и что делал с тобой, Эмилия, за один поцелуй.

И вот опять, Мейсон, шантаж. Ты хочешь власти надо мной. На мгновение я чувствую себя той девушкой, которой была тогда. Затравленной, взволнованной, неуверенной в себе, запуганной тобой, но в то же время возбужденной, как никогда раньше. Твоя аура окутывает меня, и мы словно оказываемся в другом месте. Твои пальцы сжимают мои запястья так крепко, что кожа горит. Я продолжаю дышать.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. И с каждым вдохом я чувствую твой запах, пока у меня не начинает болеть голова, потому что ты туманишь мои мысли.

Я попрощалась с этой маленькой девочкой. Теперь она в мире с собой. Мейсон, я провела ночи, плача, страдая и разбираясь с этим. Неужели ты думаешь, что можешь посмотреть на меня и снова сделать меня слабой? Ты действительно так думаешь?

На какое-то время я сохраню твою иллюзию. Я сглатываю и прикрываю веки. Тебе это нравится. Потому что тебе нравится видеть меня такой.

Затем я медленно встаю на носочки. Ты оставляешь мне столько пространства для маневра, что я могу нежно скользнуть губами по твоему закрытому рту. Ты еще крепче сжимаешь мои руки, и мышцы твоих ног напрягаются.

Я провожу кончиком языка по твоим губам, и ты издаешь хриплое рычание, которое вибрирует в глубине моего живота.

— О, Мейсон, — шепчу я. Твои глаза затуманены, как и мои. Твои губы слегка приоткрываются, и кончик твоего языка касается моего. Я слегка дразню его, и в тот момент, когда ты уже готов наброситься на меня, отпустив тормоза, я поднимаю колено и всаживаю его тебе в яйца.

Ты отшатываешься от меня, задыхаясь.

— Черт, Эмилия! — Ты приседаешь. Я смотрю на тебя сверху вниз, как ты всегда делал со мной, как на ничтожество.

— Я хотела сделать это три года назад, — говорю я, выходя из ванной.

***

Я сижу, скрестив ноги, на твоей старой кровати, Мейсон. Может, ты здесь больше и не живешь, но ты везде. Сейчас середина ночи, чуть больше двух часов по нашему времени. Я не хотела спускаться сюда, но я лежала наверху в твоей гостевой комнате с Сетом в кровати и не спала. Наша встреча сегодня здесь, в твоём мире, заставила меня вспомнить то время, о котором я больше не хотела думать.

Такие мрачные времена и такие напряженные моменты.

Я признаю, что между нами не все было плохо. Я поняла это, когда гнев утих. И все же один вопрос так и остался без ответа: Почему, Мейсон?

Я рада, что все произошло так, как произошло, иначе я бы не выросла. Но я не понимаю, почему ты так поступил со мной. Мы были счастливы по нашим меркам. По крайней мере, я была, но я не верю, что ты был.

Как только я вошла сегодня в этот дом, и ты снова стал собой в моем сознании, я поняла, что с тобой не все кончено, как я думала. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь по-настоящему покончить с тобой, Мейсон Раш, — ты слишком глубоко забрался мне под кожу. Одни только воспоминания настолько ярки, что я почти вижу, как мы стоим перед этой

кроватю и танцуем вместе. Так банально, но и так пьяняще, всепоглощающе и почти сюрреалистично.

Мне стоило больших усилий отказать тебе сегодня, потому что грань между прежней и новой Эмилией истончается рядом с тобой. Ты сбиваешь меня с толку.

Я падаю на спину — на эту кровать, где мы столько всего вытворяли, и раскидываю руки. Наша песня через наушники эхом отдается прямо в моем мозгу. Если я сосредоточусь, Мейсон, я все еще смогу почувствовать слабый запах травки и ощутить, как ты наклоняешься надо мной, позволяя своим губам двигаться по моей челюсти и шее в такт этой песне. Я чувствую, как ты прижимаешься ко мне бедрами и шепчешь мне на ухо, какая я, по-твоему, сексуальная. Как ты гладишь меня по волосам, пока я лежу на твоей груди и смотрю в окно на твой сад. Так просто.

Если я сосредоточусь, то увижу здесь все эти странные лица и твои темные глаза, которые преследуют меня, куда бы я ни пошла. На кончиках пальцев я все еще чувствую твою кожу, когда глажу твою грудь, ощущаю соленый вкус на языке, когда облизываю твое горло. Я чувствую твои грубые пальцы на своей заднице, на груди, на шее. И я все еще слышу, как ты отчаянно кричишь мне вслед *«Я люблю тебя»*. Мурашки по коже. Я переворачиваюсь на живот, складываю руки под подбородком, закрываю глаза и слушаю музыку, пока мои мысли блуждают.

Все это время был только секс. Больше ничего. Мы либо трахались, либо молчали. Все, что я знаю о тебе, я знаю потому, что наблюдаю за тобой 24 часа в сутки и потому, что донимаю твою мать вопросами. Я знаю, что ты ненавидишь лазанью, потому что однажды, когда тебе было семь лет, ты съел испорченную, и потом всю ночь просидел в ванной. Когда ты ее ешь, то делаешь это медленно и осторожно. Я знаю, что, когда тебе было 10 лет, ты упал с плакучей ивы и сломал руку. Я знаю, что ты участвуешь в подпольных боях, чтобы что-то почувствовать, потому что иначе ты не чувствуешь ничего, кроме безразличия. Наверное, это тяжело, Мейсон. Но знаешь, чего я не знала, Мейсон? Что у тебя была большая любовь. Я не знала, что есть кто-то, кто может вырвать тебя из моих рук, просто взглянув на тебя. Жаль, что ты не сказал мне об этом раньше. Я бы хотела, чтобы ты рассказал мне хоть *что-нибудь*. Но ты этого не сделал. Ты никогда не пытался узнать что-нибудь обо мне. Тебя не интересовали ни мои желания, ни то, что мне нравится или не нравится. Могу поспорить, ты даже не знал, что я люблю читать и обожаю фотографировать. Все, что тебя интересовало, — это мои ощущения, способы, которыми ты можешь меня трахнуть, и то, что я позволю тебе с собой сделать. Сет уже знает обо мне больше, чем ты когда-либо знал. А я даже не люблю его.

Если бы любила, не стала бы ему изменять. И так неразборчиво. Если бы любила, то не сидела бы сейчас здесь, думая о тебе, в твоём подвале, в твоей темноте, желая, чтобы она снова поглотила меня.

Как будто ты меня слышал, Мейсон, я чувствую твое присутствие в комнате. Я знаю, что ты здесь, мне не нужно оборачиваться. Мое сердце бьется быстрее, а в животе все трепещет. Я не двигаюсь. Вдруг матрас прогибается, и ты опускаешься на край. Мне приходится взять себя в руки, чтобы не мурлыкать, как кошка, когда твои пальцы касаются моей головы. Потому что я знаю, что это ты, Мейсон. Никто не прикасается ко мне так, и никто не вызывает таких сильных ощущений. Я прикусываю губу, когда твои пальцы пробегают по моим волосам. Ты любишь мои волосы, хотя они уже не такие длинные, как раньше, и ты всегда говорил обратное. Одной рукой ты медленно гладишь меня по верхней

части спины, поверх рубашки, так медленно, затем по всей спине до копчика. По коже бегут мурашки. И вдруг вокруг меня появляется знакомое, сладкое, густое облако дыма, потому что ты, как всегда, выдыхаешь дым мне прямо в лицо. Я глубоко вдыхаю, чего никогда бы не сделала раньше, и чувствую, как ты наклоняешься надо мной, упираясь руками слева и справа от моих плеч. Ты снимаешь с меня наушники и шепчешь мне на ухо слова нашей песни своим хриплым голосом.

— Подари мне свою любовь, детка, я могу добавить своего стыда. Принеси наркотики, детка, я добавлю к ним своей боли. Вот мое сердце. А вот мои шрамы на нем.

Твое дыхание касается моей шеи, и я вся дрожу, когда ты ложишься позади меня и притягиваешь меня за бедра. Твой лоб упирается в мой затылок, а косяк тлеет между пальцами. Я беру твою руку и подношу косяк к губам. Ты ненадолго застываешь, но в конце концов позволяешь мне сделать глубокую затяжку и, выдохнув, я позволяю себе опустить голову на твоё плечо. Наблюдая за тем, как я впервые выдыхаю дым через плечо тебе в лицо, ты рычишь от удовольствия.

Ты без рубашки, Мейсон, а на мне только рубашка и трусики. Я снова опускаю голову, и ты проводишь кончиком носа по моей шее, отчего по моему телу снова пробегают мурашки. Затем я слышу, как ты глубоко вдыхаешь.

Я не знаю, что здесь происходит, Мейсон.

Я искренне верила, что ты мне больше не нужен. Но я влюбляюсь в тебя снова, и ненавижу это. Я беру у тебя косяк, и ты позволяешь мне закурить, проводя рукой по моему бедру. Черт, Мейсон, что мы делаем? Но я не могу остановить тебя; не могу, этот момент здесь такой волшебный. Я снова в другом мире, в твоём мире, и мне немного нравится в твоём мире прямо сейчас.

Твои пальцы медленно пробираются вверх под моей футболкой. Подушечки скользят по нежной коже моего живота, и я слегка вздрагиваю. Ты никогда раньше не прикасался ко мне так. Я таю. Твое дыхание продолжает ласкать мою шею, и, когда я снова затягиваюсь травкой, все в моей голове расплывается, словно обволакивается ватой. Твои пальцы продолжают двигаться вверх, Мейсон, и я не останавливаю тебя. Я никогда не останавливала тебя раньше, кроме того ужасного дня и сегодня после обеда. Моя кожа трепещет, когда кончики твоих пальцев оказываются под моей грудью. Ты нежно проводишь по контуру, прежде чем обхватить ее и провести большим пальцем по соску. Из меня вырывается глубокий стон. Косяк выпадает из моей руки.

Я не решаюсь повернуться и посмотреть на тебя, Мейсон, потому что тогда это станет реальностью. Песня из моих наушников звучит над нами и окутывает нас, как одеяло. Твоя рука выскользывает из-под моей футболки. Кончики твоих пальцев нежно поглаживают мою руку, а затем ты крепко берешь меня за плечо и переворачиваешь на спину. Я быстро закрываю глаза. Я чувствую, как твой большой палец касается моих губ, затем подбородка и шеи. Когда я откидываю голову назад, он двигается по моему горлу и ключицам, где бьется мой пульс.

Я чувствую твой горящий взгляд и твою твердость на моем бедре. Ты отдаешь, ничего не прося взамен. Ты берешь мою руку — нежно и осторожно, не грубо — и кладешь ее на свою теплую гладкую грудь, прямо туда, где бьется твое сердце. И, Мейсон, оно бьется быстро. Я резко открываю глаза и смотрю прямо в твои глаза. Твои ласковые, нежные глаза. В них горит желание, которое я ощущаю и в себе. Затем ты кладешь свою руку одновременно на щеку и на шею. Она такая большая, и от одного ее прикосновения у меня возникает чувство

защищенности.

— Я знал, что найду тебя здесь, — мягко говоришь ты. Я прижимаюсь к тебе, потому что мне нужно чувствовать тебя, но отвожу взгляд. Это слишком. Я опускаю глаза и смотрю на свою руку на твоей груди. Указательным пальцем я нежно провожу по новым татуировкам. Ты никогда не говорил мне, что означают твои татуировки маори, но почему-то мне нравятся новые.

— Это наша история, к которой ты сейчас прикасаешься, Эмилия. — Твой голос такой хриплый, когда ты говоришь это, и мой взгляд устремляется вверх. В твоих глазах только честность и желание. Я снова смотрю на твою грудь, где мистические символы соединяются в единое целое. Ты берешь мою руку и кладешь ее на определенные чернильные линии.

— Это я впервые увидел тебя. — Мое сердце замирает, я смотрю вверх, потом вниз. Ты продолжаешь вести моей рукой по своей груди к верхней части ребер. — Это мы впервые поцеловались. — Наши руки опускаются вниз. — Это я впервые почувствовал тебя. — Я не могу дышать, Мейсон, я не могу в это поверить. — А это... — Ты опускаешься еще ниже. — Я решил, что больше никогда тебя не отпущу. — Вот еще — у основания мышц живота. — Здесь я понял, как ты сломлена, и стал пользоваться этим. — Мы скользим по твоему боку, дальше вниз. — Здесь я понял, что больше никогда не смогу дышать без тебя. И здесь я потерял все, что мне нужно, чтобы дышать. — Затаив дыхание, я поднимаю взгляд к твоим глазам, в которых застыла мука, с которой ты никогда раньше на меня не смотрел. Ты опираешься на локоть, нависая надо мной, твой вес на мне, твое выражение лица так проникновенно. Твои губы влажные и слегка приоткрытые, и ты некоторое время пристально смотришь мне в лицо. Затем ты опускаешь губы на линию моей челюсти и проводишь ими до впадинки под ухом.

Я чувствую там твое дыхание.

— Прости меня, детка. Мне очень жаль, — шепчешь ты. Я закрываю глаза, потому что они наполняются слезами. Ты продолжаешь целовать мою шею, такой мягкой, такой нежный, такой извиняющийся; ты извиняешься перед моим телом всем, что ты есть, и всем, что делает тебя тем, кто ты есть. Мои пальцы дрожат, и я вцепляюсь в одеяло под собой, чтобы не поднять их, не притянуть тебя к себе и никогда не отпустить.

Я не могу этого сделать, Мейсон; я никогда не смогу снова доверять тебе и не смогу позволить тебе вернуться в мою идеальную жизнь.

Ты снова смотришь мне в глаза.

— Ты никогда не простишь меня, не так ли?

— Ты вырвал мое сердце из груди, когда переспал с ней, и я до сих пор не смогла его вернуть... Я сейчас такая же пустая и оцепеневшая, как и ты, — шепчу я и глажу твои шелковистые волосы. Ты закрываешь глаза и опускаешь голову, впитывая мои прикосновения, как губка, пока я снова не опускаю руку.

— Ты сломал меня, Мейсон. И уже никогда не будет так, как прежде.

Ты смотришь на меня. В твоих глазах столько решимости, когда ты говоришь:

— Так не должно быть, Эмилия. Я знаю, что сделал с тобой. Я доминировал над тобой и заставлял тебя быть слабой и зависимой, потому что понимал: один неверный шаг с моей стороны, и ты уйдешь. Потому что ты слишком хороша для меня. — Черт, это именно те слова, которые я бы сама использовала. Когда я слышу их, все во мне смягчается. Я смотрю в твои глаза, и когда ты наклоняешься ко мне, я не сопротивляюсь. Вместо этого я тянусь к тебе. *Только один раз, думаю я про себя. Только один раз почувствовать твои губы, чтобы*

напомнить себе, как это было.

Когда наши рты встречаются, это подобно урагану, который взрывает все внутри меня. Чувствовать твой вкус во рту, твой язык напротив моего, поглощать твои тихие хриплые стоны. Я не знала, как сильно я этого жажду. Я подавляла это всеми силами, и теперь, когда ты снова так близко ко мне, когда у меня есть шанс вернуть тебя, я хочу схватить тебя обеими руками и убежать от тебя одновременно. Мы целуемся медленно и лениво, так чувственно, что каждая фибра моего существа покалывает и оживает. Как будто последние три года я пребывала в глубоком сне, как принцесса в сказке, пока ты не разбудил меня.

Ты, мой пахнувший травкой, проклятый, совершенно испорченный принц тьмы.

Я принадлежу тебе — и это проклятие, от которого я страдаю с того самого момента, как впервые увидела тебя.

Ты зажимаешь мою губу между зубами и нежно прикусываешь ее, и это отдается мне прямо между ног. Затем ты прислоняешься своим лбом к моему. Это наша фишка, Мейсон, и еще наша фишка в том, что сейчас я провожу пальцами по твоим волосам, и мы успокаиваем наше дыхание.

— Скажи, что ты меня любишь, — шепчешь ты. У тебя такой сломленный голос.

Я ничего не скажу.

Я не могу.

Та маленькая часть моего сердца, где я заперла тебя, Мейсон, снова заполнила все мое существо, и это так опасно.

— Скажи мне, Эмилия! — Ты целуешь меня в щеку. Ты никогда не делал этого раньше, Мейсон.

Я молчу.

Ты ласкаешь губами мою челюсть.

— Скажи это.

Я молчу, даже когда твои губы блуждают по моему горлу и бешеному пульсу.

— Скажи это.

Я не могу, думаю я.

Ты скользишь по мне и задираешь мою футболку, пронзительно глядя мне в глаза. Я знаю, что никогда больше не забуду этот взгляд. Как ты стоишь передо мной на коленях, твои глаза такие пронизывающие, требовательные, полные эмоций.

— Скажи это, Эмилия. — Ты целуешь мою чувствительную кожу прямо над трусиками, и мой таз подергивается. — Скажи это, Эмилия, — шепчешь ты и проводишь носом вверх, к моему пупку. Ты целуешь его и шепчешь мне: — Скажи это.

...и продолжаешь двигаться вверх, глубоко вдыхая аромат моей кожи. Твои глаза ненадолго закрываются, позволяя мне полюбоваться твоими ресницами. Они такие длинные и красивые.

Три года борьбы, Мейсон.

Тебе понадобился всего час, чтобы все испортить.

Чтобы заставить меня забыть обо всем, кроме тебя.

О, Боже.

— Скажи это! — Я хочу, но мое разбитое сердце не позволяет произнести ни звука. Ты уже достиг нижней части моей груди. Твое дыхание обжигает мою кожу. Ты целуешь то самое место, где бьется мое сердце. Не в силах сдержаться, я хватаю тебя одной рукой за волосы и провожу ногтями по коже головы. Твой взгляд призывает меня сказать это, но я

молчу.

— Признай это, — шепчешь ты, — Что ни один мужчина, который был у тебя до сих пор, не смог раскрыть в тебе то, что раскрыл в тебе я. Признай, Эмилия, что никогда и ни от кого у тебя не будет перехватывать дыхание так, как от меня. — Ты легонько прикусываешь выпуклость моей груди, и мое дыхание останавливается. Я закрываю глаза, глядя, как ты скользишь щетиной по моей чувствительной коже прямо к соску. — Скажи, что ты моя, Эмилия, — шепчешь ты.

Я прикусываю губу и приподнимаюсь.

Ты прикладываешь ухо к моей груди, как раз там, где бьется мое сердце. Я открываю глаза, провожу рукой по твоим волосам и шепчу:

— Я не могу, Мейсон.

А ты отвечаешь:

— Я знаю.

— Ты сломал меня, Мейсон. — Затем, потерявшись в своих мыслях, ты ласкаешь мою руку.

— Я знаю.

— И никогда уже не будет так, как прежде.

— Я знаю.

27. Мне все равно, кем ты была Эмилия

Эмилия

Когда я просыпаюсь после очень глубокого, но короткого сна, мой телефон показывает 5:03 утра. Я сразу же осознаю, где нахожусь, и чья рука лежит на мне, крепко обхватив мою талию. Я смотрю вниз, на твою руку, прижимающуюся ко мне. Я чувствую твой запах, тепло твоего тела и твое спокойное дыхание на моей шее. Нежно беру твою руку, подношу ее к лицу и целую ладонь, прежде чем поднять ее и выскользнуть из-под твоей руки. Ты хмуришься. Тебе не нравится, что я так легко ускользаю, даже когда ты спишь. Наблюдая за тем, как ты расслабленно лежишь, я слегка улыбаюсь. Мне трудно оставить тебя, хотя я знаю, что у нас нет ни единого шанса. Прошлая ночь была волшебной и неповторимой. Это должно было произойти. Глубоко вздохнув, я встаю и иду наверх, но мое сердце остается с тобой в постели.

Сет еще крепко спит, когда я проскальзываю обратно в нашу постель. Мне бы хватило времени принять душ, но секса не было, поэтому я не вижу в нем необходимости. Кроме того, я просто отказываюсь смывать с себя твой запах. Это все, что у меня осталось от прошлой ночи. Венера подпрыгивает на кровати, явно радуясь моему возвращению, и чуть не будит Сета. Я приказываю ей лечь рядом с кроватью и почесываю ее пушистую голову, наблюдая за тем, как за окном разгорается день.

Я часто делала так с Райли во время нашего короткого периода до Нью-Йорка, в котором я испытывала те же эмоции, что и сейчас.

Интересно, что скажет доктор Дэниелс, наверное, ничего хорошего. Я знаю, что не смогу заснуть, хотя мои глаза просто закрываются. Я пробыла в твоих объятиях всего два часа, но все равно устала. Когда Сет прижимается ко мне поближе и удовлетворенно хмыкает, я наконец закрываю глаза. Он прижимается ко мне, и я поддаюсь, целую его и позволяю ему делать со мной все то, что я на самом деле хочу, чтобы делал кто-то другой.

***

Мы за столом для завтрака, Мейсон. Твоя мама превзошла саму себя, накрывая на стол. Она даже приготовила свежесжатый апельсиновый сок, за что я ей очень благодарна. Мне уже не так трудно обращаться к твоим родителям, как к маме и папе. Это звучит так естественно, будто так было всегда.

Солнце уже давно взошло и освещает все своими лучами. Я чувствую себя иначе, чем вчера вечером, как будто другим человеком. Как будто моя прежняя сущность осталась в подвале, а наверх поднялась только новая Эмилия. Сет только что принял душ и чудесно пахнет. Они с Оливией о чем-то смеются. Китон сидит напротив них и укоризненно смотрит на меня, приподняв брови. Мейсон. Теперь я знаю, что ты обычно чувствуешь. Я нервно обвожу взглядом стол, но опять возвращаюсь к его слишком пристальным глазам. Я должна спросить, не установил ли он камеры, если да, то я в полной заднице, Мейсон.

Черт, Мейсон.

Несмотря ни на что, я все еще голодна. Но я также смертельно устала и громко зеваю, поливая блинчики кленовым сиропом.

— У тебя была беспокойная ночь, детка? — спрашивает Сет. Китон наклоняет голову набок.

— Не знаю, что-то не так в этом доме. Здесь я никогда не могу хорошо выспаться. Так было всегда, правда, папа? — раздраженно бормочу я, и Китон поднимает бровь.

— Уф, что же это может быть, Эмилия?

Я становлюсь ярко-красной и делаю глоток апельсинового сока.

— Ну, я крепко спала. — Лицо Оливии сияет. Я уже видела это сияние раньше. Китон поворачивается к ней, и его вторая бровь взлетает вверх. Он выглядит таким самодовольным, что я закатываю глаза.

Похоже, *мои* родители действительно занимались сексом, Мейсон.

Зевнув, Сет потягивается, и его рубашка сползает вверх, обнажая часть живота.

— Я отлично выспался, — говорит он как раз в тот момент, когда входная дверь хлопает, и я вздрагиваю.

Оливия тут же смотрит на Китона и спрашивает:

— Кто это?

Он вздыхает.

— Это, наверное, жаба, он провел ночь в подвале, — и бросает на нее многозначительный взгляд. Ее глаза расширяются и мчатся ко мне, пока я ковыряюсь в своих блинчиках, избегая зрительного контакта.

Ты проходишь по комнате и, не говоря ни слова, громко отодвигаешь стул рядом со мной и опускаешься на него. На тебе только висящие на бедрах спортивные штаны, Мейсон, хотя ты знаешь, как действует на меня твой обнаженный торс. Особенно теперь, когда я знаю, что означают твои татуировки, Мейсон. Ну, по крайней мере, частично. Ты наливаешь кофе в свою чашку и оглядываешь стол.

— Что? — спрашиваешь ты, сбитый с толку тем, что все, кроме меня, уставились на тебя.

— Ты уже сто лет не ночевал в подвале, так почему же сейчас? У тебя квартира с видом на крыши Чикаго, — говорит Китон.

— Вчера я был поблизости и не захотел ехать обратно.

— Где ты был?

— У Дженни.

— Кто такая Дженни?

— Папа, оставь допрос для работы.

Китон дьявольски улыбается.

— Я просто пытался немного поболтать со своим сыном.

— Ну, твой сын не в том настроении, чтобы болтать с тобой, папа. Позволь мне сначала насладиться чашечкой кофе.

— Да поможет нам Бог, — шепчет Оливия и идет к холодильнику за бутылкой игристого, как будто выпивка исправит ситуацию.

— Кто-нибудь хочет бокал шампанского? — спрашивает она.

— Да, хорошая идея, О... э-э, спасибо, мам! — быстро поправляю я сама себя. Я умело игнорирую твой гневный взгляд, пока Оливия смешивает шампанское с моим апельсиновым соком. Мы произносим тост и сознательно опустошаем бокалы. Китон наблюдает за нами с сухим выражением лица. Сет хмурится.

— Все в порядке, детка? — Он спрашивает меня об этом довольно часто, Мейсон.

Неужели я кажусь такой нервной?

— Да, — произношу я с поджатыми губами и протягиваю свой бокал Оливии.

— Может быть, тебе не стоит пить так много с утра пораньше, — говоришь ты.

— Может быть, тебе не стоит так много говорить с утра пораньше! — О, о, я вижу по твоим глазам, что ты хотел бы сделать со мной прямо сейчас. Но перед тобой дилемма: я больше не твоя, поэтому ты не можешь. *Бу-бу-бу!* Кроме того, я больше не боюсь тебя, Мейсон. Теперь, при дневном свете, все стало намного яснее. Вчера вечером у меня был момент слабости, который уже прошел. Я уже немного навеселе, так что сегодня должен получиться веселый день.

— Давай проведем день у бассейна, хорошо, детка? — спрашивает Сет. — Если только ты не хочешь поехать в центр или еще куда-нибудь.

Я намеренно поворачиваюсь к нему, спиной к тебе, Мейсон.

— Бассейн — это великолепно! — Я вздыхаю и быстро целую его.

Я чувствую его улыбку на своих губах и твой пронзительный взгляд на моей спине.

О, Мейсон, только подожди и увидишь, какую месть я тебе устрою.

— Нам нужно сходить на рынок. Ты сможешь обойтись без нас? — спрашивает Оливия, и Китон настороженно смотрит на Мейсона.

— Не знаю, детка, может быть, нам стоит задержаться или, может быть, взять *его* с собой.

— Очевидно, что я справлюсь, старик. Мне 28, так что иди на свой дурацкий рынок для стариков! — шипишь ты, и я слабо ухмыляюсь. Твой отец выглядит совсем не довольным.

***

Чуть позже я надеваю черное бандо-бикини, которое увеличивает мою грудь, и такие же трусики, которые едва прикрывают мою задницу. Мой наряд сводит Сета с ума, как и его пресс сводит с ума меня, пока мы удобно расположились на мягких шезлонгах у бассейна.

Я сижу на маленькой симпатичной попке Сета и массирую ему спину, нанося масло для загара.

— О, черт, как приятно! — бормочет он, опустив голову между мускулистых рук, пока я с усилием разминаю его кожу. Мне нравится, когда он стонет, Мейсон.

— Твой брат выглядит самовлюбленным, не так ли? — спрашивает он.

— Мой брат? — отвечаю я, совершенно сбита с толку, пока не вспоминаю, кого он имеет в виду. — О, да, он придурок. Не могу сказать, что мы поддерживаем связь. Мы вообще не общались в течение последних трех лет, пока я жила в Нью-Йорке.

— Почему вы не общались?

— Он вел себя как скотина с девушкой, которая мне очень нравилась, и мне было невыносимо видеть ее страдания, поэтому я не хотела видеть и его.

Я слегка приподнимаюсь, когда он поворачивается, чтобы лечь на спину. О, пресс напряжен... Сет приподнимается на локтях и бросает на меня вопросительный взгляд.

— Кто она была?

— Какая разница? Ты все равно ее не встретишь. — Чтобы отвлечь его, я глажу его грудь обеими руками, продвигаясь вперед, пока мои губы не встречаются с его губами. — Разве у нас нет дел поважнее?

Сет остается совершенно невозмутимым.

— Я только что понял, как мало о тебе знаю.

— Я познакомила тебя со своими родителями. Ты живешь в доме, в котором я выросла.

Разве этого недостаточно?

— Я не вижу тебя ни на одной фотографии. — В сомнении он смотрит на меня. — Твоя мать великолепна, но ты не похожа ни на нее, ни на отца. Ни капельки, совсем не похожа на своего брата. Он — вылитый твой отец. Так что же здесь происходит, Эмилия? — Он садится, кладет руки мне на талию и притягивает меня ближе. — В какую бы большую игру ты ни играла, ты можешь рассказать мне. Поверь мне, я видел в своей жизни и не такое.

— Меня удочерили, — выпаливаю я, поскольку ничего другого мне не приходит на ум. Но, опять же, в каком-то смысле я и есть приемная. — Они не мои настоящие родители, а он не мой родной брат. И другой мальчик, которого ты видел на фотографиях, тоже не родной.

— Ага, это все объясняет. И у тебя была связь с этим парнем, верно? — Выражение его лица напряженное.

Я сглатываю.

— Неужели это так очевидно?

— Он ведет себя как неандерталец, защищающий свою пещеру.

— Да... у нас кое-что было, — признаюсь я, поскольку отрицать это трудно.

— И как долго?

— Слишком долго.

— И что было между вами? — жестко спрашивает он.

— Секс.

— И как долго это продолжалось? — спрашивает он.

— Какое-то время.

— Эмилия, пожалуйста, почему ты не можешь быть со мной откровенной?

— Я любила его, — покорно говорю я и опускаю глаза. Он поднимает мой подбородок и гневно сверкает глазами, Мейсон, совсем как ты.

— В следующий раз будь со мной откровенна с самого начала, — спокойно говорит Сет.

— Мне не нравится вспоминать об этом, все закончилось некрасиво, а я тогда была другим человеком.

— Мне все равно, кем ты была, для меня важно, кто ты сейчас. — Моя улыбка дрожит. — Ты моя девочка, — говорит он и наклоняется для поцелуя.

28. Не жди меня, Мейсон

Мейсон

Эмилия, ты *моя* девочка. Я слышал каждое твое гребаное слово. Ты сказала, что *любила* меня, Эмилия. Это в прошедшем времени, но мы не закончили, детка. Мы никогда не закончим.

Теперь ты на террасе, сидишь на коленях у Мейсона 2.0 и целуешься. Готов поспорить, у него стояк всей его жизни.

Черт, Эмилия!

Я близок к тому, чтобы прикончить вас обоих и выбить из него все дерьмо, лучше всего пистолетом. Жаль, что папа конфисковал его на время моего пребывания здесь. Он всегда слишком остро реагирует. Я бы просто засунул ствол ему в рот или прижал к голове. Думаю, с тобой, Эмилия, мне придется прибегнуть к другим средствам, хотя я не могу придумать ничего, кроме... насилия и еще большего насилия.

После прошлой ночи я хочу тебя еще больше. Ты была не просто сексуальна, ты была для меня всем. Все, что может пожелать мужчина. Я пришел в подвал только потому, что почувствовал тебя там. Я имею в виду, я знаю тебя, независимо от того, что ты думаешь иначе. И ты лежала на моей кровати, освещенная лунным светом. Это был знак, Эмилия.

Эмилия, я не знаю, как мне сейчас реагировать. Естественно, в ФБР меня учили контролировать свои импульсы, поэтому я прокручиваю в голове эти наставления, чтобы сдерживать себя. Теперь я понимаю, что ты почувствовала, когда увидела меня с Черри, Эмилия, и как это, должно быть, разбило твое сердце. Он поднимает тебя на руки и несет в воду, продолжая целовать тебя, Эмилия. Твои ноги обхватывают его бедра, а пальцы вцепляются в его волосы. В воде он прижимает тебя к стенке бассейна, и твоя голова откидывается назад, Эмилия, ты стонешь. Кончики твоих волос касаются воды и... Черт, он что, трахает тебя прямо сейчас или что?

Я сжимаю одну руку и прижимаю ее к окну. Я жалею, что не попросил отца запереть меня, Эмилия, я действительно сейчас сойду с ума. Его рукам не место на твоём теле, а твоим не место на его. Ты стонешь. Я слышу тебя. Окно открыто, Эмилия. Ты с ума сошла? Теперь он стягивает с тебя бикини, и ты лукаво улыбаешься ему. *Шаловливо*, Эмилия. С каких это пор ты так делаешь? Я с трудом сдерживаю себя, когда он наклоняется вперед и берет в рот твой сосок.

Я ненавижу его, Эмилия.

О, он умрет, трезво решаю я.

С Райли все было по-другому, потому что он не такой, как я. Не тот, в ком ты нуждалась. Однако *этот* во всех отношениях Мейсон 2.0, иначе он не стал бы трахать тебя в бассейне днем, когда я рядом. И я уверен, что он знает, что я рядом. Я бы тоже так поступил, Эмилия. Теперь он приподнимает тебя одной рукой, и по твоему лицу видно, как ты напряжена, когда он опускает тебя на себя. Он прислоняется лбом к твоей шее, ты закрываешь глаза и стонешь, вероятно, оттого, что он полностью вошел в тебя.

Я не могу дышать, Эмилия, так как ты явно двигаешься, а вода продолжает переливаться через край бассейна.

Ты пытаешься спровоцировать меня, Эмилия? Получается. Честно скажу, что теперь

меня уже не так легко расстроить, но прямо сейчас я невероятно взвинчен и, пока я не успел взять себя в руки, выхожу за дверь. Мои кулаки сжимаются, когда я подхожу к бассейну. Ты открываешь глаза и смотришь на меня через его плечо. Ты изображаешь шок, и на краткий миг я вижу знакомую панику в твоих глазах, когда ты поджимаешь губы. Я замираю, когда ты поднимаешь палец и незаметно качаешь головой, строго глядя на меня.

Единственное, что я могу сделать — это стоять и смотреть в ответ. Раньше ты боялась меня в таком состоянии, но теперь ты щелкаешь пальцами, и я подчиняюсь, словно Мисси, забыв о том, что делал. Мой пульс учащается, и я снова сжимаю руки в кулаки. Мое дыхание затруднено, мне кажется, что я не получаю воздуха. Ты обхватила его за плечи, и твой томный, полный вожделения взгляд прикован ко мне, словно ты следишь за змеей, готовой в любой момент нанести удар. Но я не могу, Эмилия, я не могу сдерживаться, не с тобой, и ты это знаешь.

Поэтому я срываюсь с места и приближаюсь к вам, но, когда вижу, что ты отталкиваешься от него, я останавливаюсь. Сет выглядит смущенным и произносит что-то вроде:

— Какого черта, детка! — Ты игнорируешь его, вылезает из бассейна и бежишь мимо меня в дом.

Сет поворачивается ко мне в замешательстве, и я рычу:

— Еще раз трахнешь ее где-нибудь рядом со мной, и это будет твой последний секс!

Он вылезает из бассейна, каждый его мускул напрягается.

— Что ты хочешь от меня, ублюдок?

— Ты меня правильно понял! — Он действительно приближается ко мне, Эмилия. Должно быть, он не знает, с кем имеет дело. Я ненадолго задумываюсь о том, как бы ты отреагировала, если бы я серьезно ранил его, и не могу ничего придумать. Когда это ничтожество оказывается всего в трех шагах от меня, ты быстро встаешь между нами. Мир на секунду замирает, потому что его рука уже в движении. Я едва успеваю оттолкнуть тебя с пути апперкота, который предназначался мне.

Черт!

Теперь он мертв!

Я иду на него.

— Мейсон! — кричишь ты. — Остановись! Сейчас же! — О, Эмилия, я так не думаю. Зачем ты вообще кричишь там сзади? Как будто меня это остановит! Я только начал. Я успеваю нанести ему три удара в челюсть, прежде чем он попадает мне в нос. Он и так кривой, так что это не имеет значения, Эмилия. Я больше не чувствую боли. Мы падаем в бассейн. Я оказываюсь сверху и топлю его уродливую рожу в воде.

— Мейсон! — кричишь ты. — Если ты сейчас же не прекратишь, клянусь, я уеду домой, и ты больше никогда меня не увидишь. Никогда! — Я отказываюсь отвечать, не то чтобы я мог. Вместо этого я давлю еще сильнее, потому что если я остановлюсь, то все равно проиграю.

— Мейсон! — Твой голос становится громче, в нем слышится паника. Внезапно ты прыгаешь в воду и тянешь меня за руку.

— Отпусти его! — Я не подыгрываю.

— Мейсон, я люблю тебя! — кричишь ты, и я резко отпускаю руки. Я поворачиваю голову и смотрю на тебя. Ты только что это сказала?

Тем не менее, не обращая на меня внимания, ты движешься к нему. Он задыхается,

когда оказывается на поверхности. По твоему лицу текут слезы, когда ты держишь его за щеки. Кажется, меня больше не существует. Я дико фыркаю, глядя на тебя. Кровь капает и смешивается с прозрачной голубой водой.

Черт!

Помогая ему выбраться из воды, ты бросаешь на меня полный ненависти взгляд.

***

Эмилия

Мы с Сетом находимся в комнате для гостей, где я перевязываю его рану. Благодаря тебе, Мейсон, у меня уже неплохо получается. Сет молчит, он заметно напряжен и очень зол. Я знаю, что он с удовольствием уехал бы домой прямо сейчас, если бы не был так слаб от того, что его чуть не задушили. После прошлой ночи мне нужно быть рядом с Сетом. Я снова пытаюсь выкинуть тебя из головы, Мейсон, но ты не даешь мне покоя.

В тот момент, когда Сет сказал мне эти слова и показал, как сильно его интересует то, кто я теперь, не заботясь о том, кем я была, я была потрясена. Это был прекрасный момент, которым я наслаждалась, не задумываясь, и это было глупо.

Я должна была знать, что ты будешь шпионить за нами.

Предвидеть твою реакцию.

Я не ты, Мейсон, я не делаю этого, чтобы причинить боль другим, я делаю это, чтобы причинить боль или исцелить себя.

— Давай я принесу тебе еще льда, малыш! — говорю я Сету. Я уже почти вышла, когда он хватает меня за руку и останавливает.

Мне больно смотреть на его избитое лицо.

— Что это было, Эмилия? — мягко спрашивает он, такой спокойный и уравновешенный. — Между вами все еще что-то есть?

Я энергично качаю головой.

— Нет!

— Это тот бывший, о котором ты все время говоришь? Тот, кто предал тебя и чье имя не стоит произносить вслух? — его голос звучит опустошенно.

Я киваю один раз.

— Почему ты сказала ему, что любишь его? — спрашивает он, и я чувствую, как кровь отхлынула от моих щек. В тот момент я подумала, что он меня не слышит, так как находится под водой. Ладно, признаю, слова вырвались у меня непроизвольно. Единственное, что я хотела сделать, это отвлечь Мейсона от убийства.

Черт!

— Потому что я знала, что он хочет это услышать. Потому что знала, что он собирается убить тебя, и мне нужно было отвлечь его, Сет.

— Почему он хотел услышать это от тебя? Вы двое закончили или нет?

— Мы закончили, хотя он может считать иначе.

— Эмилия, если ты изменишь мне с ним, я уничтожу вас обоих. Я не из тех, кто это стерпит. — *Черт!* Я сглотнула, потому что меньше недели назад я изменила ему с Уиллом. Не говоря уже о том, что было с Мейсоном в подвале — хотя это не имело никакого отношения к сексу. — Ты изменила своему бывшему с ним? — Меня пугает его взгляд,

Мейсон. Я не знаю, лгать или говорить правду, умиротворять его или очистить свою совесть.

Я должна спросить об этом Уилла.

Но Сет хочет получить ответ прямо сейчас!

Черт!

— Твое молчание говорит о многом, Эмилия. — Он резко притягивает меня к себе и переворачивает так, что я лежу на кровати, а он сверху.

— Прошлой ночью я заметил, что ты пропала из кровати, и, если это повторится, я пойду искать тебя. Ты трахалась с ним?

— Нет! — тут же выкрикиваю я. Он смотрит мне в глаза. Я не могу дышать.

— Что произошло, Эмилия? Что-то должно было произойти?

— Секса не было. Мы просто поговорили о старых временах, и я уснула. — Он изучает меня несколько секунд, прежде чем его лицо расслабляется.

— Этого больше не повторится, — жестко заявляет он и отворачивается от меня.

***

Сегодня ночью я лежу рядом с ним, широко раскрыв глаза и едва осмеливаясь дышать. Вау, Доктор Дэниелс был прав. Я всегда выбираю одних и тех же мужчин. До сих пор. Я думала, что уже взяла все под контроль, покончила с этим, но Сет, похоже, действительно не в настроении разбираться с этим дерьмом. Я бы с удовольствием поговорила с тобой, просто поговорила, но я слишком боюсь выходить из комнаты.

Неоново-красные цифры моих часов показывают 2:00, когда дверь в мою комнату тихо открывается.

О, Боже!

Быстрый взгляд в сторону подтверждает, что Сет все еще тихо дышит. Он крепко обнимает меня, Мейсон, и притягивает к своему животу, когда тыходишь в комнату.

Я не могу вырваться, Мейсон, — сообщаю я взглядом, взглянув на него и покачав головой.

Ты поднимаешь одну бровь и киваешь в сторону двери.

Я снова качаю головой.

Ты поджимаешь губы и раздуваешь ноздри. Я знаю, что должна повиноваться, иначе ты можешь лишиться его сознания во сне или что-то в этом роде. Поэтому я поворачиваюсь к Сету и дышу ему прямо в лицо, потому что точно знаю, что ему это не нравится. Как я и ожидала, через несколько секунд он переворачивается на другой бок, тихонько ворча и сжимая в руках подушку. Я быстро встаю. Ты одобрительно смотришь на меня, когда я выталкиваю тебя из комнаты и осторожно закрываю за нами дверь.

— Черт, Мейсон, чего ты хочешь? — шепчу я.

— Что с тобой, Эмилия? Я ждал тебя. Уже два часа.

— Что-то не припомню, чтобы я обещала навещать тебя в твоём подвале каждую ночь, не так ли? — шепчу я, оттаскивая тебя от двери в сторону лестницы.

— Почему ты так испугана, Эмилия? — Ты вопросительно смотришь на меня и хватаешь меня за руку, чтобы я не могла от тебя убежать.

— Просто оставь меня в покое! — Я пытаюсь вырваться, но ты хватаешь меня за подбородок.

— В чем дело?

— Если он нас увидит... пожалуйста, отпусти меня. Я хочу вернуться в постель, к нему!

— И что будет, если он увидит нас вместе?

— Он уничтожит нас обоих. Так что просто отпусти меня.

— Что? — Ты смотришь на меня ошарашено.

— Он сказал, что узнает. А теперь, пожалуйста, отпусти меня, Мейсон!

— Этот ублюдок угрожал тебе? — Я вздыхаю и провожу свободной рукой по лбу, а затем по волосам.

— Не напрямую, — тихо говорю я и вздрагиваю, когда твоя хватка усиливается. — Отпусти меня, Мейсон, — требую я более решительно. — Ты делаешь мне больно! — Ты тут же убираешь руки, как будто обжегся. Удивительно, но в прежние времена ты бы никогда так не поступил.

— Я хочу, чтобы ты бросила этого ублюдка. Он опасен! Я вижу это в его глазах.

— Я вижу то же самое в твоих глазах. Это действительно так? Нужно быть сумасшедшим, чтобы распознать другого сумасшедшего?

— Я люблю тебя, а он нет. Он просто считает тебя своей собственностью. — У меня вырывается резкий смех, и я пытаюсь подавить эмоции, которые вызывают твои слова. До сих пор ты говорил мне об этом дважды, всегда в экстремальных ситуациях. Но сегодня это прозвучало из твоих уст так естественно, как будто это самая обычная вещь на свете, и от этого мое сердце увеличилось примерно вдвое.

— Ты тоже сказала, что любишь меня, Эмилия.

Черт, думаю я.

— Может быть, я хочу, чтобы мной были одержимы, а не просто влюблены в меня? — Может быть, я тоже хочу быть одержимой кем-то, а не любить. Любовь — это сложно и всегда сопровождается болью. — Я сказала это только для того, чтобы отвлечь тебя, заставить остановиться. Ты был как атакующая собака, и мне нужно было тебя отвлечь.

— Ты не веришь в это, Эмилия. — Ты кладешь руки мне на щеки и прижимаешь меня к холодной стене. — Ты любишь меня, а я люблю тебя. Это правда, что бы я ни сделал с тобой или наоборот — я не позволю никому, кроме меня, обладать тобой.

— Я бы с удовольствием уступила тебе, Мейсон, но не могу. Я всегда вижу одни и те же образы, когда смотрю в твои глаза, и каждый раз, когда мы вместе, ты тянешь меня вниз, во тьму. Я не хочу сдаваться, Мейсон. Ты пробуждаешь во мне черты, которые мне не нужны, от которых я упорно пытаюсь избавиться. Так что, если ты любишь меня хотя бы наполовину так сильно, как утверждаешь, отпусти меня, пока ты не сломал меня окончательно. — Ты прислоняешь свой лоб к моему, и мы закрываем глаза.

— Я не могу, Эмилия. Я пытался, пытался довольно долго. Но ты — первое, о чем я думаю каждое утро, и ты — причина, по которой я не могу нормально спать по ночам. Я просто не могу тебя отпустить, я слишком эгоистичен, ты мне нужна. — Твои руки переходят с моих щек на шею, где большие пальцы поднимают мой подбородок так, что я смотрю на тебя.

— Я считаю тебя своей, и это никогда не изменится. И я сражаюсь за то, что принадлежит мне, Эмилия. — Ты целуешь меня коротко, слишком коротко. — Если он снова будет угрожать тебе, ты немедленно позвонишь мне, поняла? — требуешь ты. Все, что я могу сделать, это кивнуть, так как я не в состоянии дышать или что-либо еще.

Резко повернувшись, ты уходишь.

Трудно не следовать за тобой. Я знаю, что ты ждешь меня; наверное, ты будешь ждать

до конца ночи.

Но я не приду.

29. За что я люблю тебя, Эмилия

Мейсон

Ты разрушила мой мир, Эмилия, потому что не пришла ко мне в подвал прошлой ночью. До шести утра я лежал и думал о том, как близко ты была. Я должен был просто ворваться в ту комнату и забрать тебя, но, возможно, мне стоит начать уважать твою волю. Что касается тебя, Эмилия, есть только одно правило: никто не угрожает моей девочке. Даже когда ты не со мной, я хочу знать, что с тобой все в порядке. А этот сумасшедший наверху такой же непредсказуемый, как и я, и, поскольку он не любит тебя, я ему не доверяю.

Я готов на все, чтобы вернуться в прошлое и стереть все те моменты, когда я причинял тебе боль, но он причинит тебе еще больше боли, чем я, и он не собирается извиняться, не собирается чувствовать угрызения совести и не собирается сдерживаться, потому что он психопат. Мне это не нравится.

С первого взгляда даже не замечаешь насколько хорошо он скрывает свою жестокость, и это нравится мне еще меньше. Такие самые опасные, Эмилия. Но я видел, как мой отец смотрит на него, и знаю, что он это понял. У отца нюх на такие вещи, ему достаточно перекинуться с кем-то парой слов, и он уже знает.

Я до сих пор время от времени читаю старый папин дневник. Он просил меня отдать его, но я не отдал, и он больше никогда его не просил.

Эмилия, ты знаешь, что моя мама — единственная, кто может контролировать монстра внутри него? Монстра, которого он передал мне.

Ты знаешь, что мой отец убил бы мою маму, если бы она не была его?

Она либо с ним, либо ни с кем.

Знаешь, почему он был таким тихим все эти годы? Потому что моя мама боролась с ним каждый день, пока не приручила этого монстра.

Эмилия, он запер ее в подвале — и я немного ненавижу его за это. Но она все равно не ушла от него.

Он сломал ее, потом склеил из обломков — и все равно она осталась с ним.

У нее было столько возможностей уйти, но она так и не воспользовалась ни одной из них. Ты знаешь, что мой отец все время, пока она не была с ним, занимался расследованиями и шпионил за ней? И все же она вернулась к нему, когда узнала, добровольно!

Он любит ее так сильно, что ударил меня, своего собственного сына, по лицу за то, что я случайно причинил ей боль. Она для него священна, и он никогда не переставал любить ее, что бы она ни делала.

Думаю, именно так я отношусь к тебе.

Я думаю, это и есть настоящая любовь.

И я думаю, что все испортил.

Я не смог поступить так, как мой отец, потому что не могу контролировать себя так, как он. В конце концов, я намного моложе и злее. Как будто его монстр внутри меня в два раза сильнее. И поэтому, сколько бы он меня ни бил, он никогда не отпускает меня. Неважно, сколько дерьма я натворил.

Он знает, что я чувствую.

Он знает, на что я готов пойти ради тех, кого люблю. И именно этого он боится. И я тоже.

Я встаю, не сомкнув глаз даже на минуту. Уже 9:30 утра, и я слышу шаги за окном. Я забыл, на что это похоже. Раньше для меня это было нормально. Я засыпал под шаги отца, когда он уходил на работу, и просыпался под шаги матери, когда она возвращалась домой после обеда. И всю ночь я ждал твоих шагов, малыш.

Слышу голоса за дверью и хлопанье входной двери.

— Звони мне и навещай почаще, Эмилия, — говорит мама. Просто услышав твое имя, я испытываю потрясение. Я заставляю себя оставаться здесь, потому что не знаю, выдержу ли я, если увижу, что ты уезжаешь с другим мужчиной. Я могу сломаться, как это случилось с Райли. Я чувствую напряжение отца на всем расстоянии между нами. Он ждет моего появления. Но я прикуриваю косяк, сажусь у окна, так, чтобы меня не было видно в тени, и жду.

— Если что-то случится, звони мне, что угодно, в любое время, и звони только мне, никому больше, — говорит папа. Он немного любит тебя, Эмилия, и мне это нравится. Нелегко проникнуть в его сердце, но если ты это сделал, то остаешься в нем навсегда.

— Буду, — отвечаешь ты моему отцу. Твой голос такой чертовски расстроенный, и я ненавижу это. Это неправильно, что ты уезжаешь. Твое место здесь — со мной и моей семьей, и я невольно дергаюсь.

Блядь!

Я уже выхожу.

Я слышу, как хлопает дверца машины, Эмилия, и понимаю, что опять опоздал, потому что, когда поднимаюсь наверх, ты уже уехала.

— Черт! — шиплю я и запускаю пальцы в волосы, наблюдая, как белый джип становится все меньше и меньше. Твой запах все еще витает в воздухе.

Черт!

Я ненавижу видеть, как ты уходишь каждый раз, сначала с Райли, потом в этом чертовом доме на пляже, и теперь снова. Это когда-нибудь прекратится? Но я знаю, что на этот раз пойду за тобой.

Тяжелая рука ложится на мое голое плечо, и я, не оборачиваясь, понимаю, что это мой отец.

— Все еще? — спрашивает он.

— Всегда, — и я знаю, Эмилия, что именно это он всегда говорил моей маме.

Мы делаем глубокий вдох.

— Мне нужно ехать в Нью-Йорк, папа.

— Та же девушка, другой парень, тот же город, ты, должно быть, действительно любишь ее.

Он тяжело вздыхает.

— Я выбью для тебя отпуск.

Я немного удивлен, потому что он не спорит.

— Я тоже ему не доверяю, — и он разворачивается, и уходит в дом.

***

Нью-Йорк пахнет помойкой.

И дымом, и мусором.

Все спешат, бегут за вещами, которые им не очень-то и нужны. У всех стресс. Ни у кого нет времени. Все думают только о себе. И никто не замечает, что происходит вокруг. Они заперты в своем собственном пузыре. Это идеальное место для того, что я задумал.

Потому что какое-то время тебе не следует меня видеть, детка.

Я должен быть осторожен.

Я просто не могу ворваться в твою жизнь и растоптать все, что тебе дорого, или то, что делает тебя той, кто ты есть. По крайней мере, поначалу.

Я должен думать.

Моя первая мысль — судьба нас разыгрывает, потому что прямо через дорогу от дома, где живет твой псих Сет, находится ветхий, крошечный, старый мотель. После бесконечного перелета я регистрируюсь и настаиваю на номере с видом на окно Сета. Какое счастливое совпадение. Отцу даже не пришлось помогать мне с наличными. Я оставил Мисси у родителей и взял с собой только самое необходимое. Я не планирую оставаться здесь надолго, только до тех пор, пока не верну тебя.

Я оглядываю здание, но не вижу никакого движения. Мой телефон говорит, что ты там. Даже если я разбил дисплей, твой телефон работает нормально. Ты отправила сообщение доктору Дэниелсу два часа назад, Эмилия. Ты хочешь встретиться с ним.

Мы можем встретиться? — спрашиваешь ты, но ответа нет. Похоже, он не заинтересован в том, чтобы встретиться с тобой.

Я протискиваюсь в этот чертов мини-душ, в котором постоянно меняется горячая и холодная вода. Видишь, на какие жертвы я иду ради тебя, Эмилия.

На этот раз я полетел. Я не смог бы пережить еще 12 часов в машине, даже без отца.

Когда я возвращаюсь в комнату с полотенцем на бедрах, то сразу же снова бросаю взгляд на окно. Дверь ударяется о кровать, когда я ее открываю, точно так же, как дверь в моем кабинете в ФБР бьется о стол, потому что там очень тесно. Неужели мой отец делает это специально?

Жарко. Кондиционера нет, а мотель находится на улице с интенсивным движением в течение всего дня, поэтому горячие испарения проникают через окно.

Все очень громко. И пахнет помоями. Как ты это выдерживаешь, Эмилия? Я надеюсь, что ты останешься здесь и не решишь уехать в общежитие. Тогда все это будет напрасно. Тогда мне придется поступить в твой колледж и учиться, чтобы защищать тебя, а я этого очень не хочу. Я уже учился в колледже, который еле-еле закончил.

Я не могу тебя увидеть, хотя у этого эксгибициониста нет ни штор, ни жалюзи, и я могу заглянуть прямо в квартиру супер-хипстера. Мой телефон вибрирует и показывает новое сообщение на твоем телефоне. Доктор Дэниелс: *Ты можешь зайти в 16:00, потом я заканчиваю.*

Ох, Эмилия, я так зол. Я хочу пойти прямо к твоему Уильяму Дэниелсу и разбить ему лицо, но я не могу. Это было бы безрассудством. И теперь мне всегда приходится думать, прежде чем что-то делать. Забавно, что в последнее время, когда мне нужно подумать, у меня в голове всегда звучит голос моего отца. Он говорит что-то вроде: *Подумай о последствиях своих действий, если ты сделаешь это. Ты же не хочешь напугать ее, Мейсон. У тебя остался только один шанс, Мейсон. Если ты все испортишь, я сам оторву тебе яйца, Мейсон.*

Мне нравятся мои яйца там, где они есть, Эмилия.

Ты пишешь ответ: *хорошо*. К чему такая спешка, Эмилия?

Твоя гордость уязвлена тем, что он заставил тебя ждать так долго. Ты ни на секунду не задумываешься о том, что у него мог быть пациент. Потому что ты убеждаешь себя, что это твоя вина. Что ты всегда виновата, если кто-то теряет интерес, не находит тебя сексуальной или плохо к тебе относится. Даже если ты прошла терапию, а ты прошла достаточно, ты просто не можешь избавиться от некоторых вещей. Ты стала такой уверенной и сильной, Эмилия, но я все еще вижу ту хрупкую девушку с болью в глазах, которая сидела передо мной когда-то. Такую невинную. Именно эту версию тебя я люблю больше всего. Та версия, которая отпугивает всех остальных, потому что они не знают, как с ней справиться.

Мне нужно составить список людей, от которых нужно избавиться, которые не годятся для тебя, Эмилия. И я собираюсь сделать это в строгом соответствии с дневником моего отца. Он поступил точно так же. Не убивая никого, он избавился от всего, что было нехорошо для мамы, и в твоей жизни есть вещи, которые нехороши для тебя. Но давай начнем с малого и будем двигаться постепенно.

Во-первых, доктор Дэниелс...

Я роюсь в чемодане в поисках пары трусов-боксеров и надеваю их, после чего перекидываю полотенце через плечо и открываю окно, чтобы покурить. Я сажусь на подоконник и глубоко затягиваюсь сигаретой; у меня нет с собой травы из-за долбаной службы безопасности аэропорта, но ничего, я просто достану немного позже. Здесь, в Нью-Йорке, дилеры на каждом углу.

Заметив краем глаза движение, я поворачиваю голову к окну Сета — и вот ты, детка. Только вчера ты уехала, а я улетел за тобой в ту же ночь. В Нью-Йорке девять часов утра, но ты, Эмилия, похоже, только что встала. На тебе только трусики и обтягивающий белый топ без лифчика. Волосы уложены в беспорядочную прическу, и ты трешь глаза, держа в руках телефон. Неужели ты проснулась два часа назад, чтобы написать этому неудачнику, а потом снова заснула? *Неужели?*

Ты нервно бегаешь по квартире. Почему ты так нервничаешь, Эмилия?

Внезапно тыходишь к окну и толкаешь его вверх. Ты опираешься на подоконник обеими руками и судорожно вдыхаешь и выдыхаешь. Я хмурюсь. Мне не нравится, как ты бледна, Эмилия.

Бурно жестикулируя, за тобой идет Сет в одних трусах-боксерках, Эмилия. Он обращается к тебе и, похоже, он в ярости. Даже на расстоянии я вижу, как он напряжен, как и я перед тем, как сорваться. Я так крепко сжимаю сигарету между большим и указательным пальцами, что она ломается. Я должен быть осторожен, Эмилия. Я вот-вот ворвусь туда, сорву балку с его потолка и обмотаю ее вокруг его головы или подвешу его на ней и буду использовать как грушу для битья. Ты кричишь на него, что для меня непривычно. Ты никогда так не делаешь, детка. Я не знаю, как бы я отреагировал, если бы ты когда-нибудь сделала это со мной, но я хочу это выяснить.

Стоя лицом к лицу, ты сердито смотришь на него. Даже отсюда я вижу, как неровно ты дышишь. Ты не боишься его. Ты вообще чего-нибудь боишься, Эмилия? Когда ты проходишь мимо него, он хватает тебя за запястье и тянет назад. Он держит твою руку между вами, и вы некоторое время смотрите друг на друга, но он не отпускает ее. Вместо этого он что-то шипит в твой адрес, что заставляет тебя опустить взгляд. Мне это не нравится, Эмилия. *Это* Эмилия, которую я знаю, но она вся *моя*. Я должен оберегать ее, а не какой-то болван, который ее не ценит.

Он сильно дергает тебя за запястье, отчего твои глаза снова вспыхивают. Когда он продолжает шипеть на тебя, ты медленно киваешь. Затем он внезапно отпускает тебя так, что ты, споткнувшись, отступаешь на два шага назад. Черт, Эмилия! Я с трудом сдерживаю себя. Я не могу остановиться. Из более чем восьми миллионов человек — *восемью миллионам* — почему ты выбрала его? Почему ты выбрала *меня*?

Он исчезает и оставляет тебя одну. Ты сползаешь по стене у окна, — я все еще вижу тебя там, — прислоняешься головой к стеклу и закрываешь глаза.

Черт, Эмилия.

Ты плачешь.

Я так зол. Когда он выходит из дома, я слышу голос отца, который говорит мне, что будет, если я не возьму себя в руки, потому что я пойду за ним и буду бить его морду в каком-нибудь переулке, пока кость в его носу не проткнет мозг, а потом меня посадят за решетку за то, что я оставил отпечатки пальцев. И все это из-за тебя, Эмилия. Я всегда это знал. Но тогда все будет напрасно, и я никогда не верну тебя.

Так что я буду сидеть здесь и смотреть, как ты плачешь. Черт. Я не знал, что такое боль, пока не увидел ее на твоём лице, и я ничего не могу сделать, кроме как наблюдать издалека, как я делал это с Райли. Ты даже не знаешь этого, но я все еще здесь, детка. Я всегда рядом, если я тебе нужен.

Я достаю свой телефон и пишу тебе в Инстаграме, потому что ты не заблокировала меня там.

Привет...

Я наблюдаю за тем, как ты смотришь на мигающий телефон, который все еще держишь в руке. Вздыхнув, ты поднимаешь и смотришь на него. Ты удивленно поднимаешь брови, ненадолго закрываешь глаза и застываешь. Ты поджимаешь губы и пишешь ответ.

Что тебе нужно, Мейсон?

Ты пишешь грубо, хотя у тебя все так же хреново, как у маленькой разбитой девочки, которая сидела на полу в моем подвале.

Я хочу знать, как ты, Эмилия.

Я сейчас очень занята, Мейсон. Я в метро, а здесь дурдом, так что выкладывай. Чего ты хочешь? Я уверена, что ты пишешь не просто так. Больше никаких обнаженных фотографий.

Ты откидываешь голову назад и дышишь через рот, сжимая пальцами телефон.

В какую игру ты играешь, Эмилия?

Ты всегда так делала?

Детка, мне достаточно твоих обнаженных фотографий в моем телефоне. Я хочу знать, как ты, Эмилия. Честный ответ.

Ты немного улыбаешься. Я вижу это.

С каких это пор тебя волнует, как у меня дела?

Ты идешь на кухню и включаешь кофеварку. Пока ты это делаешь, ты почти не отрываешь глаз от экрана. Ты умираешь от желания получить от меня ответ.

Если бы я позволил себе задуматься над подобными вопросами, мысль о том, как ты мне дорога, стала бы слишком реальной. Теперь я спрашиваю в последний раз: Эмилия, как у тебя дела или мне приехать в Нью-Йорк и надрать тебе задницу, чтобы ты ответила?

С чашкой кофе ты сидишь на подоконнике, детка. Чтобы ты меня не видела, я отхожу в сторону, хотя это маловероятно, учитывая все окна и людей. Ты вздыхаешь, и тонкий топ

плотно облегает твои изгибы без лифчика. Ты вытягиваешь свои длинные загорелые ноги на подоконнике, как кошка, нежащаяся на солнце. Ты прислоняешься головой к стене.

Ты понимаешь, что все видят тебя такой, какой я вижу тебя сейчас? Нравится ли тебе это? Ты такая же, как мама, Эмилия? Неужели я влюбился в свою мать? Мне противно об этом думать, но разве не все так или иначе это делают? Находят в своих партнерах отца и мать? Я похож на твоего отца, Эмилия, или он на меня?

Я в порядке, Мейсон, а как ты? Ты действительно собираешься вести со мной светскую беседу? Меня окружают примерно два миллиона человек, которые хотят прокатиться на метро.

Ага, думаю я, пока ты делаешь глоток кофе и прикуриваешь сигарету, Эмилия. Однако меня это забавляет, детка, как любит говорить моя мама.

Я не отвечаю, потому что ты не была честна. Если ты не будешь честна, то не получишь никаких ответов, Эмилия.

Ты сидишь и смотришь на свой телефон, словно пытаешься его загипнотизировать. Мне не нравится, что ты куришь, потому что это вредно для тебя, но меня немного заводит то, как ты сидишь и куришь, ожидая моего ответа.

Ты выдерживаешь ровно минуту, прежде чем написать ответ, но на этот раз в WhatsApp, где ты снова меня разблокировала.

? — пишешь ты.

А я отвечаю:

!

Я улыбаюсь, когда вижу, что ты смеешься. Мне нравится смешить тебя. Почему я не делал этого чаще?

Ладно...

Ты печатаешь.

Я чувствую себя дерьмово, это было очень дерьмовое утро. Сейчас я сижу на подоконнике, пью кофе и курю сигарету. Я должна быть на занятиях, но я здесь, смотрю на уродливый мотель через дорогу и на все эти уродливые мусорные баки у двери Сета.

Пришли мне свою фотографию.

Я только что встала, Мейсон.

Я отчетливо слышу ворчание в твоих словах.

Вот почему ты должна прислать ее мне.

Ты снова ухмыляешься. У тебя покраснели щеки, Эмилия?

Ты закатываешь глаза и вздыхаешь, но затем быстро поправляешь волосы, стираешь пальцем макияж под глазами и натягиваешь топик еще ниже, Эмилия! Ты обязательно сделаешь десять фотографий и пришлешь мне одну. Мне нравится, что ты хочешь выглядеть красиво для меня.

Это будет мой новый фон, детка.

Пишу я, и твоя улыбка стоит того, чтобы быть таким искренним.

С каких это пор мы вообще разговариваем, Мейсон?

Спрашиваешь ты, и я вынужден с тобой согласиться. За все это время мы ни разу не разговаривали.

Да, мы никогда особо не разговаривали, ты права, но мы делали много других замечательных вещей, Эмилия.

Ты ерзаешь по подоконнику, Эмилия, и грызешь ноготь. Я тебя нервирую?

Помнишь, как я трахал тебя на работающей стиральной машине, а ты должна была вести себя очень тихо, потому что мама была в соседней комнате?

Я немного поиграю с тобой, детка, позволь мне это сделать.

Ты закрываешь глаза и откидываешь голову назад.

Ты снова чувствуешь меня внутри себя, Эмилия?

МЕЙСОН!

Пишешь ты возмущенно большими буквами и посылаешь смущенный смайлик. Я дьявольски ухмыляюсь и печатаю:

Или тот случай на вечеринке, когда ты надела то облегающее платье и я заставил тебя трижды кончить на заднем сиденье моей машины.

Ты ужасен.

Ты знаешь, что я люблю твою задницу, Эмилия? ЭТО НАВСЕГДА.

Ты не часто говорил мне, что тебе что-то во мне нравится. Так что нет, я не знала.

Я говорю тебе сейчас. Я. Люблю. Твою. Задницу.

И твои глаза.

И твои губы, когда ты зажимаешь их между зубами.

И то, как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не смотрю.

И как ты всегда боялась прижаться ко мне, потому что знала, что мне это не нравится. Но я не спал, Эмилия, когда ты это делала. И я никогда ничего не говорил.

И мне нравится, как блестят твои глаза, когда ты хочешь что-то сказать в ответ, но не решаешься.

И мне нравится, когда ты открываешь себя, чтобы показать мне, как ты сломлена, потому что я знаю, что ты никогда не покажешь этого никому другому.

Мне нравится, что ты всегда кусаешь ногти, когда что-то от меня скрываешь.

Мне нравится, что ты не умеешь лгать, и мне нравится, что я знаю, что ты никогда не предашь меня и не подведешь, что бы ни происходило между нами.

Когда ты жила с нами, с Райли, я всегда с нетерпением ждал, когда вернусь домой и первым увижу тебя.

И мне нравится, что ты краснеешь, когда я говорю что-то, что заставляет тебя чувствовать себя неловко, например, что я хочу трахнуть тебя прямо сейчас.

И мне нравится, что в ту ужасную ночь, когда потерял тебя, я все еще видел любовь в твоих глазах.

И мне нравится, что одного твоего прикосновения достаточно, чтобы я снова вернулся на землю.

И мне нравится, как ты улыбаешься, когда я захожу в комнату, и быстро отводишь взгляд, чтобы я этого не заметил.

И мне нравится, как ты смотришь на меня, когда я полуголый. И даже тогда ты думаешь, что я этого не вижу. Я вижу все, что ты делаешь, Эмилия.

Мне нравится, что независимо от того, сколько людей было вокруг нас, я всегда чувствовал твое присутствие. Твои глаза всегда следовали за мной, как и мои глаза — всегда за тобой.

Мне продолжать?

Я нажал кнопку «Отправить», хотя мог бы продолжать этот список бесконечно. Ты читаешь его, всхлипываешь и закрываешь рот рукой. Ты не ожидала этого, не так ли? Я знаю, что ты слишком потрясена, чтобы ответить прямо сейчас.

Я так сосредоточился на тебе, что испугался не меньше, чем ты, когда Сет вошел в комнату и увидел, что ты плачешь на окне. Он, наверное, думает, что это из-за него, потому что подходит к тебе и целует тебя.

Он кладет обе руки на твои щеки, Эмилия. Мне это не нравится.

И ты, наверное, так боишься, что он узнает, почему ты на самом деле плачешь, что оставляешь свой мобильный телефон и ведешь его к матрасу в лофте. Потом ты раздеваешься, но я отворачиваюсь, потому что не могу смотреть на это снова.

Блядь!

30. Сними трусики, Эмилия

Мейсон

Сейчас шесть часов, и ты с доктором Дэниелсом, Эмилия.

Мой папа иногда бывает очень крутым. Когда я попросил его немного пошпионить за доктором Уильямом Дэниелсом, он дал мне доступ к камере его ноутбука. Теперь я могу видеть и слышать все, о чем вы говорите, Эмилия. Разве это не удивительно?

Папа даже не спросил зачем, он просто сказал:

— Две минуты.

Мне нравится, что у моего отца нет угрызений совести. Наверное, это у меня от него. Неудивительно, что я такое дерьмо.

В общем, сейчас ты сидишь на диване полностью одетая — слава богу — напротив этого говнюка, который все время пялится на твои сиськи, Эмилия, а они у тебя не маленькие. Тебе нравится, что он хочет тебя. А меня бесит, что он не тот жирный отвратительный урод, которого я представлял себе в своей голове. Этот ублюдок мог бы быть моим отцом. Он ровесник моего отца и тоже на него похож. Эмилия. Это отвратительно. Ты воображаешь, что трахаешь моего отца?

Я слушаю. Ты теребишь платок в своих руках. Это клише, Эмилия. Ты нервничаешь.

— Что случилось, Эмилия? — спрашивает Дэниелс. — О чем ты хотела поговорить?

— Мы ездили туда, — отвечаешь ты.

— Я слышал тебя. Ты спала с ним?

— Что? — отвечаешь ты, смущаясь.

— Он ответил на звонок твоего мобильного, поэтому я и спрашиваю. Он его разбил? — Он смотрит на твой треснувший дисплей.

— Нет, я с ним не спала. Да, это он сделал.

— Он по-прежнему претендует на тебя?

— Да, и это тоже.

— И? Что ты чувствуешь по этому поводу?

— Что я должна чувствовать? Сет вне себя от ревности. Мейсон вдруг пишет мне о том, как сильно он меня любит, что до этого он говорил или делал лишь однажды, а ты злишься, Уилл. Что происходит?

— Естественно, он вне себя от ревности, Эмилия. Я могу себе представить, как это было. Кроме того, ты знаешь, почему он вдруг начал писать тебе эти вещи, не так ли? Он манипулирует тобой, он психопат, и он хочет тебя, потому что увидел, что ты принадлежишь кому-то другому. Все просто. И да, я злюсь. Ты просто приходишь сюда и трахаешь меня, потому что тебе так хочется. Потом ты уходишь, а на твой телефон отвечает какой-то другой парень. Как я должен на это реагировать, Эмилия?

Позволь мне сказать тебе, Эмилия, как все обстоит на самом деле. Этот ублюдок хочет тебя для себя, и все, что стоит на его пути, его беспокоит. Ты так влияешь на мужчин, Эмилия. Вот почему тебя не следует выпускать из нашего подвала. Теперь ты знаешь, какой ты человек, и ты стала более уверенной в себе. Как ты думаешь, Эмилия, как это влияет на мужчин?

— Извини, — спокойно отвечаешь ты, и я закатываю глаза. — С Мейсоном все не так

просто. Все гораздо глубже, чем обычная ревность. — Доктор Дэниелс сжимает челюсть, Эмилия. — А что касается Сета, я знаю, что не люблю его, он Мейсон 2.0, но у него есть и хорошие черты. Он был рядом со мной, когда я нуждалась в нем, а я предала его с тобой, Уилл. — Скучая, он смотрит на тебя, малышка, положив подбородок на кулак. Он знает, что ты не можешь справиться с отказом, и собирается воспользоваться этим, Эмилия. Я вижу это даже через камеру.

— Я не знаю, Эмилия, может быть, нам стоит просто забыть об этом. Все слишком усложнилось, теперь в этом участвует третья сторона. Может быть, тебе стоит найти нового психотерапевта.

Вот об этом я и говорю.

— Что? — спрашиваешь ты, — Но я хожу к тебе уже два года. Ты знаешь всю мою историю, и я тебе доверяю! — Ты откидываешь волосы на другую сторону — признак того, что ты начинаешь нервничать. — Ты не можешь так поступить со мной, Уилл.

— А что еще я могу сделать? Радоваться, что ты приходишь раз в неделю, и делить тебя всю остальную неделю с двумя другими парнями? — О, черт, Эмилия, ты запудрила ему мозги больше, чем я думал, или он тебе, я не знаю. Но мне это не нравится.

— Я знаю, почему ты выбрала этого человека, Эмилия. — Да? — Но тебе придется разобраться в этом самой. — А я знаю, почему ты выбрала *этого* типа, потому что у тебя *проблемы с отцом. Большие проблемы с отцом.*

— Уилл, не злись на меня. — Это твой сексуальный голос. Ты играешь со своими волосами и проводишь рукой по ключицам. Ты такая стерва. — Ты единственный, кому я могу все это рассказать. Что мне делать, если я не смогу прийти к тебе? Я не хочу нового психотерапевта. Нужно много времени, чтобы начать доверять кому-то, Уилл. — Эмилия, я сейчас приеду и вытащу тебя за волосы из его кабинета, и тогда этой проблемы больше не будет. — Ты не можешь бросить меня, когда я нахожусь в таком мраке. Как человек или как терапевт, ты не сделаешь ничего подобного. — Он глубоко вздыхает, откидывается назад и расслабляется в своем кресле. Эмилия, я знаю, что он делает. Я тоже так делаю. Каждый мужчина так делает.

Опираясь локтем на подлокотник, он наклоняет голову и упирается виском в кулак.

— Убеди меня, Эмилия, — говорит он почти со скукой.

Эмилия, ты встаешь! Надеюсь, чтобы уйти! Но ты шагаешь к нему и по пути снимаешь с себя одежду. Опять ты без лифчика, Эмилия. Я собираюсь отшлепать тебя по заднице.

Мне поехать и сделать это сейчас или отключиться?

Меня просто разрывает, когда ты расстегиваешь его рубашку.

Я не могу позволить тебе сделать это, Эмилия. Ну, я должен что-то сделать, потому что ты уже сидишь у него на коленях, его руки у тебя за спиной, и вы целуетесь. Сегодня утром ты уже занималась сексом с другим. Разве этого недостаточно? Думаю, я должен поступить так же, как мой отец. Я должен защитить тебя от самой себя. Каждая женщина проходит этот этап, Эмилия. Мне не нравится эта стадия. Поэтому я звоню тебе, а когда ты не берешь трубку, я еще несколько раз набираю твой номер, пока ты не раздражаешься, не встаешь с его колен и не видишь, что это я.

— Блядь! — шепчешь ты и переводишь взгляд с телефона на этого ублюдка. Ты выглядишь так, будто я разбудил тебя ото сна. — Что мы делаем, Уилл? — Ты достаешь свой топ и надеваешь его обратно. Урод, напротив, сидит, не двигаясь в своем кресле, рубашка наполовину расстегнута, и все еще смотрит на тебя затуманенными глазами. — Я не могу

этого сделать. Надо прекратить это! — Это то, что я хотел услышать, детка.

— Почему? Что случилось? — спрашивает он и садится.

— Просто забудь об этом, Уилл... — Ты, кажется, совершенно не в себе. — Я должна идти. — Ты достаешь сумочку, не дожидаясь, пока он что-то скажет.

Я смутил тебя, Эмилия. Мне это нравится.

***

— Привет! — говорю я, опускаясь на его диван. Он уже закончил. Ты ушла 15 минут назад.

— Извините, но вам нужно записаться на прием, — говорит он в замешательстве, скептически глядя на меня. Ты показывала ему мои фотографии, Эмилия, или видео? Может быть, наше видео? И после этого трахалась с ним?

— Это не займет много времени! — Я закидываю лодыжку правой ноги на левое колено и вытягиваю одну руку на подлокотник. Именно здесь ты сидела минуты назад, Эмилия, показывая ему свои сиськи, когда наклонилась, чтобы достать салфетку из коробки. Она все еще лежит на столе передо мной. Я держу свой значок у него под носом и с наслаждением произношу следующие слова.

— ФБР, Мейсон Раш. Вы, наверное, знаете меня по фотографиям и рассказам. Я — психопат-манипулятор. — Доктор Дэниелс кажется немного бледным, Эмилия, и он тут же напрягается.

— Мистер Раш, я не могу разглашать информацию, полученную на моих сеансах, ни ФБР, ни полиции.

— Сейчас, сейчас, у меня есть своя информация. Например, вам нравится взаимодействовать со своими пациентами. *Сексуально.*

— Это не является уголовным преступлением.

— Конечно. — Я бросаю на стол пакет с кокаином, который я получил в камере хранения вещественных доказательств нью-йоркского полицейского управления, просто воспользовавшись своим жетоном. Фамилия *Rash* известна даже здесь. — Но распространение кокаина среди пациентов является федеральным преступлением.

Теперь, Эмилия, кажется, что его вот-вот стошнит на стол. Я откидываюсь назад и кладу руки на подлокотники.

— Естественно, я могу не арестовывать тебя за торговлю наркотиками, но ты должен держать руки подальше от Эмили Салливан, это, само собой разумеется. Ты не будешь больше смотреть на нее, не будешь прикасаться к ней и, конечно, не будешь отвечать, когда она свяжется с тобой. Ты все понял? — Наконец, я перестаю говорить непринужденным тоном и перехожу на тон не-связывайся-со-мной. Мой отец гордился бы мной. Я не впечатал его лицом в кофейный столик, как я хотел, Эмилия.

Он сглатывает.

— Понял, — грубо отвечает он. Я усмехаюсь, поднимаюсь и указываю ему на пакетик на столе. — Я оставлю его здесь, он нужен тебе больше, чем мне, — и выхожу из кабинета.

Проблема номер один решена.

***

Эй, чем занимаешься?

Неожиданно приходит смс.

Я лежу в постели, Эмилия. У меня наконец-то появилась травка и работает потолочный вентилятор. Моя жизнь не так уж плоха. Мы попрощались с Доктором Дэниелсом, и я принял душ. Слава Богу, уже не так жарко. Я сажусь и подглядываю за тобой. Ты готовишь, а Венера, твоя белая овчарка, стоит за твоей спиной, надеясь, что что-нибудь упадет на пол, как это делает Мисси.

На тебе только его рубашка, Эмилия. Твои волосы откинута назад, зажаты зажимом на шее, и ты, вероятно, готовишь для *него*. Где он вообще? Уже восемь часов вечера, и он точно уже не на занятиях. Прежде чем ответить тебе, я звоню отцу.

— Привет, папа...

— Мейсон, что случилось? Твоя мама приготовила нам ужин, и он особенный. В чем дело?

— О, я не хочу прерывать твой ужин, пап. Твой ужин наконец-то-Мейсон-уехал-насовсем. Речь идет об Эмили.

— Что с Эмилией, Мейсон?

— Ты можешь проверить ее парня? Мне кажется, он немного не в себе.

— Я уже сделал это. Пришлю тебе материалы завтра, ты, чертова жаба. — О, я немного озадачен.

— Ладно, не забывай пользоваться противозачаточными средствами, — говорю я.

— Конечно, я никогда не забываю об их использовании с тех пор, как ты родился. Пока! — Папа всегда такой забавный.

Теперь я могу ответить, просто позвонив тебе.

Ложка, которой ты что-то помешиваешь, выпадает у тебя из рук, когда ты видишь мое имя на разбитом экране, но ты все равно отвечаешь. Сразу же. Вот так мне нравится, Эмилия. Мы снова начинаем понимать друг друга, как никогда раньше.

— Привет..., — говоришь ты, слегка задыхаясь. Ты такая милая, детка.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, наблюдая, как ты прикусываешь губу, пока твоя собака лижет деревянную ложку на полу. Тебя заводит мой голос, Эмилия?

— Да, я в порядке, а ты?

— Ты ведешь со мной светскую беседу, Эмилия? — Ты закрываешь глаза, потому что тебе неловко. — Что с тобой? — спрашиваю я снова. Меня это немного удивляет, Эмилия.

— Ничего, я просто решила спросить, что ты делаешь. Просто так. Разве я больше не могу этого делать? — Ты поднимаешь деревянную ложку и так нервничаешь, что опускаешь ее обратно в кастрюлю и произносишь: — Черт! — после чего резко вытаскиваешь ее, разбрызгивая томатный соус по всей кухне. Мне приходится быть осторожным, чтобы не рассмеяться вслух. Ты всегда была такой смешной или просто никогда не позволяла мне это увидеть?

— Конечно, можно, но, когда мы виделись в последний раз, это прозвучало как прощание, Эмилия. Ты скучаешь по мне?

— Что? Нет!

— Нет? — Ты сидишь на полу в кухне, не замечая, что Венера поставила передние лапы на стойку, вылизывая кастрюлю, Эмилия. Возможно, тебе все равно, потому что я — это все, что имеет для тебя значение.

— Да, — шепчешь ты.

— Хочешь, я приеду, детка? — *Я ближе, чем ты думаешь.* Как бы ты отреагировала, если бы я оказался рядом через две минуты?

Но ты говоришь:

— Нет — и, закрыв глаза, прислоняешься головой к кухонным шкафам.

— Я тоже по тебе скучаю, — признаюсь я. Еще несколько лет назад это было бы для меня невыносимо. Когда я говорю тебе такие вещи, это застаёт тебя врасплох.

— Почему ты вдруг стал таким, Мейсон?

— Вдруг? Мне понадобилось три года, чтобы вытащить голову из задницы, Эмилия.

— Я бы хотела, чтобы это произошло три года назад.

— Три года назад я был озабоченным ублюдком. — Ты молчишь, подтягиваешь колени к груди и обхватываешь их руками. — Я знаю, о чем ты думаешь.

— Ты не знаешь, что я почувствовала, когда увидела тебя с ней. — Я тоже вынужден закрыть глаза, потому что, как и она, вижу перед собой тот же момент: то, как ты смотрела на меня. Боже, я больше никогда не хочу, чтобы ты так на меня смотрела.

— Ты могла подумать, что я хотел отомстить за то, что ты сделала с Райли у меня на глазах, но это не так. То, что я сделал, было гораздо хуже, Эмилия, потому что я думал, что испытываю к ней *чувства* из-за какой-то детской иллюзии, и потому что я делал это не один раз, а часто, пока ты спала... — Ты сглатываешь и еще сильнее зажимаешь глаза. Я слышу, как быстро и неровно ты дышишь. — Я так боялся любить тебя, Эмилия, что искал более легкий путь, и с Черри это казалось проще. Она — простой человек, а ты — глубокий, сложный и запутанный, но именно это меня так привлекает в тебе. Я просто не видел этого. Я тянул тебя вниз. Я даже не позволил тебе поступить в колледж. Я хотел владеть тобой, боялся, что кто-то отнимет тебя у меня. Может быть, мне было проще разбить тебе сердце, чтобы не разбираться со всем тем дерьмом, которое творилось в моем сердце. Я не знаю. Дело было не в ней. Это была иллюзия, созданная моим воображением, и мой страх перед тобой. Прости меня. — Ты глубоко дышишь, и я понимаю, что нужно время, чтобы слова дошли до тебя.

— Я доверяла тебе. Ты всегда был таким ревнивым, Мейсон, ты даже не давал мне поговорить с Райли. То, что ты сделал, выбило у меня почву из-под ног. Если бы ты только признался мне до того, как я тебя поймала и выяснила все сама. Это было слишком. Я до сих пор точно помню, где были ее руки, где были твои руки и ее ноги, и как ты стонал, Мейсон, и где ты ее целовал. Я просто не могу этого забыть, сколько бы сеансов терапии я ни прошла. Как бы я ни старалась оставить прошлое позади.

— Я ничего об этом не помню. Я вижу только то, как ты тогда смотрела на меня.

Ты прочищаешь горло, потому что боишься, что твой голос может сорваться. Я знаю, что у тебя в горле комок. У меня самого он есть.

— Что ты хочешь от меня теперь, Мейсон? В чем смысл? Это уже случилось.

Я просто сказал, не задумываясь, Эмилия, потому что это чертова правда.

— Я скучаю по тебе и хочу, чтобы ты вернулась. Я хочу, чтобы ты порвала с этим ублюдком, потому что он тебе не подходит. Эта жизнь здесь не подходит тебе. Возвращайся домой, ко мне.

Ты смеешься безрадостно.

— И что потом, Мейсон? Будем сидеть в твоём подвале и ничего не делать?

— Детка, я работаю, ты работаешь. Мы уже не те, что были три года назад.

На этот раз я отчетливо слышу улыбку в твоём голосе и вижу ее на твоих губах.

— Жизнь с Мейсоном Рашем, дети и все такое?

Я тихонько хихикаю и замечаю, как ты вздрагиваешь.

— Все, что ты захочешь.

— Ты *действительно* только что это сказал? — спрашиваешь ты, забавляясь, и я улыбаюсь.

— Если я говорю, что сделаю для тебя все, что угодно, и это не просто фигура речи. Я говорю серьезно, Эмилия.

Ты вздыхаешь.

— Я не могу, Мейсон. Я построила здесь свою жизнь, которая меня устраивает, и я знаю, что, если ты войдешь в эту жизнь, ты принесешь только хаос и беспорядок. Мы оба слишком глубоко затягиваем друг друга во тьму, и я боюсь, что в следующий раз не найду выхода.

— Черт, Эмилия! — кричу я в трубку, потому что твои слова причиняют боль.

— Ты злишься, Мейсон? — Я дергаю себя за волосы одной рукой, пытаюсь успокоиться, пытаюсь думать о последствиях. Ты бы повесила трубку, и все было бы кончено.

— Нет, я не злюсь, — говорю сквозь стиснутые зубы. Но ты только смеешься, потому что не стоишь передо мной, а значит, тебе нечего бояться.

— Потому что ты не получаешь того, чего хочешь?

— Кто это сказал? Может быть, мне просто нужно подождать еще немного.

— Если ты чего-то и не умеешь, так это ждать.

— Я ждал три года. Я могу подождать еще немного.

— Ты ждал меня три года? — Твой голос дразнит, и бровь приподнимается. Эмилия, ты пытаешься меня спровоцировать?

— Конечно, я ждал три года ради этой задницы. — Ты краснеешь, Эмилия. — Я бы хотел, чтобы ты сейчас была не так далеко от меня, чтобы я мог уговорить тебя на быстрый секс.

— Я не думаю, что тебе пришлось бы меня уговаривать! — вырвалось у тебя, и ты прикрыла рот рукой, широко раскрыв глаза. Думаю, ты не ожидала, что скажешь это.

— Правда? Когда ты была здесь в эти выходные, если бы я немного постарался, у меня был бы шанс?

— У тебя всегда есть шанс со мной, Мейсон, это и есть моя проблема с тобой. — Черт, я собираюсь пойти и использовать этот шанс. От меня требуются все мои силы, чтобы не сделать этого, потому что последствия будут такими, что меня поймают, и ты больше никогда не будешь мне доверять.

— Черт, Эмилия... — хрипло шепчу я, потому что ты заставляешь мой член твердеть.

— Что, Мейсон? — невинно отвечаешь ты. О, Боже, какая же ты сука!

— Я хочу трахнуть тебя прямо сейчас, — говорю я *уверенно*.

Твой смех становится натянутым, и ты меняешь положение на полу каждую секунду. Твое дыхание учащается.

— Ну, этого не будет. Между нами километры, и у меня есть парень, Мейсон.

— Не напоминай мне об *этом*, — с досадой рычу я.

— Но это факт.

— Факт: ты *моя* девочка и ты снимешь свои трусики... сейчас же! — Ты задерживаешь дыхание.

— Что? Нет, не сниму. Почему ты думаешь, что на мне вообще есть трусики, Мейсон?

Я поднимаю брови.

— О, Эмилия, что с тобой не так? Я никогда не видел тебя такой. — Эмилия, ты оглядываешься по сторонам и раздумываешь, не подыграть ли тебе.

— Ты сделал меня такой. Я постоянно слышу твой голос в своей голове. Он говорит самые мерзкие вещи и указывает мне, что делать во время секса.

— Эмилия, — рычу я.

— Что? — нахально спрашиваешь ты. — Что ты хочешь, чтобы я сделала, Мейсон? У меня нет никаких запретов.

— Сними. Свои. Трусики. — Ты делаешь это, Эмилия. Ты снимаешь свои трусики и бросаешь их на обеденный стол. Ты маленькая сучка.

— Где ты сейчас находишься? — спрашиваю я. Мое дыхание уже участилось. Ни хрена себе.

— На полу в кухне.

— Сядь на кухонную стойку. — Ты хихикаешь, но подчиняешься. О, детка, теперь я так хорошо тебя вижу. Лучше не думать о других ублюдках, которые тоже могут тебя увидеть.

— Что на тебе надето?

— Футболка, без лифчика. — Мне нравится, как грязно звучит твой голос.

— Снимай!

Ты делаешь это, вот так.

Ты такая маленькая сучка с нереальным, невероятно горячим телом.

Блядь, ты в ста шагах от меня, сидишь голая на кухонном столе!

— Как ты думаешь, где бы я тебя сейчас потрогал?

— Здесь, — тут же отвечаешь ты и тянешься к шее.

— Детка, я тебя не вижу. — Ты хихикаешь и говоришь: — На шее... и ты бы положил свой большой палец мне на губы и погладил их. Это наша фишка. — Черт, да, Эмилия, именно так.

— А что бы я сделал потом?

— Ты бы целовал мое тело... вот здесь. — Ты гладишь свою грудь, а затем бока. Интересно, догадываешься ли ты, что я наблюдаю за тобой, потому что то, что ты делаешь сейчас — это самое сексуальное, что ты когда-либо делала, Эмилия.

— Я не вижу тебя, Эмилия. — Ты снова хихикаешь. Ты так возбуждена. — Где ты хочешь меня почувствовать? Только не говори «там».

— Моя грудь!

— Если хочешь, я могу погладить твою грудь, — небрежно предлагаю я и слышу, как ты резко вдыхаешь воздух.

— Да, сделай это, — шепчешь ты, и мне приходится лезть в брюки и хвататься за член от тона твоего голоса. Ты. Меня. Завела.

— Что бы ты сделала, Эмилия? — Как новая ты, сучка!

— Я бы села на тебя сверху, потому что не смогла бы остановиться, Мейсон.

— Блядь! — Я ругаюсь и крепче сжимаю член, когда ты проникаешь в себя двумя пальцами.

— А потом я бы... — Ты стонешь: — Стонала, потому что ты так глубоко заполняешь меня. Ты такой большой, мне этого не хватает.

— Мне тоже, ты даже не представляешь, как сильно!

— Ты ласкаешь себя, Мейсон?

— Ты ласкаешь себя, Эмилия?

— Да.

— Да.

Мы одновременно смеемся и стонем.

Ты стонешь мне в ухо, Эмилия. Я слушаю и, блядь, вот-вот кончу, хотя я расстроен тем, что не могу вставить член в твою киску и вынужден дрочить в руку.

— Блядь, Мейсон, — шепчешь ты.

— Я хочу трахнуть тебя в задницу, Эмилия.

— И я хочу тебя, Мейсон.

— Блядь! — Я задыхаюсь и напрягаюсь.

— Блядь! — Ты тоже задыхаешься, но не по той причине, по которой я хочу. — Я думаю, Сет скоро будет дома. Мне нужно идти.

— Что? — Я бросаю взгляд в окно, и действительно, едва ты успеваешь влезть в рубашку и трусики, как он входит. Видимо, Венера предупредила тебя, подбежав к двери и прыгая вверх-вниз.

Гребаное.

Дерьмо.

31. Я должен позаботиться об этом для тебя, детка

Мейсон

Я еду в твой университет, Эмилия, и, сидя на заднем сиденье такси, пролистываю информацию, которую прислал мне папа. О твоём парне.

Он не самый хороший человек. Здесь есть все: и обвинения в хранении наркотиков, и нападения, и секс в общественном месте. Он отсидел три месяца в тюрьме за то, что чуть не забил парня до смерти.

Ты знала, что он сидел в тюрьме, Эмилия?

Ты вообще что-нибудь о нём знаешь?

Отец, слава Богу, снял с меня судимость, иначе у меня не было бы шансов в ФБР, но мы действительно одинаковые, твой парень и я. Мне это не нравится, Эмилия.

Такой парень, как он, недостаточно хорош для тебя.

Я недостаточно хорош для тебя.

И Доктор Дэниелс недостаточно хорош для тебя.

Но я могу хотя бы попытаться быть достаточно хорошим для тебя. Я имею в виду, что там говорилось о признании своих ошибок, о том, чтобы сделать первый шаг и все такое?

Я подъезжаю к университету и даю таксисту чаевые, прежде чем выйти из машины. Все вокруг зеленое, как будто из книжки с картинками. Повсюду люди с рюкзаками, планшетами и в очках для ботаников, которые считают себя лучше других. Я ненавижу студентов, Эмилия. Они считают себя врачами только потому, что изучают медицину первый семестр, и тут же распаковывают аптечку, когда кто-то падает в обморок после драки в баре. Я все это уже проходил.

Я хочу увидеть, чем ты занимаешься весь день. Я хочу увидеть, как ты улыбаешься, когда я пишу тебе, сидя в классе. И я хочу увидеть, какие отношения между вами. Прислонившись к дереву, я прикуриваю сигарету и засовываю руку в карман. Другой рукой я проверяю, где ты. Ты все ближе, Эмилия. Красная точка двигается прямо на меня, и я отступаю за дерево, когда ты проходишь мимо. С ним! Он крепко обнимает тебя за плечи — он хочет показать всем, что ты принадлежишь ему. Он должен это сделать, потому что ты выглядишь чертовски горячо. Джинсовые шорты открывают очертания твоей задницы. Я обожаю твою задницу! Я хочу увидеть отпечатки своих рук, выглядывающих из-под шорт. На тебе черная футболка с изображением Rolling Stones. Волнистые волосы распущены и свисают через одно плечо. Ты такая сексуальная, Эмилия, и на тебе почти нет косметики, кроме сочной красной помады. Твои глаза скрыты за солнцезащитными очками, что меня расстраивает, Эмилия. Я хочу видеть, что в них происходит — всегда. Твой мобильный телефон опасно торчит из заднего кармана шорт, готовый в любой момент выпасть. Но тебе все равно. Он уже разбит, благодаря мне. Твои пальцы переплетаются с его пальцами. Ты когда-нибудь представляла, что они — мои?

Я позволяю тебе пройти мимо, Эмилия, потому что пока я здесь не для того, чтобы забрать тебя. Это произойдет достаточно скоро. Но пока я должен быть терпелив и думать о последствиях.

Сегодня у меня другая миссия, Эмилия. Я жду невысокую, грудастую, кудрявую блондинку. Нет, не потому, что я хочу ее подцепить, а потому, что она твоя подруга и *мне*

нужно ее проверить. Я помню, как у тебя была только одна подруга, о которой я знал. Это была Хлоя? Клоя? Клэр? Кларисса? Кто-то на К. В любом случае, я знаю, что вы перестали общаться из-за меня, но это было к лучшему, Эмилия. Она была недостаточно хороша для тебя. И теперь я должен выяснить, что из себя представляет эта Бриджит. Ты плохо разбираешься в людях, Эмилия. Я должен исправить это для тебя, детка. Я должен позаботиться о тебе.

Бриджит — это катастрофа, как и моя мама. Ее рубашка наполовину торчит из джинсов, волосы в беспорядке. Ее ноутбук без чехла прижат к груди, а другой рукой она что-то ищет в своей сумке. Я вижу катастрофу еще до того, как организовал ее. Она ругается и пытается справиться с собой, но у нее ничего не получается, и прежде чем я успеваю среагировать, ноутбук выскользывает из ее руки, и она едва успевает его поймать.

— Черт! — шипит она. В этот момент я выхожу из тени и встаю на ее пути.

Поскольку она все еще отвлечена, она идет прямо на меня. Какое совпадение.

Она смотрит на мою грудь, прикрытую темно-зеленой рубашкой. Ее глаза немного расширяются, и она медленно поднимает взгляд все выше и выше. Я вздыхаю. Женщины всегда так долго не могут обратиться ко мне, потому что сначала им приходится целую вечность смотреть на меня. Я ненавижу это. Я хочу сказать ей, что мои глаза находятся здесь, *наверху*. Если бы я все время пялился на ее грудь, я был бы извращенцем. Я серьезно. Я ненавижу феминисток.

Теперь она добралась до моего подбородка.

— Привет! — говорю я, и она вздрагивает. Наконец, она смотрит мне в глаза.

Она моргает и становится похожа на оленя, которым ты когда-то была.

— Привет?

— Кофе?

Карие глаза Бриджит становятся большими, как блюдца, Эмилия. Она быстро запихивает рубашку в брюки и заправляет свои дикие кудри за уши. Она красивая и неуверенная в себе. Но она не ты, поэтому она меня совершенно не интересуется.

— Кофе? — спросила она, задыхаясь.

— Арабский горячий напиток. Обычно употребляется по утрам. Пробуждает дух. Хочешь?

— Конечно. — Она больше хрипит, чем говорит. Естественно, у нее должна быть лекция, но она о ней забывает. Такой парень, как я, еще никогда не приглашал ее на кофе. Она слишком закрытая, слишком простая, слишком естественная. Мы, мужики, идиоты, нам больше нравятся кролики из «Плейбоя».

Рядом с кампусом есть хорошо укомплектованный Старбакс, и я собираюсь устроиться с ней в уютном уголке. Бриджит смотрит как рыба, с открытым ртом, и мне приходится заставлять себя быть милым.

Мы берем два кофе, которые стоят в три раза дороже, чем те, что можно купить на любой улице, и даже на половину не так вкусны. Фильтрованный кофе. Не стоит и 50 центов.

Я откинулся назад и положил одну руку на спинку сиденья. Она смотрит на мои бицепсы и татуировки, Эмилия, вероятно, представляя, как это будет, если я прижму ее к стене и трахну, потому что я из тех, кто так делает.

— Итак? Откуда ты? — спрашиваю я.

— Из Нью-Йорка!

— Что ты изучаешь?

— Фотографию.

— У тебя есть друзья? — мне не хватает терпения ходить вокруг да около, Эмилия.

— Эм... — Она выглядит смущенной. — Да?

Чтобы она ничего не заподозрила, я также спрашиваю:

— У тебя есть парень? — и она краснеет.

— Не совсем. — О... у маленькой, милой Бриджит есть любовник, не так ли?

— Не совсем?

— Ну, есть кое-кто, но это немного неопределенно, и я не знаю, действительно ли я ему нужна... Зачем я тебе это рассказываю? Я даже не знаю, как тебя зовут.

Я так рад, что прочитал дневник моего отца. Он так многому меня научил. Я бы с удовольствием небрежно надел солнцезащитные очки.

— Меня зовут Джон.

— Джон? — спрашивает она, критически оглядывая меня. — Ты не похож на Джона.

— А на кого я похож, детка?

— Хм... может быть Кайл, или Алек, или Коул, или что-то сложное.

О, Эмилия, она дает мне так много возможностей, но я не собираюсь на них клюнуть, потому что я не ищу секса. Ни с ней, ни с кем-либо другим, кроме тебя. На одиннадцать часов от меня появляется миниатюрная брюнетка, которая все это время пялится на меня, а на девять часов я обнаруживаю миниатюрную азиатку, не считая официантки, которая нарисовала маленькое сердечко на моей чашке, Эмилия.

— Как тебя зовут?

Она задумывается, потягивая свой напиток.

— Меня зовут Бриджит, но не Бриджит Джонс. Эшфорд.

— И что, Бриджит Эшфорд? У тебя когда-нибудь был секс на одну ночь?

Она хмурится и думает, что я приглашаю ее к себе.

— Гм... — Она краснеет и неуверенно барабанит пальцами по столу, пока я от нечего делать двигаю пепельницу, которой здесь все равно нельзя пользоваться, слева направо.

— Просто любопытно, — объясняю я. — Потому что я хочу знать, с кем пью кофе.

— Неужели пить кофе — это так интимно для тебя? — спрашивает она, забавляясь. Она мне нравится, Эмилия. — Я как-то пробовала, но это не для меня. Я думаю, что нужно знать и любить друг друга или, по крайней мере, быть достаточно близкими друг с другом, чтобы... ну, чтобы быть в состоянии сделать это, — продолжает она.

Эмилия, она была бы хорошей парой для Райли, я это сразу вижу.

— Мне нравится твоя позиция, — говорю я. — А как ты относишься к наркотикам?

Она поднимает бровь.

— Ты хочешь мне что-то продать? Ты дилер или коп?

Я загадочно улыбаюсь.

— Ни то, ни другое.

— Понятно, речь все еще идет о кофе.

— Верно.

— Никаких наркотиков, разве что на вечеринках, когда косяк передают по кругу.

— Хорошая позиция, Бриджит Эшфорд.

Я наклоняюсь вперед и упираюсь подбородком в кулак.

— Итак, с кем ты дружишь? — Я знаю, что мой взгляд гипнотизирует ее. Именно такой

взгляд заставляет большинство проституток не визжать, что я снова *злоупотребляю властью*.

— Вообще-то, друзей у меня немного. — Она задумывается и выглядит немного удивленной. — Ну, если говорить о настоящей дружбе, то у меня есть только одна подруга. Эмилия Салливан — так ее зовут. — Затем она качает головой. — Зачем я тебе это рассказываю? — Я слегка усмехаюсь, потому что услышал твое имя, детка. Это действительно неловко. Я все время думаю о вчерашнем дне, когда ты сидела на стойке и делала все эти вещи, и я становлюсь твердым. Сейчас это не к месту.

— И почему только она?

Она выпячивает нижнюю губу и пожимает плечами.

— Потому что Эмми — единственная, кому я могу рассказать обо всем без осуждения. Я знаю ее с детства. Она была моей соседкой, и мы вместе проходили через всякое дерьмо. Моя мама была похожа на ее маму, а ее мама была дерьмом, как и ее отец. Я рада, что он умер. И я не знаю, где ее мать. Ой, блин, я опять слишком много говорю, извини. Это случается постоянно.

Я снисходительно машу рукой.

— Мне интересно, когда ты рассказываешь о ком-то. У тебя приятный голос, Бриджит. — Она вздрагивает, когда я произношу ее имя, и слегка встряхивает головой, чтобы прийти в себя.

— Ну, насчет этого я не знаю. Однако Эмми переехала, потому что встретила кое-кого. — Она краснеет. Что это значит, Эмилия? — Вот почему мы потеряли связь. Она вернулась три года назад и сразу же связалась со мной. У нее был тяжелый разрыв — с Райли — и ей было не очень хорошо. — Я бы с удовольствием сказал ей, что это из-за меня у тебя не все в порядке, а не из-за него, но промолчу. В конце концов, конспирация — это все. Я не знаю, что ты ей сказала, детка.

— И я была рядом с ней, не спрашивая лишнего. Потому что это наша фишка, независимо от того, как долго мы находимся в разлуке друг с другом. Как только мы снова вместе, мы как будто никогда не были врозь. — Я знаю, Эмилия, ты так влияешь на всех. Даже на меня. — Ну, сейчас она с Сетом. Он парень из нашего класса, и она пытается свести меня со своим бывшим, но меня это не устраивает, да и его, думаю, тоже. Я думаю, он все еще тоскует по ней. В любом случае, все, о чем мы говорили, это Эмилия, как будто наше свидание поставили на паузу в какой-то момент. Я не часто получаю от него весточки, но все равно кажется, что между нами, что-то есть. Черт, я же тебе рассказала всю свою жизнь. Ты что-то делаешь своими глазами. Как ты это делаешь?

Я пожимаю плечами.

— Что ты имеешь в виду?

— Забудь об этом. — Она смеется. — В любом случае, было бы неправильно идти с тобой. Каким бы привлекательным ты ни был, а ты такой, Джон, но, как уже сказала, я таким не занимаюсь, и еще этот парень...

О, Эмилия, я узнал гораздо больше, чем хотел. Значит, Райли все еще влюблен в тебя? И Бриджит он нравится. Это мыльная опера.

У нее звонит телефон, на котором высвечивается твое имя. Я хорошо вижу его, потому что он лежит на столе между нами.

— О, прости, — бормочешь ты. — Я должна ответить на ее звонок, она просто ужас!

Я делаю размашистый жест, и она берет трубку, ее глаза упираются в меня.

— Привет! — отвечает она. К сожалению, я не слышу, о чем вы говорите.

— Да, какое совпадение! Я как раз говорила о тебе! ... Нет, о, я тебе потом расскажу, — шепчет она. — Да, я уже иду. Буду через 10 минут. Да, у меня есть запасной телефон для тебя, Эмми. Нет, я не забыла о тебе. Хорошо. Правда? Да, я в Старбаксе. Я буду ждать тебя. Скоро увидимся.

Черт, Эмилия, ты всегда портишь мои планы. Какого хрена ты делаешь? Мне не нужно, чтобы ты приходила сюда и видела меня с ней, Эмилия!

— Извини, — говорит она, убирая телефон. Я под прицелом. — К сожалению, я должна завершить нашу встречу. Моя подруга хочет поговорить со мной о чем-то важном и...

— Нет проблем! — восклицаю я, прерывая ее, и встаю. — Увидимся! Приятно было познакомиться. — Она совершенно ошеломлена, но я ухожу, не обращая внимания на ее реакцию.

Выходя из Старбакса, я вижу, как ты вбегаешь в кафе, твои глаза расширены, взгляд напряжённый. Ты выглядишь возбужденной, Эмилия, но, кажется, это не имеет отношения ко мне.

Это было близко.

32. Мы дома, Мейсон

Эмилия

Мейсон, что ты задумал? Вчера у нас был *секс по телефону!* Мейсон! Что я должна делать с этим? Что мне делать со всем тем, что ты написал? Рассказывая мне обо всем, что ты любишь во мне, ты выбил почву у меня из-под ног. Ты заявил, что готов на все ради меня. Ты как будто изменился, но я в это не верю. Совсем не верю. Что, если доктор Дэниелс прав, и ты просто хочешь меня, потому что не можешь получить?

О, Мейсон, с тех пор как я вернулась, мой мир, кажется, перевернулся с ног на голову. Мы с Сетом постоянно ссоримся. Он становится все более контролирующим, собственническим и параноидальным. Сегодня он пялился на меня всю лекцию. И не в сексуальном смысле, как раньше. Все было совсем наоборот.

Я считаю, что доктор Дэниелс — это уже история. После последнего сеанса я запретила себе видеться с ним или спать с ним снова. Единственная причина, по которой я это сделала — это то, что я скучаю по тебе, что неправильно. А твой звонок во время сеанса был для меня как озарение. Внезапно мне показалось, что я изменяю тебе, а не Сету.

Я должна поговорить с кем-нибудь об этом. Мне пришлось тысячу раз уверять Сета, что я просто встречаюсь с Бриджит в Старбаксе, прежде чем он наконец отпустил меня. Все лекции, которые нам осталось посетить, я пропущу, так как я не совсем в себе. Я убеждала его, что Бриджит плохо себя чувствует и ей одиноко. В конце концов, он мне поверил. Аллилуйя. И опять же, Мейсон, ты был таким же контролирующим, когда привез меня домой из Нью-Йорка. Однако сейчас я уже не могу мириться с этим дерьмом. Сет уверен, что я изменила ему с тобой. По иронии судьбы я снова оказалась в таком положении. Это когда-нибудь закончится? Изменится ли когда-нибудь то, что между нами? Хотя, теперь, когда ты сказал и написал мне все эти вещи, все равно все не так, как было. Как бы я ни старалась, теперь это никогда не будет так, как было.

Сейчас мы с Бриджит сидим в Старбаксе и пьем фраппучино. Бриджит покраснела и выглядит немного рассеянной. Возможно, пустая чашка передо мной с именем «Джон» и нарисованным на ней сердечком имеет к этому какое-то отношение.

Я скептически смотрю на Бриджит.

— Кто такой Джон с сердечком?

Она мечтательно вздыхает.

— Самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела, Эмми.

Черт, ей конец. Что на нее нашло?

— Так, значит, ты прогуляла занятия, чтобы выпить кофе с Джоном.

— Он сказал, что кофе — это интимно. И он так на меня посмотрел... — Она заговорщически смотрит на меня широко раскрытыми глазами, как будто я не нуждаюсь в пояснениях.

Я начинаю сомневаться в ее здравомыслии.

— Честно, Эмми. Если бы не эта чашка, я бы подумала, что мне это привиделось.

— Что привиделось? — раздраженно спрашиваю я, гадая, где находится ближайшая психиатрическая больница.

— Я шла по территории кампуса на занятия, когда увидела этого бога секса в

обтягивающей зеленой рубашке с руками, покрытыми татуировками. О, Боже! Его глаза и эта трехдневная щетина.

— Хорошо, — осторожно говорю я. — И что произошло дальше? — Я уже давно забыла, зачем пришла сюда. Похоже, Бриджит встретила чрезвычайно сексуальный экземпляр, который полностью выбил ее из колеи, как это всегда бывает у меня с тобой, Мейсон.

— Он спросил, не хочу ли я выпить с ним кофе. Я не смогла отказать! А потом он спросил меня о куче вещей!

Я поднимаю брови и потягиваю напиток, прежде чем спросить:

— О чем?

— Обо всем. Есть ли у меня парень, принимаю ли я наркотики, как отношусь к сексу на одну ночь, а потом почему-то темой разговора стала ты.

— Я стала темой? — спрашиваю, раздраженная так, как никогда в жизни. — Почему?

— Он спросил о моих друзьях. У меня есть только один друг, и это ты. И я рассказала ему о тебе и Райли. И что у нас с ним есть отношения, которые... я не знаю. — Она пожимает плечами. — В общем, он просто ушел! У меня даже нет его номера или способа связаться с ним. Возможно, потому что я сказала ему, что не собираюсь с ним спать. И еще его глаза. Знаешь, я так и не смогла определить, какие они — карие, зеленые или голубые! — У меня свело живот, и мне стало плохо. Кажется, я ослышалась, Мейсон, хотя, если подумать, ты не единственный симпатичный мужчина с татуировками и завораживающими глазами.

О, Боже.

— Какого цвета были его волосы? — небрежно спрашиваю я.

— Черные, как ночь.

— А татуировки на его руках, ты их хорошо рассмотрела?

— Я видела эти татуировки в документальном фильме о Гавайях, который я смотрела некоторое время назад.

Я глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю, не в силах поверить, что это ты, Мейсон. Что ты можешь здесь делать?

— Они называются маори, — говорю я шепотом и продолжаю дыхательное упражнение.

— Ты в порядке? — с тревогой спрашивает Бриджит.

Я поспешно киваю.

— Немного тошнит, вот и все. Продолжай.

— Я заметила что-то между его большим и указательным пальцами, хотя и не спросила его об этом. Это выглядело личным. — Я уже знаю, что она скажет дальше, Мейсон, и не представляю, как мне с этим справиться. — Маленький крестик, под ним дата 02–14. Я не смогла разобрать год. Думаю, это дата чьей-то смерти.

Черт!

Я закрываю глаза, когда все вокруг начинает кружиться. Я пытаюсь продолжать делать дыхательные упражнения, чтобы подавить тошноту, но это нелегко. Кажется, что в любой момент я могу потерять сознание.

Я снова открываю глаза и смотрю прямо на чашку. Как давно ты прикасался губами к этой чашке, Мейсон? Татуировки и выразительный взгляд не могут быть совпадением. Особенно если учесть, что Джон — второе имя твоего отца.

— Бриджит, думаю, мне пора идти. Я позвоню тебе позже, — бормочу я.

Она качает головой.

— Боже мой, почему сегодня все разбегаются, как будто их ужалил скорпион?

— Извини, милая, мне просто плохо. Кажется, я съела слишком много сладкого. — А ты так же реагировал, когда узнал, что я приеду, Мейсон?

Она вздыхает и закатывает глаза.

— Хорошо, не забудь мой запасной телефон. — Она достает его из кармана и протягивает мне. Поскольку дисплей моего телефона разбит, она одалживает мне свой старый.

Я кладу его в карман, благодарю и убегаю.

Как только я оказываюсь на улице, в смоге, я опираюсь одной рукой о стену рядом со мной и глубоко дышу. Я не могу поверить в то, что услышала. Что ты здесь делаешь, Мейсон? Если Сет узнает, будут проблемы. Так где же ты, Мейсон? *Вчера* ты тоже был здесь? Когда мы... ну, ты знаешь?

Прежде чем я успеваю подумать об этом, я нахожу твой номер в своем телефоне. Я сохранила тебя под именем *Мисси* на случай, если Сет будет рыться в моей записной книжке, и я ежедневно удаляю наши чаты. Все чаты.

Ты сразу же берешь трубку. Я отхожу от Старбакса на ближайшее солнечное место между бетонными многоэтажками и сажусь.

— Как дела, детка? — спрашиваешь ты. Твой голос до сих пор заставляет мое сердце трепетать, Мейсон. С годами он стал ниже и грубее от курения, а при воспоминании о твоих вчерашних столах у меня по коже бегут мурашки.

— Ты здесь, в Нью-Йорке, Мейсон Раш? — сразу же шиплю я. Несколько прохожих бросают на меня растерянные взгляды. Однако я коренной житель Нью-Йорка и умею защищаться, поэтому шиплю на них: — Что? — посылая их подальше.

— С чего ты это взяла, Эмилия? — отвечаешь ты. На заднем плане я слышу интенсивное движение. Да, в Чикаго такое тоже бывает, однако какова вероятность того, что я слышу сирены по телефону и в непосредственной близости от себя.

— Я только что разговаривала с Бриджит, Мейсон. Ну, с той маленькой блондинкой, чью голову ты только что превратил в кашу, Джон?

— Эмилия, — говоришь ты, вздыхая, — Я думаю, что ты бредишь, детка. Но если ты так сильно хочешь, чтобы я был рядом, это можно устроить.

— Могу поспорить, что можно, — рычу я. — Ты приставал к Бриджит, Мейсон? Ты пытался отомстить мне, заманив ее в свою постель, как ты сделал это с Клэр? И все это потому, что я с Сетом?

Ты вздыхаешь, сдаваясь, и при этом сохраняешь спокойствие. Я не понимаю. Если учесть, что я на тебя набрасываюсь, ты должен быть в ярости хотя бы потому, что я упомянула Сета, или по обеим причинам.

— Встретимся в «Цветущей вишне» через час и поговорим.

Не думаю, что я правильно тебя услышала.

— Ты издеваешься? Ты хочешь, чтобы я пришла *куда*?

— О, просто смирись с этим, Эмми! Просто будь там. Это мотель через дорогу от тебя. Я в номере 701, — и повесил трубку.

***

Я соврала Сету, что проведу утро с Бриджит, потому что она такая расстроенная, и вот я уже стою перед номером 701. Я чувствую биение моего пульса на шее, а мои руки вспотели. Я не знаю, убежать мне или кричать. Почему тебе достаточно щелкнуть пальцами, чтобы я сделала то, что ты хочешь? Я считала, что избавилась от твоего влияния за столько лет. Мейсон, не прошло и недели, как я была у твоих родителей, а вся моя жизнь уже перевернулась с ног на голову. Именно этого я и боялась.

Я боюсь постучать. Я поднимаю руку, но снова и снова опускаю ее. Я не знаю, что ждет меня по ту сторону двери и что буду делать, потому что не доверяю себе. Но знаю одно: как только я ступлю в эту комнату, моя жизнь бесповоротно изменится.

Я пытаюсь постучать еще несколько раз, но мне все еще не хватает смелости. Я знаю, что ты ждешь меня, Мейсон, и что от тебя будет невероятно вкусно пахнуть. Я также знаю, что меня захлестнут старые эмоции, которые будут сотрясать мой мир до тех пор, пока меня снова не затянет в твою темноту.

Когда я в седьмой раз поднимаю руку, ты облегчаешь мне задачу, распахивая дверь. Проходит, кажется, две минуты, пока мы просто смотрим друг на друга. Твои невозможные глаза так выразительно пронзают мои, что у меня сразу же выбивает почву из-под ног. Твои волосы падают на лоб, и ты без рубашки.

На мгновение ты замираешь, опершись рукой о дверной косяк, а другой придерживая открытую дверь. Лениво оглядываешь мое тело, пока твои глаза не встречаются с моими.

Ты здесь. Я не могу поверить, что ты действительно здесь. Прежде чем я успеваю что-то сказать, ты хватаешь меня за руку, как делал это раньше, и затаскиваешь в маленькую комнату, жалюзи которой ты опустил так, что сквозь щели пробивается лишь несколько лучей света. В комнате пахнет тобой и травкой, и в животе у меня порхает тысяча бабочек.

У меня перехватывает дыхание, Мейсон. Ты заставляешь меня кайфовать, даже не вдыхая травку. Ты переполняешь меня. Вот оно. Всепоглощающая, настоящая любовь, которую я никогда не найду снова, потому что никто не может быть тобой, и потому что я заперла свое сердце в твоём подвале тогда.

Ты захлопываешь дверь и прижимаешь меня к ней. Ты кладешь одну руку рядом с моей головой, а другой приподнимаешь мой подбородок. Я прижимаю ладони к дереву и прислоняю голову назад к двери. Мы так близко, я чувствую твою обнаженную верхнюю часть тела, твоё дыхание на моей щеке и твой запах, проникающий прямо в мою душу.

Черт. Я так теряюсь, когда с тобой.

Я смотрю в твои глаза, а ты смотришь в мои. Кажется, что проходят часы, пока мы стоим и смотрим друг на друга, как в старые добрые времена. Мы общаемся, не разговаривая. Мы испытываем эмоции, не обмениваясь словами. Мне это нравится, Мейсон. Ни с кем другим у меня такого не было. Внезапно мне становится все равно, почему ты здесь, что ты сделал или, что сделала я. И почему ты или я не должны быть здесь.

Все, что знаю — это то, что я люблю тебя всем своим существом.

Я глубоко вдыхаю и, выдыхая, опускаю плечи, и мое сопротивление, мой гнев и мое разочарование исчезают. Все покидает меня. Только ты и я остаемся в этом мгновении.

Боже.

Ты — все для меня.

Твоя рука нежно гладит меня по щеке, затем по волосам, так что я чувствую кончики твоих пальцев на коже головы. Затем ты прислоняешься своим лбом к моему, и мы закрываем глаза.

— Черт, детка, — шепчешь ты. Я киваю в знак понимания. В конце концов, я могу чувствовать твои эмоции. Моя тоска по тебе разрывает меня на части, несмотря на то, что ты так близко. Я поднимаю руки и кладу их тебе на грудь. Я чувствую, как твое сердце бьется сквозь кожу. Оно бьется так же быстро, как и мое. Мои колени слабеют, когда мое дыхание смешивается с твоим. Я люблю эти моменты. Я люблю то, что ты делаешь со мной. Ты тихонько задыхаешься, когда я глажу твою кожу, поднимаясь к широким плечам и верхней части рук, и мои ногти слегка царапают те места, к которым я только что нежно прикасалась.

Без слов ты двигаешься к моим губам. Я наклоняюсь и притягиваю тебя еще ближе в свои объятия, потому что не могу насытиться тобой и никогда не смогу, как бы близко ты ни был.

Твои губы на моих — настоящий фейерверк внутри меня, и, хотя я чувствовала их всего несколько дней назад, сейчас я словно умираю от жажды, а ты даешь мне воду. Я вздыхаю, потому что не могу выразить свои эмоции иначе, когда наши языки встречаются, и я чувствую твой вкус. Твоя рука на моей голове сжимает мои волосы в кулак и подталкивает меня ближе к тебе. Так близко, как только возможно.

Я просто хочу чувствовать тебя, твою кожу, твои губы, твои прикосновения. Я так по тебе скучала. Кажется, что мне сейчас станет плохо от всех этих эмоций. Я просто не могу выразить, что ты заставляешь меня чувствовать.

— Мейсон, — хрипло шепчу я тебе в губы, и ты киваешь. Да, ты знаешь, чего я хочу. Я хочу чувствовать тебя. Мне это необходимо, как и тебе.

Ты обхватываешь меня за спину и подталкиваешь к двери. Мои ноги автоматически обхватывают твои бедра, а твои руки хватают и поддерживают меня за задницу. Мне нравится, когда твои руки хватают меня за задницу. Я люблю твои руки по всему моему телу. Ты несешь меня так уверенно. Я знаю, что ты никогда не позволишь мне упасть.

Так было всегда, Мейсон. Наши обнаженные тела всегда говорили лучше, чем слова. Думаю, именно поэтому мы так мало разговаривали. Но, опять же, мы не обязаны знать друг о друге все. Мы знаем то, что важнее всего, к тому же мы люди, которые выражают себя эмоциями, а не словами. Я никогда не думала об этом с такой точки зрения — до сих пор.

И, черт возьми, я люблю тебя.

Ты усаживаешь меня на кровать, которая прямо рядом с нами. Я смотрю, как ты задерживаешься у изножья кровати, разглядывая меня. Мягкий свет, проникающий сквозь щели в жалюзи, позволяет мне видеть твои глаза, часть твоих рук, грудь и плоский, мускулистый живот. Я просто лежу здесь, затаив дыхание, и мне кажется, что я впервые вижу тебя *настоящего*. А ты видишь меня.

Ты наклоняешь голову и вбираешь в себя все, что я могу предложить. Я тянусь к тебе. Слишком долго я не могла этого сделать: поддаться желанию просто прикоснуться к тебе, почувствовать тебя и быть с тобой. Часто меня посещали мысли о том, чтобы попросить у твоих родителей твой номер телефона, и я часто искала рейсы, чтобы хоть на мгновение увидеть тебя. Я часто думала о том, каково это, снова ощущать тебя, твой вес на себе, и знать, что я в безопасности и дома. Но то, что я чувствую сейчас, Мейсон, находясь с тобой наедине, превосходит все, что я представляла.

Ты снимаешь свои джинсы, которые с глухим стуком падают на пол, а затем наклоняешься надо мной и расстегиваешь мои шорты. Мы продолжаем смотреть друг на друга, пока я поднимаю задницу, чтобы ты мог стянуть их и трусики с моих бедер. Твои

ладони проводят по каждой ноге, начиная от лодыжки. Везде, где ты прикасаешься ко мне, ты оставляешь ощущение, как будто я горю.

Блядь. Я просто люблю тебя.

Мне нравится, как ты сейчас смотришь на меня, Мейсон. Как будто я богиня, как будто я твой мир. Мне так хочется в это верить.

Ты опускаешься на колени между моих ног, берешь край моей футболки, и я сажусь, когда ты стягиваешь ее через голову.

Ты выдыхаешь, и это звучит так, будто ты на какое-то время задержал дыхание. В это тоже очень хочется верить. Расстегнув лифчик одной рукой, ты бросаешь его на пол. Теперь я полностью обнажена, но мне это не мешает, так как я не чувствую себя уязвимой или загнанной в тупик. Я чувствую себя в безопасности здесь, с тобой, в твоих объятиях, в твоей маленькой комнате, в твоей темноте.

Ты медленно склоняешь голову к моей коже, и я чувствую твоё дыхание на ключицах. Мне нравится, как ты всегда задерживаешься в этом изгибе и прислушиваешься к моему пульсу, словно проверяя, бьется ли еще мое сердце.

Я слегка стону, когда ты целуешь мою грудь, прижимаясь к твоим сильным рукам. Внезапно я чувствую желание прижаться к тебе навсегда. По моему телу пробегают мурашки, когда ты скользишь по моему животу, а твоё горячее дыхание оставляет за собой влажный след.

Твои пальцы ищут мои. Я беру твою руку и переплетаю наши пальцы. Боже, как приятно держать твою руку и чувствовать твою кожу на своей, когда твоё большая ладонь обхватывает мою. Они как будто созданы друг для друга.

Блядь.

Я раздвигаю ноги шире, когда ты проникаешь между ними и гладишь языком мою самую чувствительную часть.

Черт.

Я приподнимаю таз, а ты одной рукой опускаешь его обратно, заставляя меня улыбнуться. Мне так этого не хватало.

Ты продолжаешь неторопливо водить языком по моей точке удовольствия, и мне приходится прикусить губу, чтобы не кончить сразу же. Я так тосковала по тебе, что едва сдерживаю себя, Мейсон. С кем бы я ни была, никто не мог сравниться с тобой. Я не думаю, что есть кто-то еще, кто мог бы потрясти мой мир так, как это делаешь ты.

Я выгибаю спину, когда ты вводишь в меня два пальца. Солнечные лучи, проникающие сквозь щели в жалюзи, ласкают мою кожу и освещают твои глаза. Ты смотришь прямо в мои, а рука, соединенная с моей, лежит на моем животе и удерживает меня на месте. *Блядь.*

Я зарываюсь пальцами в твои густые волосы и выкрикиваю твоё имя, когда наконец-то наступает кульминация.

Хотя я борюсь за дыхание, я еще не насытилась тобой. На всю жизнь не хватит. Ты снова целуешь меня, проникая руками под спину. Одним быстрым движением ты переворачиваешь меня так, что я оказываюсь сидящей на тебе. Я чувствую тебя между своих ног, несмотря на трусы-боксеры, а мои руки лежат по обе стороны от твоей головы. Мои волосы падают вокруг нас, как защитный экран, поэтому ты поднимаешь руку и заправляешь их мне за ухо, а затем проводишь большим пальцем по губам. Я закрываю глаза, когда ты начинаешь говорить впервые с тех пор, как я вошла.

— Посмотри на меня. — Твоя рука скользит по моей шее, и ты просто обнимаешь меня.

Я открываю глаза, чтобы встретить твой горящий взгляд.

Улыбка играет на моих губах.

— Черт, Мейсон Раш, — шепчу я, и твои руки перемещаются на мою спину и толкают меня вниз. Моя грудь касается твоей, мой живот — твоего, но наши губы по-прежнему в дюйме друг от друга.

— Скажи, что ты меня любишь, — хрипло шепчешь ты.

— Я люблю тебя, — отвечаю я.

И тут словно ломается последний барьер внутри тебя. Как будто я уничтожила границу. Как будто ничто больше не разделяет нас, ничто не останавливает тебя.

— Блядь, — шепчешь ты и тянешься вниз между нами, чтобы стянуть свои боксеры. О, Боже, как я ощущаю тебя сейчас, тысяча крошечных вспышек пронесится по моему телу в предвкушении того, что я сейчас почувствую.

Ты снова переворачиваешь нас. Кажется, ты никак не можешь определиться, словно хочешь получить все и сразу, раз уж ты наконец-то можешь это сделать.

Наконец, ты фиксируешь меня под собой. Я просто обожаю это. Мои ноги автоматически обхватывают твои идеальные бедра, а твоя рука пробегает от моей грудной клетки до ключиц и дальше к шее. Твои пальцы грубые. Я чувствую каждый сантиметр своей чувствительной кожи и нетерпеливо тянусь к тебе. Но ты не груб, ни на секунду. Нежно, как будто я собираюсь убежать, ты запускаешь руку в мои волосы и сжимаешь их, полностью проникая в меня. На короткое мгновение мы остаемся в таком положении.

Ты опускаешь свой лоб на мое плечо, и я откидываю голову назад. Я не могу дышать, Мейсон. Ты, кажется, тоже не дышишь.

Я забыла, как это — чувствовать тебя. Действительно, это ускользнуло от меня. Я забыла обо всем, что ты вызываешь во мне. Я забыла, насколько я зависима от тебя.

Я обхватываю тебя рукой за шею и крепко притягиваю к себе, словно боясь потерять тебя. Другой рукой я царапаю твою мускулистую спину.

Когда ты начинаешь двигаться, ты поддерживаешь себя одной рукой за изголовье кровати надо мной. Твои мышцы напрягаются, челюсть сжимается так, что щеки дергаются.

Снова и снова я стону при каждом твоем толчке в меня. Ты дышишь через нос. Я вижу, что ты сдерживаешься, и обхватываю твои щеки, отчего твои глаза распахиваются.

— Отпусти себя, — говорю я хрипло, и ты вопросительно смотришь на меня. Ты выглядишь растерянным, как будто на грани потери контроля. — Мейсон, — добавляю я, — Не сдерживайся. Ты нужен мне таким, какой ты есть. Пожалуйста.

Теперь, кажется, тебя уже не остановить, ты входишь в меня с такой силой, что я вскрикиваю, и изголовье кровати ударяется о стену.

Черт! Черт!

Я чувствую, что меня сейчас разорвет на части, но этого не происходит. Ты перестаешь контролировать себя и хрипло стонешь мое имя.

— Блядь, детка, как же я по тебе соскучился. — Все, что я могу сделать, это кивать, вцепившись в твою подушку и приподнимать таз, встречая каждый толчок. — В тебе так хорошо, детка. — Мы становимся все грубее, громче, выпуская себя на волю. Ты просовываешь одну руку под мою попку и приподнимаешь ее, впиваясь пальцами в мою потную плоть, а я могу только двигать головой, пока ты уничтожаешь меня.

Снова и снова изголовье кровати ударяется о стену. Когда я сжимаюсь вокруг тебя, а ты в последний раз пульсируешь во мне, одна сторона кровати с треском проваливается, и мы

резко оказываемся на полу. Но тебе, кажется, все равно. Ты крепко обнимаешь меня и продолжаешь толкаться в меня, пока мы оба не достигаем кульминации.

Чуть позже мы лежим на сломанной кровати, тяжело дыша, счастливые от осознания того, что мы наконец-то снова вместе и... начинаем безудержно хохотать.

Наконец-то, мы снова дома.

33. Прислушайся к своему сердцу, Эмилия

Мейсон

Кровать рухнула, Эмилия, и это полностью твоя вина. Ты сказала мне отпустить себя. Теперь ты лежишь со мной посреди обломков, дышишь неровно, но я держу тебя в объятиях, как и должно быть. Я курю косяк, обхватив тебя за плечи. Твоя голова лежит на моей потной груди, а одна из твоих длинных ног переплетается с моей. Я чувствую биение твоего сердца рядом со мной. Густой дым окутывает нас и мерцает в солнечном свете, пробивающемся в комнату сквозь жалюзи.

Ты сказала, что любишь меня, Эмилия, и на этот раз ты именно это имела в виду. Я слышу твое учащенное дыхание, чувствую его на своей коже, и впервые за три года я не чувствую пустоты, я снова чувствую себя целым.

Твой нос ласкает мою кожу, а кончики твоих пальцев следуют за татуировками, рассказывающими о нашей истории. Мы смотрим друг на друга. Ты больше не боишься, Эмилия. Ты больше не сомневаешься. Ты больше не прячешься от меня. Мне это нравится. Как будто я вижу тебя впервые после того, как ты вырвалась из своей скорлупы.

Ты улыбаешься мне. Я подношу косяк к твоим губам просто потому, что хочу увидеть, как они обхватывают фильтр и выпускают дым, потому что никогда больше не хочу мешать тебе делать то, что ты хочешь. Ты затягиваешься, твоя помада давно стерлась, остатки макияжа размазались, но ты все равно чертовски красива.

Эмилия, ты выпускаешь дым мне в лицо и нагло ухмыляешься. Я щипаю тебя за задницу, потому что никогда не перестану трогать твою задницу при любой возможности. Твое хихиканье — самое прекрасное, что я когда-либо слышал. Никогда еще ты не была такой расслабленной и отрешенной в моих объятиях.

Однако в следующее мгновение я вижу, как в твоих волшебных бирюзовых глазах появляется что-то еще. Ты медленно сводишь брови вместе, так что между ними образуется буква V, затем прижимаешь одеяло к груди и приподнимаешься на одной руке.

Что теперь?

— Вообще-то я все еще злюсь на тебя, — говоришь ты, как будто только сейчас вспомнила об этом и совершенно возмущена.

Я должен усмехнуться, детка. Ты такая милая, когда шипишь на меня. Я стягиваю одеяло с твоего тела. Ты не должна прятаться от меня.

— Да?

— Да, Мейсон. Ты здесь, в Нью-Йорке, преследуешь меня? Ты встречался с *Бриджит*?

— И с доктором Дэниелсом, — лениво сообщаю я и делаю очередную затяжку из косяка.

Твой рот открывается, и ты несколько секунд смотришь на меня в шоке, затем качаешь головой и выхватываешь косяк из моих пальцев, чтобы затянуться.

— Зачем? — спрашиваешь ты.

— Потому что ты моя, Эмилия, и потому что я сказал тебе, что хочу вернуть тебя. И любой способ был и остается правильным для меня.

— Мейсон! — восклицаешь ты. — Ты подсматривал за мной? — Ты показываешь пальцем на окно и сурово смотришь на меня.

— Ты имеешь в виду вчерашний день, когда ты сидела на стойке и доставляла себе удовольствие? — Мне нравится шокировать тебя, детка, и как ты краснеешь.

— Да?

Я вздыхаю и беру косяк, чтобы сделать еще одну затяжку.

— Во-первых, парень, с которым ты встречаешься — мудака, и я волновался за тебя. Во-вторых, ты переспала с женатым мужчиной, который годится тебе в отцы, Эмилия. — Когда думаю об этом, я снова начинаю злиться, но стараюсь контролировать себя ради тебя. Потому что ты уйдешь, а я не могу пройти через это снова. Поэтому беру твою руку и целую каждую костяшку по очереди. — Все, что я делал, было только потому, что люблю тебя, Эмилия. Я просто хотел знать, что с тобой все в порядке. И я видел, что это не так, чтобы ты ни говорила моим родителям. Я также считаю своим долгом защищать тебя, хочешь ли ты, чтобы я был в твоей жизни, или нет.

Ты разрываешься между гневом и прощением.

— Сейчас я тебе кое-что объясню, детка. Я только что узнал это сам. Ты можешь злиться, потому что считаешь, что я сделал что-то, что не соответствует общественным нормам. Или просто не обращай внимания на эту ерунду и слушай свое сердце. Я слушаю свое сердце, Эмилия, поэтому я здесь.

Ты сглатываешь и кладешь руку мне на грудь, где бьется мое сердце.

— А я всегда думала, что у тебя его нет.

— Я не хотел показывать его тебе и не хотел признаваться в этом самому себе. Потому что, если у тебя есть сердце, его можно ранить, и ты единственный человек в моей жизни, который способен это сделать.

Ты выдыхаешь долго и тяжело. Затем ты улыбаешься, наклоняешься вперед и целуешь меня. Это ленивый, долгий поцелуй. Мы оба под кайфом и так счастливы. Я чувствую улыбку на своих губах и не понимаю, откуда она взялась.

Когда ты пытаешься забраться на меня, то чуть не падаешь на пол. Я держу тебя за руку, а ты смотришь на меня широко раскрытыми глазами.

— О, боже мой, — говоришь ты и смеешься. — Я чертовски под кайфом, Мейсон!

— Я знаю. Ты сексуальная, когда под кайфом.

Ты сидишь на мне, Эмилия — голая — немного слишком высоко, к сожалению. Я щипаю тебя за задницу, и ты визжишь.

— Подвинься, Эмилия. — Твои щеки тут же становятся ярко-красными. — Я знаю, что в тебе есть сучка. Просто дай ей волю, детка. — Я достаю свой мобильный телефон, лежащий на полу рядом с нами, включаю нашу песню и закрываю глаза.

Ты откидываешь голову назад, крутишь ею слева направо, позволяя музыке заполнить тебя, проводишь рукой по шее и начинаешь вращать бедрами.

— О, черт, детка, — шепчу я. Я кладу одну руку за голову, а другую свободно опускаю на твое бедро, когда ты улыбаешься мне, Эмилия. Ты прекрасно знаешь, что ты делаешь со мной, ты чувствуешь это на своей попке. Когда твоя рука скользит по твоей шее, между грудей, по животу и между ног, я стону. Я обхватываю пальцами твои бедра, а ты массируешь свой клитор. Твой таз подрагивает прямо надо мной, Эмилия. Ты мучаешь меня, ты наказываешь меня. Но я принимаю наказание, даже если мне приходится немного скрипеть зубами.

— А теперь, Мейсон Раш, я покажу тебе, каково это, когда я тебя трахаю. — С этими словами ты тянешься назад и несколько раз поглаживаешь мой член. Блядь, Эмилия, ты

такая мокрая. Медленно ты опускаешься между моих ног, не сводя с меня взгляда. Твои волосы рассыпаются по плечам и ласкают мою нижнюю часть тела. Когда твои губы смыкаются вокруг меня, это похоже на рай в этой темной проклятой комнате. Я должен закрыть глаза на мгновение, детка, иначе я немедленно кончу. Только ты можешь сделать это со мной.

Твоя попка висит в воздухе, и я представляю, как бы это было, если бы я мог иметь ее сейчас.

— Я слишком долго обходился без твоей попки, — хрипло бормочу я. Мы стонем одновременно, отчего я становлюсь еще тверже, а мои бедра дергаются вверх. Ты закрываешь глаза, представляя, что бы я сделал, если бы оказался у тебя за спиной. Я провожу одной рукой по твоим волосам. Я всегда лгал, Эмилия, мне нравятся твои волосы. Сейчас я не могу сдерживаться. Схватив тебя за волосы, я трахаю твой рот. Ты делаешь несколько движений, черт, ты так хорошо делаешь минет, детка. Я так близко.

— Если ты не хочешь, чтобы я кончил тебе в рот, отодвинься, — говорю я, но ты не делаешь этого, Эмилия. Вместо этого ты смотришь мне в глаза и шевелишь языком. Я теряюсь и кончаю глубоко в твое горло. Это самый лучший оргазм, который я когда-либо испытывал.

***

Мы вспотели после третьего раунда, и, если тебе больно, детка, ты этого не показываешь. Мне нравится это в тебе. Ты такая смелая.

Тем временем другая сторона кровати провалилась так, что от пола нас отделяет только матрас. Мы оба ложимся на спину и закуриваем сигарету. Ты все еще тяжело дышишь после последнего раунда, и я признаю, что меня ты тоже вымотала. Сейчас, наверное, уже три часа дня. Снаружи все живут своей жизнью, мимо проносятся машины, люди спешат из пункта А в пункт Б, но здесь, как и в нашем подвале, время остановилось. Да, это был *наш* подвал долгое время, но, когда ты сбежала от меня во время нашего отпуска, я переехал в квартиру, потому что больше не мог там оставаться.

Твой мобильный телефон, лежащий на полу рядом с нами, снова и снова вибрирует, и излучает свет. Мы знаем, кто это, не глядя. Сет продолжает звонить, пытаюсь дозвониться до тебя. Я не хочу тебя отпускать, и ты не хочешь уходить, иначе давно бы ушла.

Я глажу твой позвоночник, когда ты поворачиваешься, чтобы взять телефон.

Ты глубоко вдыхаешь и выпрямляешься.

— Мне нужно идти, Мейсон.

Мой первый импульс — сказать тебе, что ты никуда не пойдешь, если я этого не хочу. Но если мы хотим, чтобы между нами все получилось, я должен научиться верить, что ты вернешься ко мне.

Ты смотришь на меня, когда я лежу на полу, словно ожидая, что я сейчас закричу, крепко обниму тебя и прикажу остаться.

Но я просто говорю:

— Хорошо.

Твои глаза расширяются.

— Что?

Я стараюсь сохранять спокойствие и глажу тебя по волосам.

— Если тебе нужно идти, иди, но возвращайся ко мне.

— Черт, — шепчешь ты, затем наклоняешься вперед и крепко прижимаешь свои губы к моим. Это обещание, которое ты даешь мне без единого слова.

Но когда ты встаешь, Эмилия, ко мне возвращается знакомое ужасное чувство. Страх, что я потеряю тебя, если ты выйдешь на свет и покинешь нашу темноту.

Ты переодеваешься в трусики и шорты и надеваешь футболку. Черт, на твоей заднице еще недостаточно отпечатков, Эмилия. Я действительно пытаюсь сдерживаться. Ты снова идешь в ванную. Я слышу, как течет вода, и считаю до десяти. Потом ты возвращаешься в комнату. Я считаю до двадцати. Если я сейчас задержу тебя здесь, ты снова захочешь убежать, а я не могу этого допустить. Но когда ты, не оглядываясь,ходишь к двери и кладешь руку на ручку, я невольно двигаюсь.

Я прижимаюсь к твоему телу сзади, и ты замираешь, почувствовав меня.

— Подожди, — шепчу я тебе в волосы и расстегиваю шорты.

Одним рывком я стягиваю их с твоей задницы. Не сопротивляясь, ты бросаешь сумку, упираясь руками в дверь перед собой. Блядь, детка, я никогда не видел ничего более горячего, чем твоя попка, тянущаяся ко мне.

Я ударяю по ней и проникаю в тебя. Еще раз я должен почувствовать тебя, еще раз понять, что все хорошо. Одной рукой я обхватываю твою грудь, берусь за шею, кончиками пальцев за твою челюсть и сильно и быстро вгоняю член в тебя, заставляя тебя всхлипывать.

Тебе нравится то, что мы делаем, Эмилия. И хотя сегодня у тебя было уже пять оргазмов, через три минуты ты жестко взрываешься рядом со мной. Мне нравится, что ты продолжаешь кончать для меня, детка. Прижавшись лбом к твоему затылку, я в последний раз глубоко вхожу в тебя и отпускаю.

— У тебя есть время до двух часов, Эмилия. Иначе я приду за тобой. — С этими словами я отступаю назад и исчезаю в ванной. Я не могу смотреть, как ты уходишь, Эмилия.

Никогда больше.

34. Я лучше умру, Мейсон

Эмилия

Я никогда не сталкивалась с чем-то таким сложным, как войти в эту квартиру. Мои пальцы дрожат, когда я лезу в сумочку, чтобы достать ключ, который Сет дал мне от своей квартиры. Ты только что был во мне, Мейсон, и все же мне кажется, что я обманываю тебя, а не его. Я все еще чувствую кончики твоих пальцев на себе, слышу твои стоны, и ты говоришь мне, что у меня есть время до двух часов. Сейчас уже половина четвертого, значит, у меня осталось девять с половиной часов, что, на мой взгляд, слишком долго. Я хочу, чтобы время пролетело как можно быстрее, и я снова была с тобой.

Я приняла решение. Не знаю, был ли у меня вообще выбор. Мое сердце хочет тебя, Мейсон. Я хочу тебя, и больше не могу игнорировать это. Неважно, что между нами произошло. Ты отпустил меня. И я знаю, как тяжело это было для тебя. Я не ожидала этого, потому что знаю тебя другим. Это показывает мне, сколько усилий ты приложил, чтобы вернуть меня. Я тоже хочу вернуться к тебе, но с этим мне придется столкнуться в одиночку.

Я делаю глубокий вдох, отпираю и открываю дверь и вхожу в квартиру. Венера радостно бежит мне навстречу, и я глажу ее по голове, ставя сумочку на пол. Когда я оборачиваюсь, передо мной оказывается пара босых ног. Я медленно поднимаю взгляд. Я не испытываю того удовольствия, которое испытывала раньше при виде тебя. Конечно, мое сердце сейчас тоже колотится, но совсем по другим причинам. Мой взгляд скользит по темным джинсам, голому, покрытому татуировками торсу и... Да, Мейсон, ты прав, он Мейсон 2.0.

Мне требуется все мое мужество, чтобы посмотреть в лицо Сета, и я тут же жалею об этом. Его глаза ледяные. Он медленно окидывает взглядом мое тело, которое ты только что прижимал к двери. Он стискивает зубы, мышцы его щек подергиваются. Он выглядит рассерженным, но я не могу его винить.

— Ты выглядишь так, как будто тебя только что как следует трахнули, — холодно говорит он. Я хочу предложить ему отойти от меня, потому что чувствую на себе твой взгляд, Мейсон. Я понимаю, что ситуация может стать неприятной, и не хочу, чтобы ты совершал необдуманные поступки.

Однако было бы неосмотрительно предлагать Сету что-то сейчас.

— Где ты была? — спрашивает он, когда я молчу. Интуиция подсказывает мне, что нужно тщательно подбирать слова.

— Почему ты спрашиваешь? — Голос у меня хриплый, как будто я слишком много говорила, кричала и смеялась в прошедший час. Кроме того, уверена, что по мне все еще видно, что я под кайфом.

— Я позвонил Бриджит, вот почему, — вот его единственный ответ, и мое сердце пропускает несколько ударов. Он медленно обходит меня по кругу, и я чувствую на себе его пронзительный взгляд. — Представь себе, — сухо говорит он, — Она сказала, что не может говорить, так как у нее сейчас лекция, но я успел выяснить, что она понятия не имеет о твоём местонахождении, Эмилия.

Он снова поворачивается ко мне лицом, и я поднимаю взгляд. Чувствую себя такой слабой, я просто ненавижу это. Как бы сильно я не изменилась, ситуации, подобные этой, вызывают старое поведение, независимо от того, хочу я этого или нет. Однако сейчас у меня

нет другого выбора, кроме как смириться с этим. Я просто надеюсь, что ты останешься там, где ты есть, Мейсон. Я знаю, что прошу тебя о многом.

— Тебе есть что сказать в свое оправдание? — резко спрашивает Сет. Только сейчас я понимаю, что молчала все это время.

Я прочищаю горло и провожу рукой по волосам.

— Я... — Я хочу сказать правду, Мейсон, хочу сказать ему, что люблю тебя и что наши с ним отношения в долгосрочной перспективе ни к чему не приведут. Однако, учитывая, насколько взбешенным он выглядит, я боюсь, что он может потерять голову.

Поэтому я придумываю белую ложь.

— Я шла на встречу с Бриджит, когда вспомнила, что она на занятиях. Поэтому я сидела в Центральном парке и болтала с отцом. Позвони ему, если хочешь. — Я чувствую, как сердце бьется у меня в горле. Черт, Мейсон, что я здесь делаю?

— Ты должна была пить кофе с Бриджит в Старбаксе, но вместо этого все время болтала с отцом? — спрашивает он, приподняв одну бровь. — Значит, ты не слышала других звонков, хотя разговаривала с ним по телефону? — Черт, Мейсон.

— Я намеренно не брала трубку.

— Эмилия, заткнись, — обрывает он, и я вздрагиваю. Венера стоит рядом со мной и рычит на него. Она не такая, как Мисси, она может укусить, если ее достаточно спровоцировать. Я успокаивающе глажу ее, когда взгляд Сета перебегает на нее, но он не отступает. В данный момент он кажется непредсказуемым, и я боюсь, что он может причинить ей вред, поэтому встаю перед ней.

— Прости, но что ты хотел услышать, Сет? — спрашиваю я, звуча более уверенно, чем чувствую себя.

— Как уже сказал, я хотел бы знать, почему ты выглядишь так, как будто тебя только что трахнули. И почему от тебя пахнет сексом? Объяснишь? Нет?

Идиотка.

Черт, Мейсон!

Я сглатываю.

— Может быть, ты немного переигрываешь? То есть, я знаю, что сделала с тобой твоя бывшая, но я не она.

— Нет, — говорит он, качая головой. — Ты еще хуже, Эмилия.

— Правда, Сет? — спрашиваю я, и, несмотря на то, что мне до смерти страшно, пытаюсь гневно сверкнуть глазами. — Мне уже надоела твоя ревность! Однажды у меня был парень, который пытался меня контролировать, так что нет, спасибо, второго раза мне не надо.

Ни с того ни с сего, и очень быстро, он хватает меня за руку и притягивает к себе так сильно, что я ударяюсь о его грудь.

— Кого ты пытаешься обмануть? — рычит он. — Ты такая маленькая тварь, Эмилия. От тебя все еще пахнет им. Неужели ты не могла принять душ, ты, сука? — Я вздрагиваю, пытаюсь выдержать его взгляд. — Я уверен, так что не ври мне!

— Отпусти меня! — шиплю я. — Сейчас же.

Я указываю указательным пальцем на землю, давая знак Венере оставаться на месте. Хотя она рычит еще громче, она выполняет приказ.

О, Мейсон, я представляю, как ты расстроен, не имея возможности вмешаться, так же как я расстроена, зная, что ты сидишь в своем номере и наблюдаешь за нами.

— Или что? — спрашивает он, глядя на меня. — Ты натравишь на меня свою собаку? — Он сухо смеется. — Я с самого начала знал, что ты шлюха, Эмилия. С тех пор, как ты рассказала мне о бедном растяпе, которому ты изменила. Ты была помолвлена, но трахалась с другим мужчиной. И это продолжалось несколько месяцев. Тебе не стыдно?

— Да, стыдно, но главным образом мне стыдно за то, что я связалась с таким ублюдком, как ты, Сет! Я увидела в тебе то, чего не было на самом деле. — Я становлюсь все злее и злее, Мейсон. Твой голос в моей голове оказывает успокаивающее воздействие, но только не когда дело касается контроля над импульсами, а скорее наоборот. Моя кровь кипит, и я хочу ударить его, но знаю, что я недостаточно сильна, недостаточно, чтобы причинить ему вред.

— Неудивительно, что я неоднократно изменяла тебе! — слышу, как я кричу, не в силах остановиться, хотя его все более яростное выражение лица говорит мне, что я должна это сделать. — Посмотри на себя, ты, помешанный на контроле! Какая женщина станет..., — только и успеваю сказать я, как он дает мне пощечину, Мейсон.

Черт.

И довольно сильную.

Я падаю с ног. Венера тут же нападает и кусает его за руку, прежде чем он успевает это понять.

Черт!

— Венера! Нет! — кричу я, и она тут же бросается ко мне и лижет мое лицо. Черт, я должна вытащить нас отсюда, иначе он убьет нас обоих.

— Черт! — кричит он, держась за кровоточащую руку, когда поворачивается ко мне. — Я убью тебя! — кричит он. — *Ты, сука, я тебя убью!*

Я вскакиваю, открываю дверь, Венера рядом со мной, и в тот момент, когда я собираюсь выскочить, врезаюсь прямо в твою грудь. Черт!

— Мейсон! — вскрикиваю я. Моя щека пульсирует, и я вижу, что твой монстр уже на свободе, и я ничего не могу с этим поделать. Я имею в виду, Мейсон, это сильнее, чем когда-либо раньше. Он отражается в твоих глазах, твое тело вибрирует от ярости, вены пульсируют, мышцы подергиваются. Ты смотришь на меня, протягиваешь руку и толкаешь меня — безумие на твоём лице.

— Оставайся здесь, — рычишь ты, входя и закрывая дверь.

Я остаюсь снаружи, гадая, наступит ли момент, которого я всегда боялась, момент, когда ты станешь убийцей из-за меня.

***

— Черт! — ругаюсь я, беспомощно стоя в коридоре и колотя по двери ладонью. — *Мейсон! Открой дверь!* — рычу я, но меня игнорируют. Вместо этого я слышу ругань и грохот опрокидываемой мебели. Я в отчаянии дергаю себя за волосы, потому что не знаю, что делать. Черт, ты можешь убить его, насколько я знаю.

Позвонить в полицию? Когда моя собака только что укусила кого-то, мы только что выкурили 20 фунтов травки, и ты все еще работаешь в ФБР. Наверное, это будет не очень хорошо воспринято.

Позвонить Китону? Но он не сможет ничего сделать на таком расстоянии. У меня есть только один вариант. Единственный, кто может что-то сделать, кто находится поблизости и, кто всегда берет трубку, когда я звоню — это Райли.

Нервно, я достаю телефон из заднего кармана. Пальцы так дрожат, что я с трудом разблокирую его. Я слышу, как внутри что-то еще ломается. Черт!

Райли отвечает после четвертого звонка, который показался мне вечностью.

— Да? — спрашивает он непринужденно.

— Райли, ты мне срочно нужен. Я пришлю тебе адрес, ты должен мне помочь. Это Мейсон.

Он глубоко вздыхает.

— Что происходит?

— Это срочно. Я думаю, он собирается кое-кого убить. Райли, пожалуйста, приезжай и привези оружие! Пожалуйста, скорее!

— Я скоро буду.

Я кладу трубку и тут же отправляю ему адрес, засовываю телефон обратно в карман и продолжаю стучать в дверь.

— Мейсон! — Внутри раздается еще один громкий удар, но никто не отвечает. В отчаянии я бьюсь плечом о дверь и пинаю ее в надежде, что она откроется, но ничего не происходит. Все еще слышны звуки драки, и я задаюсь вопросом, как долго вы двое сможете сражаться, прежде чем окончательно убьете друг друга. Паника охватывает меня, и слезы начинают бежать по щекам.

Я надеюсь, что ты не сделаешь ничего такого, о чем мы оба будем жалеть. Внезапно дверь открывается, и я, спотыкаясь, падаю в объятия Сета.

— *Нем!* — кричишь ты, когда он притягивает меня к себе — и выхватываешь пистолет.

Черт!

Лает Венера. Залитый кровью Сет загибает мою руку за спину, и я задыхаюсь.

— Отпусти ее! — нервно требуешь ты. Твои волосы взъерошены, губы разбиты, под одним глазом наливается синяк, хотя в целом ты в порядке. Тем не менее, глядя в твои глаза, Мейсон, я пугаюсь. Вообще-то, выражение твоего лица пугает меня так же, как и блестящее оружие в твоей руке.

Кто бы дал пистолет такому, как ты?

— Мейсон! — говорю я. — Опустит пистолет!

Сет проводит носом по моим волосам.

— Да, лучше бы ты слушался свою маленькую сучку! — и он ломает мне руку. Боль настолько резкая и сильная, что у меня слабеют колени, и я кричу. Венера собирается снова наброситься на Сета, когда я дрожащим голосом приказываю:

— Нет.

— Ты ублюдок! — Я слышу щелчок затвора пистолета и поднимаю глаза. Волна боли пронизывает все мое тело, начиная с руки, и захлестывает меня так, что я не могу ничего соображать. Самое главное сейчас — не дать тебе нажать на курок и взять тебя под контроль, иначе все будет кончено.

— Мейсон, если ты меня любишь, опусти пистолет, — задыхаюсь я, хотя от боли трудно дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить. — Поверь мне, детка, послушай меня, и я поеду с тобой домой, но, если ты воспользуешься своим оружием, у нас никогда не будет дома. Это именно то, чего он хочет.

Сет усмехается, берет меня за волосы и оттягивает мою голову назад.

— О, а я-то думал, что ты не знаешь, чего я хочу. Но ты прекрасно знаешь, чего хотят мужчины, не так ли, маленькая сучка? Ты гипнотизируешь их своей волшебной киской и

обводишь вокруг своего пальца. — Он опускается на колени рядом со мной и смотрит на тебя, все еще держа мои волосы в кулаке и оттягивая мою голову назад. — Давай, расскажи ему все, что ты делала со мной. Расскажи человеку, которого ты так сильно любишь.

Черт, кто бы мог подумать, что у Сета такие психопатические наклонности.

— Я не могу говорить... — Я задыхаюсь. — Мне больно, Сет. Мейсон, опусти пистолет! — От паники мой голос кажется громче и тверже. Твой взгляд перебегает с него на меня, и твои ноздри раздуваются. Я вижу решение в твоих глазах за мгновение до того, как ты нажимаешь на курок. Я вскрикиваю. Пуля впивается в стену в нескольких дюймах от головы Сета, и он отпускает меня. Выстрел эхом отдается в моих ушах так, что в них звенит.

— Еще раз дотронешься до нее, и следующая пуля попадет тебе в лоб. — Твой голос так спокоен, так бесконечно спокоен, что звучит еще опаснее, чем если бы ты кричал.

Сет поднимает меня на ноги прямо перед собой, как щит. Я чувствую, как его тело прижимается к моей спине, а его руки обхватывают мой живот. Из носа течет кровь, во рту медный привкус.

Что Сет хочет от меня? Почему он не останавливается?

— Ты такая хрупкая, Эмилия... — говорит он, — Я мог бы просто обхватить руками твою прекрасную шею и сжать. — Он обхватывает мою шею руками.

— Мейсон, опусти пистолет! — рявкаю я.

— Да, Мейсон, опусти пистолет, пока я ее не задушил. — Твоя правая щека дергается, когда Сет сжимает мое горло. Я цепляюсь за его предплечье.

— Отпусти меня, Сет! — Я задыхаюсь, и мои колени снова слабеют. Проклятье! Внезапно ты снова поднимаешь пистолет, направляешь его прямо ему в голову и злобно шагаешь к нам. — Нет, Мейсон! — задыхаюсь я. — Я лучше умру, чем увижу, как тебя посадят в тюрьму. Пожалуйста, малыш, стой спокойно! — Неожиданно я чувствую, как руки Сета ослабевают на моей шее, и он сползает по моей спине, ударяясь о пол с глухим стуком. Я не уверена, стрелял ли ты в него, так как я просто на секунду отвела глаза, но ты выглядишь таким же удивленным, как и я.

Когда ты смотришь мимо меня, я оборачиваюсь. Там стоит Райли, тяжело дыша, с бейсбольной битой и говорит:

— Вас двоих нельзя оставлять одних, не так ли?

35. Ты все еще мой брат, Мейсон

Эмилия

Я в ванной, тру тело мочалкой. Мы в квартире, которую мы с Райли сняли, чтобы начать все сначала, пока все не пошло наперекосяк. Моя рука в гипсе, который, по крайней мере, розовый, а таблетки, которые я принимаю, совсем не помогают от боли. Вы с Райли сидите в гостиной и пьете шерри. Венера лежит у твоих ног, обессиленная от всей этой суматохи. Ты коротко поговорил по телефону со своим отцом, который *позаботится* о Сете, с которым я покончила навсегда. Кто бы мог подумать, что Сет настолько сойдет с ума. Конечно, я знала, что расставание будет некрасивым — какое расставание бывает иным? Но чтобы вот так? Я всегда боялась, что ты в конце концов убьешь кого-нибудь из-за меня, но, когда это было важно, ты держал себя в руках, Мейсон. Ты не выстрелил в него, хотя хотел. Я видела это в твоих глазах. Так что теперь ты на правильном пути, *мы* на правильном пути. Это все, что имеет значение.

Я неловко надела футболку и босиком подошла к вам двоим.

— Райли, если мы тебя стесняем, мы можем остановиться в гостинице Мейсона или в моей комнате в общежитии. — Я вспоминаю сломанную кровать и думаю, где именно мы будем спать. Затем я вспоминаю свою крошечную комнату в общежитии и общие душевые и хмурюсь.

Вы двое все еще сидите там. Я не могу понять, ненавидите вы друг друга или любите. Вы всегда сохраняете определенную дистанцию между собой, но сейчас, по крайней мере, вы смотрите друг на друга, а не вцепляетесь друг другу в глотку.

Райли поворачивает голову в мою сторону.

— О, не говори глупости, у меня есть гостевая комната, ты же знаешь. Так что расслабьтесь, отдохните и хорошенько выспитесь, а завтра мы посмотрим, что к чему.

Я остаюсь стоять рядом, не решаясь что-то сделать. Я понятия не имею, как вести себя в присутствии Райли, ведь все еще так свежо и ново. К счастью, ты обхватываешь меня за ноги и целуешь в бедро.

— Как ты себя чувствуешь, детка? — То, как ты смотришь на меня... о, я готова на все ради этого взгляда. Я нежно провожу рукой по твоим волосам.

— А *ты* как себя чувствуешь? — хрипло спрашиваю я. Говорить больно с тех пор, как Сет сильно сдавил мне горло. Ты притягиваешь меня к себе на диван, и я смотрю на камин, в котором так красиво потрескивает искусственный огонь. Вообще-то я не хочу этого делать, но по какой-то причине мое тело прижимается к тебе, как только ты обхватываешь меня за плечи. Как только твой запах касается моего носа, я понимаю, что все будет хорошо. Боль почти сразу утихает, и я мирно засыпаю впервые за три года.

***

Мейсон

Твоя голова покоится на моих коленях, Эмилия. Мне неприятно видеть этот гипс на тебе, и я ненавижу то, что сделал этот ублюдок, поэтому выпиваю еще один бокал шерри,

чтобы забыть об этом на несколько часов. Мой брат приносит одеяло и накидывает его на тебя. На улице уже темно. Мы провели четыре часа в больнице, медсестра смотрела на меня так, будто это я нанес тебе эти травмы. Слава Богу, что Райли, мистер Чистота, был рядом, иначе она, наверное, не позволила бы тебе уйти со мной. Теперь он сидит напротив меня и смотрит. Псих. Мое тело все еще переполнено адреналином. Я все еще не пришел в себя, Эмилия. Когда я вспоминаю лицо этого ублюдка, моя рука с отбитыми костяшками дергается, и мне хочется снова избить его. Я больше никогда не хочу оказаться в ситуации, когда не смогу тебе помочь, детка. Да, я хотел выстрелить, но взгляд твоих глаз остановил меня. Я хотел избить его до потери сознания, но в то же время не ранить тебя, так что я не убил его благодаря тебе. Боже, я больше никогда не хочу видеть тебя такой беспомощной. Ты всегда выбираешь не тех мужчин, Эмилия.

— Может быть, ты был бы лучшим выбором для нее, — медленно говорю Райли, но он прекрасно понимает, что я имею в виду.

— Возможно. — Он делает глоток. — Вообще-то, наверняка. Но ты же знаешь, какая она, когда ей что-то взбредет в голову. Она хочет тебя. Я видел, как она смотрела на тебя. Она любит и боготворит тебя. Причины больше не имеют значения. — Мне нравится слышать эти слова, Эмилия. Я тоже ее боготворю.

— Я тоже ее люблю, — говорю я.

— Я знаю.

— Откуда? Ты все время говорил, что я просто трахаю и пользуюсь ею. Что изменило твое мнение сейчас?

— Мейсон, на протяжении многих лет твой путь приводил тебя к ней. Сколько бы дерьма ты ни натворил, она тебя прощала, и теперь вы снова нашли друг друга. Я вижу, как ты смотришь на нее. И именно из-за любви к ней ты не сошел сегодня с ума и не пристрелил придурка.

— Боже, как я ненавижу, когда ты прав.

— Это всегда было твоей главной проблемой со мной. Ты не мог смириться с тем, что я не злопамятен и следую правилам, что моя главная цель — порадовать маму, делая все, что она хочет. Если ты ее беспокоил, то я хотел показать ей, что все не так уж дерьмово... и старался снять бремя с ее плеч.

Я фыркнул.

— Ты хоть понимаешь, каково это — жить в твоей тени? Ты, солнечный свет семьи, вундеркинд. Отличник, уроки фортепиано, представитель студенчества, лучший в классе, красивая женщина, хорошая квартира, хорошая работа, и я... ошибка в подвале. Ты знаешь, каково это было — конкурировать с тобой все эти годы?

— О Боже, Мейсон, ты не понимаешь? Ты думаешь, это тебе приходилось со мной соревноваться? Все внимание было приковано к тебе с самого твоего рождения. Я был так сфокусирован на тебе только потому, что ты был проблемным ребенком, а я хотел получить свой кусок пирога. Как только ты появился, все внимание родителей сосредоточилось на тебе, и так до сих пор. Разве ты не видишь? Как часто я звоню папе, потому что у меня проблема, и как часто звонишь ты? Как часто мама плачет из-за меня и как часто она плачет из-за тебя? Как часто тебе что-то нужно, и как часто это нужно мне?

— Что ты мне хочешь сказать? Что я не могу справиться самостоятельно со своими проблемами?

— Я просто говорю, что все всегда вертится вокруг тебя, Мейсон, и, может быть, тебе

стоит попробовать взглянуть на это с моей точки зрения. И да, черт возьми, ты действительно должен уверенно стоять на ногах. Папе тоже нужен отдых. А Эмилиии нужен мужчина, который стабилен и может ее поддержать.

Я поднимаю бровь.

— Я больше не живу дома.

— Да, но... ты все еще дома. Ты работаешь с ним, ты ешь с ним, ты берешь его машину, если хочешь уехать. Ты звонишь ему, когда у тебя возникают проблемы, и в глубине души ожидаешь, что он всегда прикроет тебя, и поэтому у тебя есть свобода действий. Но это не так. Представь, если бы ты сегодня застрелил парня, отец не смог бы тебе помочь.

— Я этого не сделал.

— Это начало. — Мы оба делаем по глотку.

Потом он говорит:

— Я вовсе не хотел тебя ненавидеть, я просто хотел мирно уживаться с тобой.

— Пока я не отнял у тебя девушку.

— Женщину, которую я люблю, а не просто девушку. — Мы оба смотрим на тебя, ты так мирно спишь, одна рука на моем бедре, твоя голова на моих коленях, и я глажу твои волосы. Я представляю себя на его месте, наблюдая, как ты спишь на коленях у кого-то другого. И, наверное, впервые понимаю его.

— Она выбрала темноту, а не свет, и это было ее решение. Но мне жаль тебя. Я не хочу представлять, каково это. — Когда я смотрю на него, он кажется немного удивленным. Он никогда не слышал от меня таких слов. Но я хочу покончить со старым дерьмом — для тебя.

— Ты должен наконец отпустить ее и найти кого-то нового, Райли. Потому что наверняка есть та, кто может дать тебе все, что тебе нужно, и все, чего ты заслуживаешь.

— Отпустить ее нелегко. Ты знаешь это.

— О да, я знаю. — На мгновение мы замолкаем и смотрим на тебя. Я знаю, что никогда не хочу снова потерять тебя, детка, и никогда не хочу снова иметь возможность отпустить тебя.

Я глубоко вдыхаю и смотрю на Райли. Он смотрит на меня, Эмилиия, но впервые в его глазах нет горького выражения.

— Пойду спать, я устал. — Я осторожно вытаскиваю себя из-под тебя и поднимаю тебя на руки.

Но я снова поворачиваюсь к Райли.

— Эй, спасибо за помощь, — говорю я, проходя мимо него.

Он взбалтывает свой херес в бокале и смеется.

— Ты все еще мой младший брат.

Мы оба ухмыляемся, и я несущу тебя наверх, зная, что все будет хорошо.

Мейсон

Я сижу в кресле в твоей крошечной комнате в общежитии и думаю, почему каждый проклятый ублюдок здесь знает твое имя. Когда мы сегодня днем ехали от дома моего брата к твоему общежитию — к твоему общежитию — я впервые после Сета чуть не сошел с ума. Я не мог пройти с тобой по коридору, чтобы какой-нибудь сукин сын не сказал:

— Эй, Эмми! — Что это за дела с Эмми, Эмилия? И ты покраснела. Почему ты покраснела, Эмилия? Что ты делала здесь все эти годы?

Не думаю, что хочу знать, но я должен.

Поэтому я выпускаю дым изо рта и смотрю на тебя сквозь дымку. Ты все еще лежишь голая и потная в своей слишком маленькой кровати, но меня не волнует, насколько она мала, детка. Мне всегда удастся как-то трахнуть тебя. Неважно, насколько мало у нас места.

Ты ложишься на спину и тянешься к моему косяку, но я думаю о том, чтобы не дать тебе его просто потому, что могу, а ты этого не заслуживаешь, Эмми.

— Почему каждый член в этом кампусе знает тебя, Эмилия? — спрашиваю я и делаю еще одну затяжку. Ты поворачиваешься на бок, подложив руку под щеку, и спокойно смотришь на меня.

— Ты ревнуешь, Мейсон? Неужели ты думал, что у меня был только Сет последние несколько месяцев и больше никого?

— Дилф Дэниелс! Что это вообще значит? — прорычал. — Я взломал твой телефон и читал твои сообщения, но ты всегда удаляла действительно важные. Все, кроме тысячи номеров твоих членов. Твой мобильник выглядит так же, как когда-то выглядел мой. С именами типа Минет-Кайл, Раком-Дэниел, Дилф-Дэниелс и так далее. Мне это совсем не нравится.

Теперь ты смеешься — нагло!

— Папочка, с которым я бы трахнулась! — Я чуть не падаю от шока. У тебя действительно больше нет инстинкта самосохранения, потому что, хихикая, ты забираешься ко мне на колени совершенно голая и берешь у меня косяк. Ты затягиваешься, наклоняешься вперед и *выдыхаешь дым прямо мне в рот*.

— Успокойся, Мейсон, — шепчешь ты прямо возле моих губ и обхватываешь меня за плечи, держа косяк в другой руке.

Успокоиться легче сказать, чем сделать. Я поднимаю бровь, когда ты делаешь очередную затяжку.

— Значит, ты перетрахала весь кампус, Эмилия? Правда?

— Да.

Вот черт, Эмилия!

— Что мне с тобой делать? — спрашиваю я, положив руку тебе на бедро.

— Все, что ты хочешь, Мейсон.

— Ты забыла, что мне опасно это говорить, детка?

— Нет, не забыла. — Ты вызывающе двигаешь бедрами. На мне только боксеры, и я подавляю стон.

— Я все еще не доверяю тебе, Эмилия, — мягко говорю я, забираю у тебя сигарету и

кладу ее в пепельницу.

— Я тоже тебе не доверяю! — Я осторожно приподнимаю твой подбородок и провожу большим пальцем по губам.

— Мы действительно собираемся убить друг друга, — тихо говорю я.

— Я знаю.

— Это будет нелегко, Эмилия.

— Я знаю.

— И теперь я уверен, что не позволю тебе сбежать.

— Я знаю.